

Россия и Азия

№ 3 (25), 2023

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 3 (25), 2023 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Международных экономических отношений имени Р. И. Хасбулатова, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, г. Манама, Бахрейн.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), независимый исследователь, Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Родионова И. А. Научоёмкие отрасли и высокотехнологичное производство — драйвер мирового экономического развития	6
Русакович В. И. Участие России в инициативе «Один пояс, один путь»: основные направления, проблемы и перспективы сотрудничества с КНР	25
Савинский А. В. Южная Азия: социально-экономическая динамика и новые точки роста	41
Ильясов П. В., Андреева Е. Л. Влияние нетарифного регулирования на международную торговлю ЕАЭС в условиях усиления протекционизма	51

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Черников А. В. Региональные и структурные диспропорции экономического развития Российской Федерации	58
Ким Ючжон. Формирование цифровой экономики в Республике Корея	69
Яндиев М. И. Москва регионам 2023: направления и особенности межрегионального взаимодействия	76

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Шкваря Л. В. Теория международной экономической интеграции и современная практика стран с развивающимися рынками	89
---	-----------

Content**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

Rodionova I. A. High-tech industries and high-tech production - the driver of world economic development	6
Rusakovich V. I. Russia's participation in the "One Belt, One Road" initiative: main directions, problems and prospects of cooperation with China	25
Savinsky A. V. South Asia: socio-economic dynamics and new growth points	41
П'yasov P. V., Andreeva E. L. The impact of non-tariff regulation on the international trade of the EAEU in the context of increased protectionism	51

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Chernikov A. V. Regional and structural imbalances of economic development of the Russian Federation	58
Kim Yujong. Formation of the digital economy in the Republic of Korea	69
Yandiev M. I. Moscow to regions 2023: directions and features of interregional cooperation	76

ECONOMIC THEORY AND HISTORY

Shkvarya L. V. Theory of international economic integration and modern practice of countries with emerging markets	89
---	-----------

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

**Наукоёмкие отрасли и высокотехнологичное производство — драйвер
мирового экономического развития**

Родионова Ирина Александровна¹

Статья посвящена пространственной перегруппировке сил в архитектуре мировой высокотехнологичной индустрии на глобальном уровне. Эта перегруппировка продолжается в настоящее время и сохранится в перспективе, поэтому важно установить и охарактеризовать новые тренды в данной отрасли. Цель статьи — выявить происшедшие изменения в мировой высокотехнологичной индустрии и обозначить регионы и страны-лидеры за период с начала XXI в. на основе классификации отраслей высокотехнологичной промышленности и знаниеёмких услуг по показателю интенсивности использования результатов НИОКР. Автором проведен контент-анализ имеющихся источников, использованы данные международной статистики, применен сравнительный анализ показателей производства продукции различных высокотехнологичных отраслей и знаниеёмких услуг. Показан рост удельного веса Китая в общемировом производстве и экспорте продукции высокотехнологичных отраслей. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что изменения прослеживаются в производстве продукции всех знаниеёмких отраслей. Автор обосновывает точку зрения, что на передовые позиции в большинстве отраслей вышел азиатский регион, заметно потеснивший в рассматриваемой сфере Северную Америку и Европу. Показано, что в производстве и экспорте большинства видов промышленных, в том числе многих высокотехнологичных товаров, Китай уже опережает прежнего лидера — США. Но США и другие высокоразвитые страны по-прежнему находятся в группе лидеров в наукоемких отраслях, в первую очередь в аэрокосмической, и особенно в создании знаниеёмких услуг. Российская Федерация в 2022 г. занимала 13-ю позицию среди индустриальных мировых лидеров, что ставит перед нашей страной задачу наращивания отечественного высокотехнологического потенциала и усиления национального технологического суверенитета.

Ключевые слова: *мировая индустрия, обрабатывающая промышленность, наукоемкие отрасли, высокотехнологичное производство, знаниеёмкие услуги производителям.*

JEL коды: *O33, F01, F20.*

¹ Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, Москва, Россия.

Введение

Процесс индустриализации на глобальном уровне продолжается, и в первую очередь — за счет технологического развития государств с развивающимися рынками. Об этом свидетельствуют многочисленные научные исследования и международные аналитические сборники, а также мировая практика. В высокоразвитых постиндустриальных странах данный процесс ассоциируется с новой промышленной политикой и «высокоразвитой постиндустриальной индустрией» с продолжающимся переходом к знаниеёмкому, высокотехнологичному, эколого-эффективному промышленному производству (Кондратьев, 2018; На пути к китайскому..., 2018; Родионова, 2018; Варнавский, 2019; Социально-экономические..., 2021; Родионова, Угрюмова, 2021; Statistical Indicators, 2023).

В научной литературе и аналитических сборниках международных организаций эксперты приводят факты о «реиндустриализации», «неоиндустриализации», «информатизации», «цифровизации» и т. д. (Towards the re-industrialization..., 2014; Digital transformation..., 2015; Industry 4.0: the future ..., 2015; Industry 4.0 Digitalisation..., 2015; The New Industrial ..., 2017; Кондратьев, 2018; Industrial Development Report, 2018, 2020; Родионова, Угрюмова, 2021; Competitive Industrial Performance Report, 2022; International Yearbook of..., 2022 и др.).

Изменяется архитектура мировой обрабатывающей промышленности. «Прогресс в развитии робототехники, технологий искусственного интеллекта, аддитивного производства и анализа данных открывает значительные возможности для ускорения процесса инноваций и повышения доли производства обрабатывающей промышленности в общей добавленной стоимости» (Industrial Development Report, 2020). Процессу развития и углубления цифровизации в немалой степени способствовала и пандемия *COVID-19*, которая оказала огромное негативное влияние на всю мировую экономику и мировую индустрию.

В настоящее время в странах Северной Америки и Западной Европы происходит своего рода «репатриация промышленных производств». Свои стратегии развития эти страны осуществляют в направлении восстановления роли промышленного производства в экономике на территории своих стран. И это касается не только возврата в развитые страны из развивающихся отдельных размещенных там ранее производственных мощностей крупнейших ТНК и их филиалов (Родионова, Шкваря, 2012; Кондратьев, 2018; На пути к китайскому миру, 2018; Варнавский, 2019; Industrial Development Report, 2018, 2020; Социально-экономические..., 2021; Родионова, Угрюмова, 2021; Родионова, Дирин, 2023; Родионова, Калашников, 2023).

А ведь еще одно направление «миграции» промышленных производств обозначилось. Так, в 2022 г., в условиях экономических санкций стран Запада против Российской Федерации, проведения СВО и отказа стран ЕС от экспорта энергетических ресурсов из России, отмечены факты переноса промышленного производства европейских ТНК разных отраслей на территорию США (в первую очередь — из-за роста цен на энергоресурсы и электроэнергию в Европе).

Промышленное производство уже немыслимо без НИОКР и информационных услуг производителям. Деление отраслей экономики на первичный, вторичный и третичный сектора (сельское хозяйство, промышленность и сферу услуг) уходит в прошлое. В современных классификациях принято выделять низкотехнологичные (*low-technology*); среднетехнологичные (*medium- low-technology*); средне- и высокотехнологичные

производства (*medium-high and high-technology*), в том числе — с определением степени интенсивности использования результатов НИОКР в них (International Yearbook of..., 2022; Science and Engineering Indicators, 2022).

Высокотехнологичными считают производства с наукоёмкостью, не менее чем вдвое превышающей средний уровень по отрасли. Как отмечается в энциклопедических словарях, к наукоёмким (*knowledge-intensive industries*) относят отрасли экономики, выпускающие продукцию, выполняющие работы и услуги с использованием последних достижений науки и техники.

Цель данного исследования — выявить происшедшие изменения и обозначить регионы и страны-лидеры высокотехнологичной индустрии, то есть в выпуске продукции в знаниеёмких (высоко- и средне-высокотехнологичных) отраслях промышленности за период с начала XXI в. и до настоящего времени.

Методика исследования и материалы

Проведен контент-анализ имеющихся источников, использованы данные статистики, применен сравнительный анализ показателей производства продукции разных высокотехнологичных отраслей и знаниеёмких услуг. В базе данных ЮНИДО (UNIDO. Statistics Data Portal, 2023) и Научного фонда США (Science and Engineering Indicators, 2022) представлены сведения об объемах производства продукции высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности (*value added*), включая услуги производителям в стоимостных показателях в текущих ценах или в ценах 2015 г. Следует отметить, что сборники Научного фонда США публикуются 1 раз в 2 года, и последние данные по наукоёмким отраслям промышленности представлены за 2019 г. На статистическом портале ЮНИДО — данные о добавленной стоимости производства продукции обрабатывающей промышленности представлены до 2022 г.

Следует напомнить о современной классификации наукоёмких отраслей. Так, к отраслям с интенсивным использованием НИОКР (*Knowledge and technology-intensive (KTI) industries*) ныне относят не только отрасли обрабатывающей промышленности (*KTI manufacturing industries*), но знаниеёмкие услуги, необходимые производству (*KTI services industries*). К последним относят издание компьютерного программного обеспечения (*Computer software publishing*), услуги по внедрению НИОКР (*Scientific R&D services*), услуги информационных и других технологий (*IT services*).

В свою очередь, отдельно анализировались статистические данные как по отраслям, наиболее интенсивно внедряющим результаты научных исследований (*high R&D intensive industries*), к которым относятся: авиакосмическая, фармацевтическая отрасли, производство компьютеров, электронной и высокоточной оптической продукции, производство медицинских инструментов, а также по отраслям средне-высокотехнологичным (*medium-high R&D intensive industries*), к которым отнесены: производство химической продукции (исключая фармацевтику), электрических и других машин и оборудования, выпуск транспортных средств, производство железнодорожной и военной техники (Science and Engineering, 2022). Далее рассматривались данные по всему сектору знаниеёмких услуг.

Выполненные расчеты и сопоставление позиций регионов и стран-лидеров позволили построить графики и выявить тренды мирового развития наукоёмких (или знаниеёмких) отраслей и высокотехнологичного производства мира.

Результаты исследования

В последние годы промышленное производство, вне всякого сомнения, продолжает выступать как драйвер развития, как рычаг для превращения отдельных стран в новых важных игроков глобальной экономики. Практически во всех отраслях и подотраслях обрабатывающей промышленности на глобальном уровне происходит перераспределение производства между крупными регионами мира в пользу Азии. Значение стран азиатского региона продолжает расти (Родионова, Шкваря, 2012; На пути в китайский мир, 2018; Родионова, 2018; Родионова, Угрюмова, 2021, Родионова, Дирин, 2023; Родионова, Калашников, 2023; Соловьёва, 2020).

Позиции регионов и стран-лидеров в создании продукции отраслей индустрии, основанной на знаниях и новейших технологиях. Охарактеризуем сдвиги в размещении высокотехнологичного производства, выявив роль регионов и стран-лидеров в создании продукции знаниеёмких отраслей. Объемы выпуска высокотехнологичной продукции представлены в табл.1.

Таблица 1.

Производство продукции наукоёмких отраслей индустрии, 2019 г.

Отрасль	Производство продукции, млрд долл.	Доля, %	Доля в глобальном ВВП, %
Вся индустрия, основанная на знаниях и технологиях (<i>KTI industries</i>)	9 220,0	100,0	11,5
Наукоёмкие отрасли обрабатывающей промышленности (<i>KTI manufacturing industries</i>)	6 407,5	69,5	8,0
Знаниеёмкие отрасли сферы услуг производителям (<i>KTI services industries</i>)	2 812,6	30,5	3,5

Источник: Science and Engineering Indicators — 2022.

Доля этой группы производств в глобальном ВВП в 2019 г. составляла 11,5% (было создано товаров и услуг на сумму свыше 9 трлн долл.). Непосредственно на высокотехнологичное производство пришлось около 70% итогового объема (а на знаниеёмкие услуги производителям — около 30%). В структуре выпуска продукции знаниеёмких отраслей промышленности выделяются: производство компьютеров, электронной и оптической продукции; прочих машин и оборудования; химической продукции (исключая фармацевтику); и производство транспортных средств. В добавленной стоимости услуг производителям (*KTI services industries*) особо выделяются ИТ и другие информационные услуги (*IT and other information services*).

Расчеты позволили сопоставить удельный вес регионов и стран по каждой из подотраслей, входящих в общую категорию знаниеёмких отраслей промышленности и услуг. Отметим, что во всех регионах мира рос ассортимент выпускаемых товаров и услуг и увеличивались объемы производства (*Value added of KTI industries*). Но менялись лидеры. В 2019 г. на долю Азии уже пришлось 45% мирового показателя. При этом по стоимости произведенных знаниеёмких товаров и услуг этот регион опередил Северную Америку (в составе США, Канады, Мексики) в 1,6 раза, и Европу — в 2 раза. Удельный вес Северной

Америки в мировых показателях за анализируемый период (2003–2019 гг.) снизился с 32 до 28%, а Европы — с 30 до 24% (рис. 1). Иными словами, темпы роста объемов производства знаниеёмких товаров и услуг (оцениваемого в текущих ценах, согласно статистике Научного фонда США) в странах разных регионов за анализируемый период сильно различались. При этом статистика наглядно отражает значительное снижение производства в Европе в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

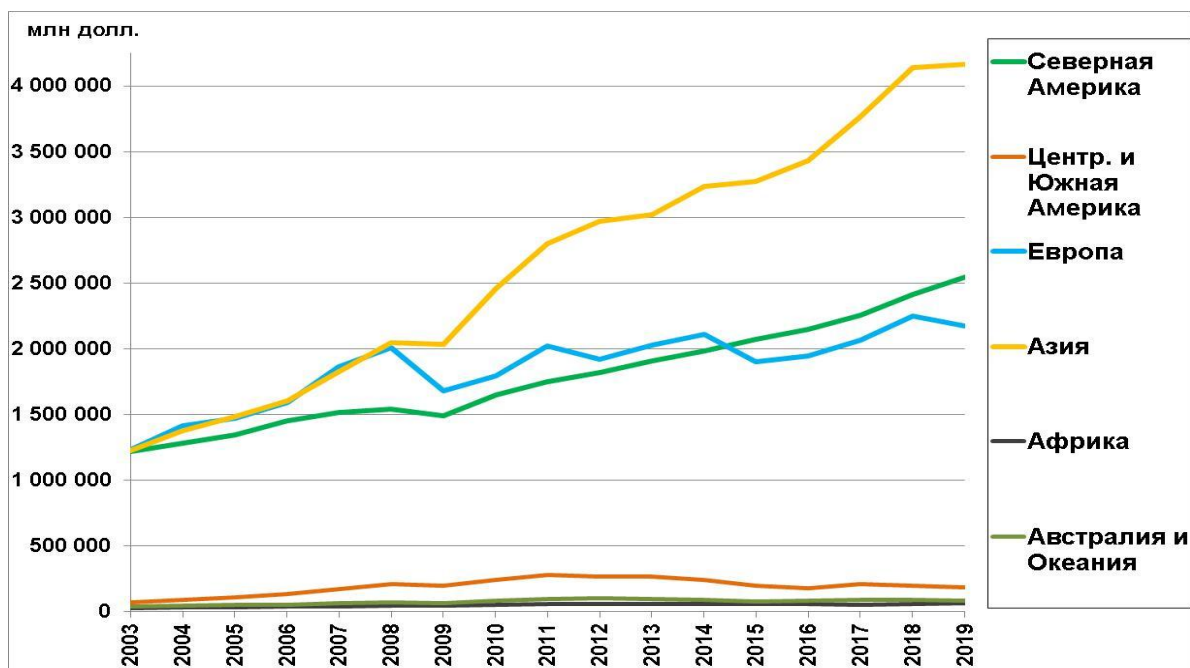

Рис. 1. Динамика объемов совокупного производства высокотехнологичных товаров и знаниеёмких услуг в регионах мира, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

А вот выпуск продукции в Азии увеличивался все время быстрыми темпами, в первую очередь — за счет развития индустриального сектора Китая (рис. 2). С 2003 г. стоимостные показатели производства продукции знаниеёмких отраслей в Китае увеличились в 8,5 раз, а доля этой страны в мировом показателе выросла за данный период с 7 до 24,6%. Доля США (безусловного лидера региона Северная Америка, и пока — мирового лидера) сократилась за анализируемый период с 29 до 25,3% общемирового показателя. Иными словами, видим, что в 2019 г. к показателям США вплотную придвинулся Китай (рис. 2). Далее в группе лидеров (со значительным отрывом от США и Китая) следуют Япония, Германия, Республика Корея. График иллюстрирует спад производства практически во всех странах лидирующей десятки в период экономического кризиса 2008–2009 гг. Но вот Китай осуществил рост производства. Ныне имеются лишь 2 практически равноценных лидера (а это суммарно почти 1/2 мирового выпуска продукции отраслей, основанных на знаниях и новейших технологиях). Ведь и по расходам на НИОКР в мире ныне лидируют США (697,4 млрд долл. в 2022 г.) и Китай (551 млрд долл. в 2022 г.). На 3-й позиции находится Япония (182 млрд долл. в 2022 г.). В десятке лидеров есть и Россия (52 млрд долл. в 2022 г.)

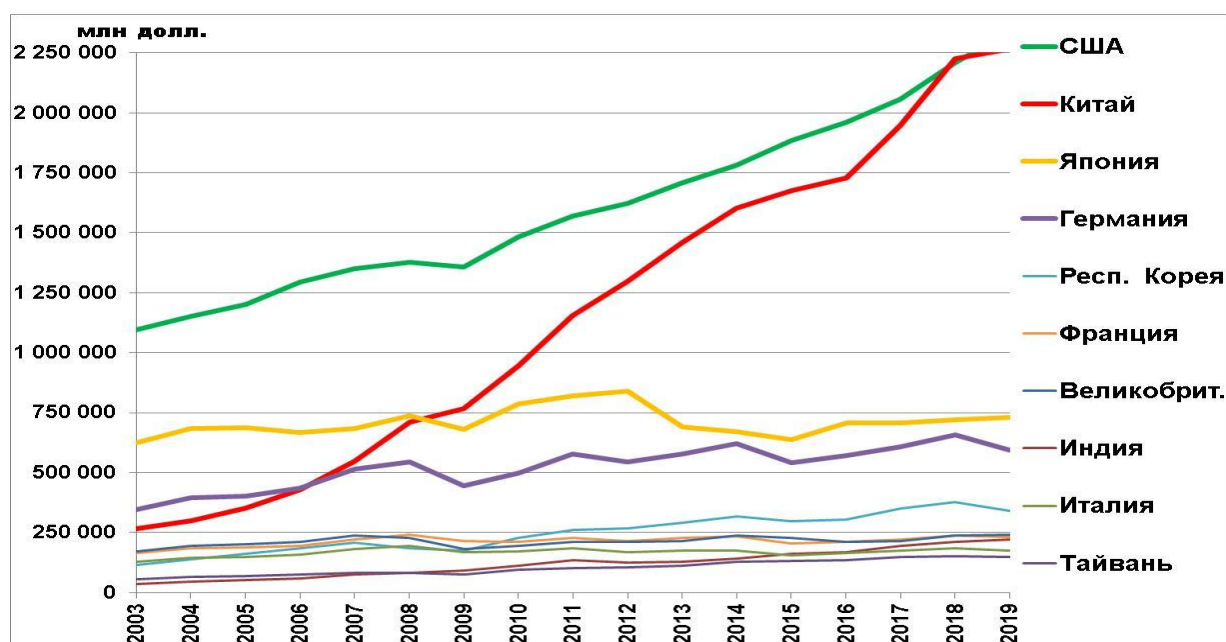

Рис. 2. Динамика объемов совокупного производства высокотехнологичных товаров и знаниеёмких услуг (*KTI manufacturing industries*) в странах-лидерах, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

Выпуск высокотехнологичной продукции в отраслях обрабатывающей промышленности (*KTI manufacturing industries*). Иллюстрируют изменения на региональном и страновом уровне представленные ниже графики (рис. 3 и 4).

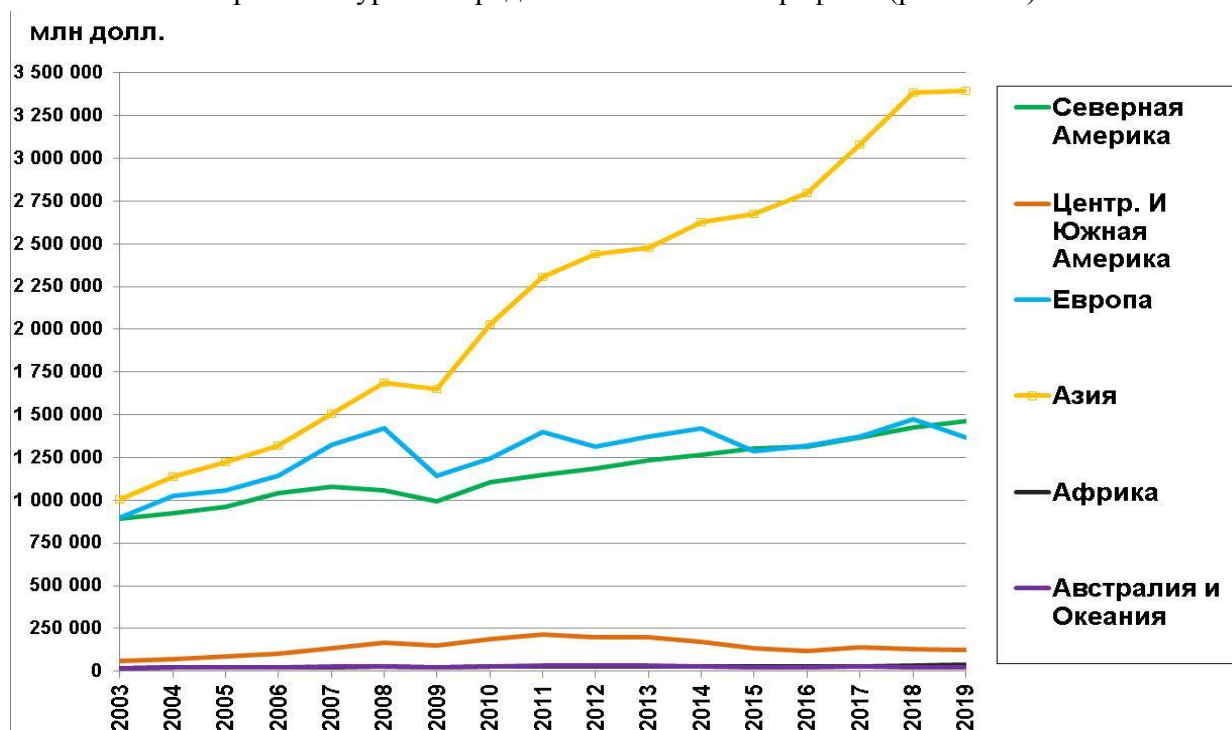

Рис. 3. Динамика совокупного объема промышленного производства высокотехнологичной продукции (*KTI manufacturing industries*) в регионах мира, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

И здесь объемы производства (в стоимостных показателях) росли во всех регионах мира, но разными темпами. Регионом-лидером по выпуску продукции данной группы высокотехнологичных товаров в настоящее время является Азия, увеличившая долю в мировом показателе с 35 до 53%. Именно в азиатские страны в свое время крупнейшие мировые ТНК из Европы и Северной Америки перевели производство самых разных отраслей промышленности, в том числе высокотехнологичных (особенно массовое производство, учитывая разницу в стоимости рабочей силы в странах разных регионов мира). Доля Северной Америки снизилась с 31 до 23% (за счет сокращения доли США — с 27 до 20%). Сократилась и суммарная доля стран европейского региона (с 31 до 21%). При этом объем выпуска промышленной продукции в Азии вырос почти в 3,5 раза, в то время как в Северной Америке и Европе — лишь в 1,5 раза (рис. 3).

Среди стран лидирующей десятки вновь выделяется Китай — 31% общемирового показателя (зафиксирован рост выпуска продукции в этой стране в 8 раз). В то время как в США — 20% (2-я позиция) и производство там выросло в 1,7 раза, а в Японии (9%, 3-я позиция) — лишь в 1,2 раза. В Японии значительный спад был отмечен еще и после аварии на атомной станции Фукусима. На 4-й позиции находится Германия — 7% мирового объема (рис. 4).

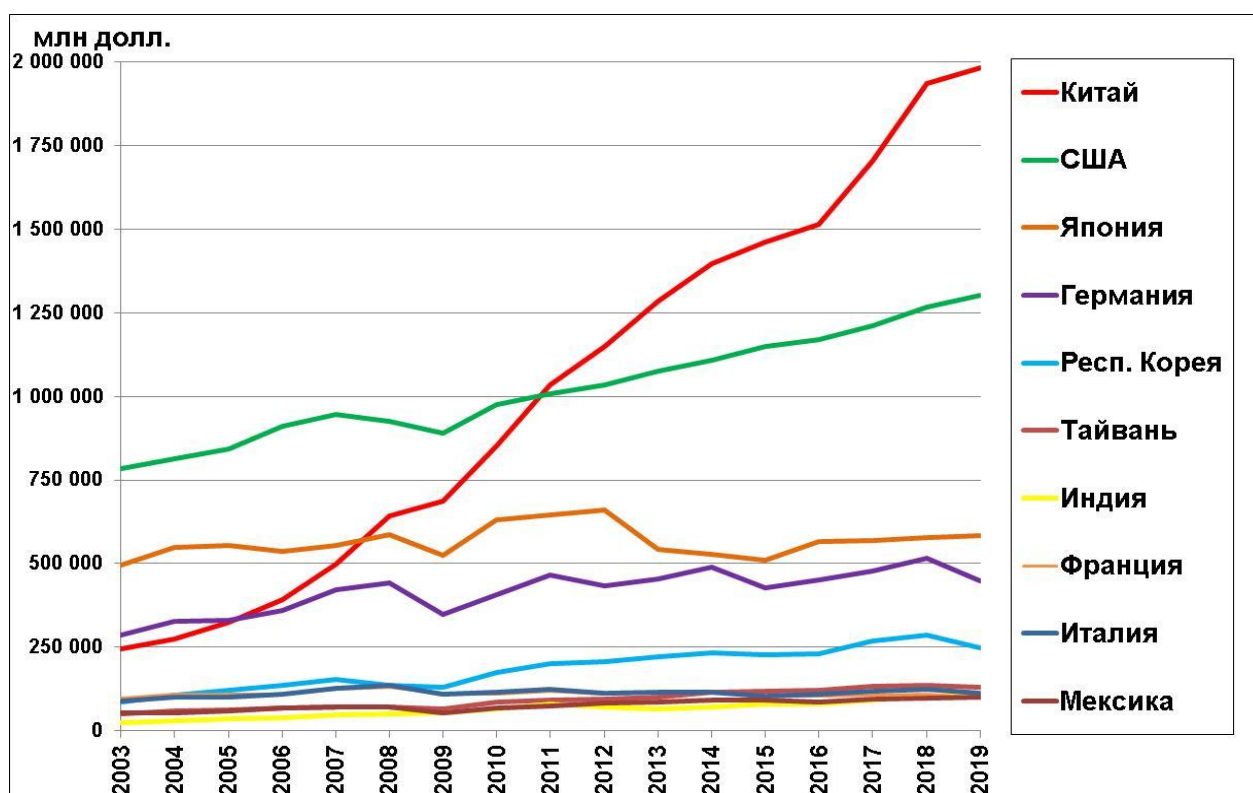

Рис. 4. Динамика совокупного объема промышленного производства высокотехнологичной продукции (*KTI manufacturing industries*) в странах-лидерах, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

И здесь мы наблюдаем двух абсолютных лидеров — США и Китай. Или точнее — Китай и США. Все остальные страны значительно им уступают. И что интересно: в США в 2019 г. было произведено высокотехнологичной продукции в 1,5 раза меньше, чем в Китае, в

Японии — в 3 раза меньше, в Германии — в 4 раза, в Республике Корея — в 8 раз, на о. Тайвань — в 16 раз, в Италии — в 17 раз, в Великобритании — в 18 раз, и в Мексике — в 20 раз. Так дела обстоят с выпуском высокотехнологической продукции в странах лидирующей десятки (рис. 4). К тому же на Китай приходится более 1/2 высокотехнологичного производства азиатского региона (рассчитано по: Science and Engineering Indicators — 2022).

Очень интересным представляется сопоставление долей стран и регионов в мировом выпуске продукции разных знаниеёмких отраслей обрабатывающей промышленности в 2019 г. (табл. 2).

Таблица 2.

Сравнительная характеристика удельного веса стран и регионов в мировом выпуске высокотехнологичной продукции знаниеёмких отраслей обрабатывающей промышленности, %

Отрасль	Китай	США	ЕС	Азия	Россия
<i>KTI manufacturing industries (1+2)</i>	30,9	20,3	16,8	53,0	0,7
<i>Value added of High R&D intensive industries:</i>					
Air and spacecraft and related machinery	8,0	55,0	16,9	15,4	2,0
Computer, electronic, and optical products	29,7	24,7	8,21	60,2	0,4
Pharmaceuticals	24,2	27,7	22,5	36,0	0,3
<i>2. Value added of Medium-high R&D intensive industries:</i>					
Chemicals (excl. pharmaceuticals)	31,0	19,8	13,6	55,6	0,7
Electrical equipment	47,8	9,7	14,6	68,2	0,9
Other machinery and equipment	34,5	14,3	22,1	62,8	0,5
Motor vehicles	28,2	14,1	22,3	51,7	0,5
Medical and dental instruments	20,6	37,5	20,3	67,6	0,8
Railroads and military vehicles	39,8	9,6	11,2	63,6	5,8

Источник: рассчитано по: Science and Engineering Indicators — 2022.

Первое, на что следует обратить внимание, анализируя данные табл. 2, — это преимущество Азии в создании продукции почти всех наукоёмких отраслей обрабатывающей промышленности (за исключением лишь аэрокосмической). Далее отметим лидерство Китая во многих отраслях (за исключением аэрокосмической отрасли, производства высокоточной медицинской аппаратуры и фармацевтики, хотя в последней — позиции США и Китая уже очень близки) (табл. 2).

Иными словами, анализ статистических данных по всем отраслям высокотехнологичного производства показал, что США остаются мировым лидером в создании продукции наукоёмких отраслей с наиболее высокой интенсивностью использования результатов НИОКР. Так, например, США остаются безусловным мировым лидером в аэрокосмической отрасли (55%). Но в Китае даже в этой отрасли отмечен рост выпуска продукции в 6 раз с 2003 г. Еще одна сфера, где лидируют по-прежнему США — это производство высокоточного медицинского оборудования (37%). Однако и здесь Китай развивается более быстрыми темпами (отмечен рост объема выпуска продукции в 7 раз), и его доля в мировом выпуске уже свыше 20% (что превышает суммарную долю 27-ми стран ЕС). И последняя отрасль, где мировым лидером пока остаются США — это фармацевтика. Но удельный вес США в мировых показателях отрасли снизился с 35 до 28%, а вот доля

Китая выросла с 6 до 24% (и в стране отмечен рост выпуска продукции фармацевтической отрасли в 10 раз).

В производстве компьютеров, электронной и оптической продукции (*Computer, electronic, and optical products*) на долю Китая в 2019 г. приходилось 30% мирового объема (для сравнения: доля США — около 25%). А доля Азии — 60% мирового показателя. В производстве разных видов автотранспортных средств (*Motor vehicles, trailers, and semi-trailers*) доля Китая выросла за анализируемый период с 6 до 28%. В выпуске разных видов машин и оборудования (*Machinery and equipment nec*) доля Китая увеличилась с 8 до 35%. В производстве электротехнического оборудования (*Electrical equipment*) доля Китая поднялась с 12 до 48%. Китай в самом прямом смысле слова в настоящее время является «фабрикой или мастерской мира».

К тому же очень показательным и интересным является сопоставление удельного веса производства и отраслей высокотехнологических услуг производителям в совокупном выпуске продукции наукоёмких отраслей в разных странах. Так, для Китая выявлено соотношение явно в пользу производства продукции (87:13), как и для о. Тайвань (89:11). Приведем соотношение еще для некоторых стран: Япония — 80:20; Германия — 76:24; Республика Корея — 73:27; США — 56:44. Что еще раз подчеркивает лидерство США в секторе знаниеёмких услуг производителям (о чем пойдет речь ниже), хотя и по производству высокотехнологичной продукции США по-прежнему в числе мировых лидеров.

Рост значения услуг производителям в знаниеёмких отраслях мировой индустрии. Хотелось бы подчеркнуть, что значение услуг производителям (*KTI services industries*) в выпуске продукции наукоёмких отраслей растет. В 2019 г. на них приходилось 30,5% в наукоёмкой индустрии (табл. 3).

Таблица 3.

Знаниеёмкие услуги производителям, 2019 г.

Отрасль	Производство продукции, млрд долл.	Доля среди наукоёмких отраслей, %	Доля в глобальном ВВП, %
Вся индустрия, основанная на знаниях и технологиях (<i>KTI industries</i>)	9 220,0	100,0	11,5
Знаниеёмкие услуги производителям услуг (<i>KTI services industries</i>), в том числе:	2 812,6	30,5	3,5
<i>Услуги информационных и других технологий (IT and other information services industry)</i>	1 720,7	18,7	2,1
<i>Издание компьютерного программного обеспечения (publishing industry, including software)</i>	390,5	4,2	0,5
<i>Услуги НИОКР (Scientific R&D services industry)</i>	701,3	7,6	0,9

Источник: Science and Engineering Indicators — 2022.

Иллюстрируют данные об объеме продукции знаниеёмких услуг производителям (*KTI services industries*) в динамике с 2003 по 2019 гг. представленные ниже графики (рис. 5 и 6).

Важно подчеркнуть, что на глобальном уровне лидирует по-прежнему Северная Америка (38,5%). Далее находятся Европа (29%) и Азия. Значение Северной Америки и Европы в мире в секторе услуг производителям постепенно сокращается. К показателям Европы приблизился азиатский регион — 27%, 2019 г. (рис. 5).

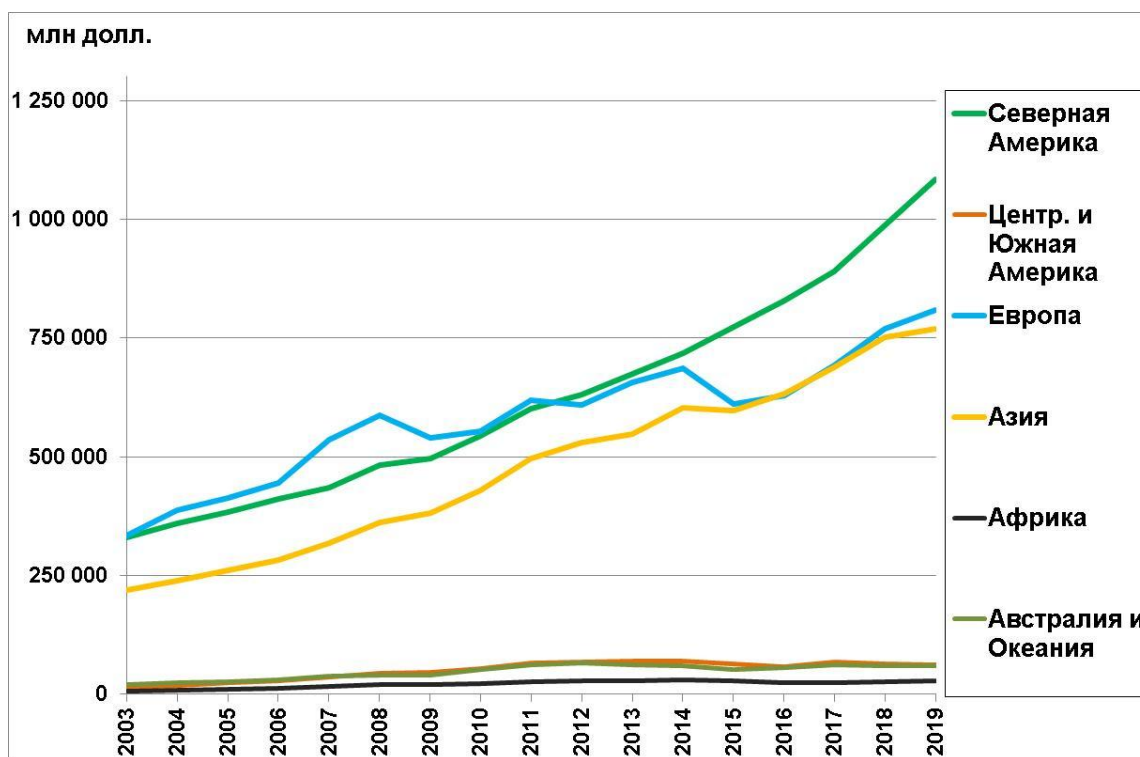

Рис. 5. Динамика производства знаниеёмких услуг производителям (*KTI services industries*) в регионах мира, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

Заметим, что доля стран Азии растет за счет объема выпуска знаниеёмких услуг производителям в Китае, который увеличился в 14 раз с 2003 г. Хотя, безусловно, среди стран мира абсолютным лидером по-прежнему остаются США (29%), причем с огромным отрывом от всех остальных стран мира. Для сравнения: доля Китая (который вышел на 2-ю позицию) составляет 10%, Японии — 5,3%, Германии — 5,2%, Франции — 4,7% и т. д. (рис. 6).

Рассмотрим также ситуацию по отдельности во всех 3-х видах знаниеёмких услуг производителям. Расчеты показали, что в секторе оказания информационно-коммуникационных услуг (*IT and other information services industry*), на которые в 2019 г. приходилась наиболее значимая доля всех знаниеёмких услуг производителям, лидируют по-прежнему два региона: Северная Америка (40% мирового показателя) и Европа (30%) (рис. 7). И хотя здесь объемы создания данного вида услуг производителям по стоимости растут, но растет и значение стран Азии в мире (25%, 2019 г.) (рис. 7).

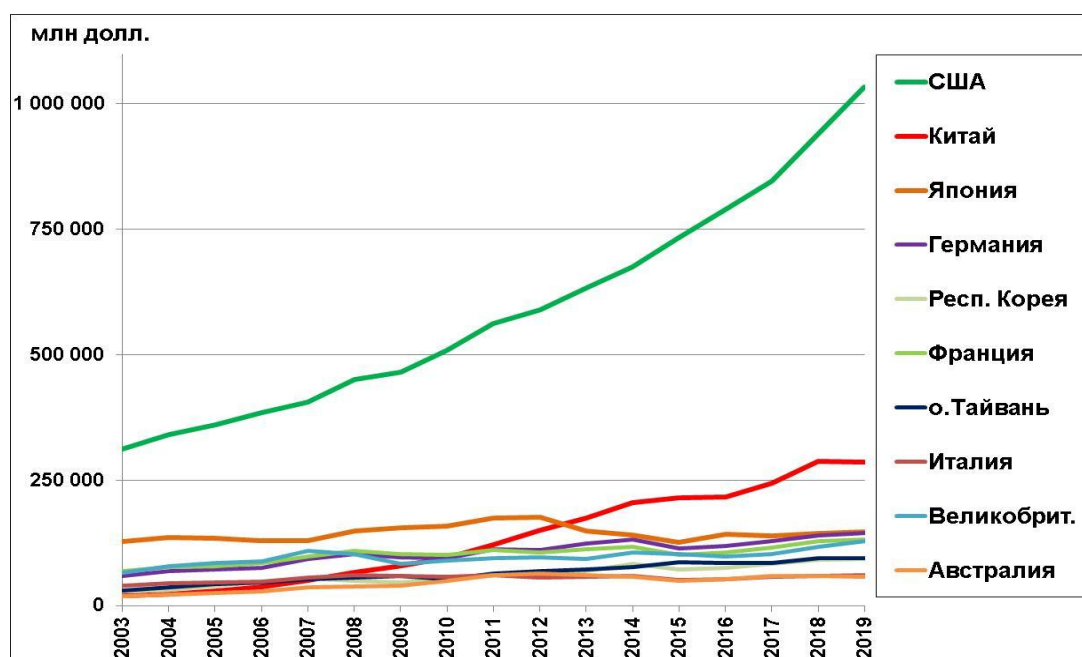

Рис. 6. Динамика производства знаниеёмких услуг производителям (*KTI services industries*) в странах-лидерах, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

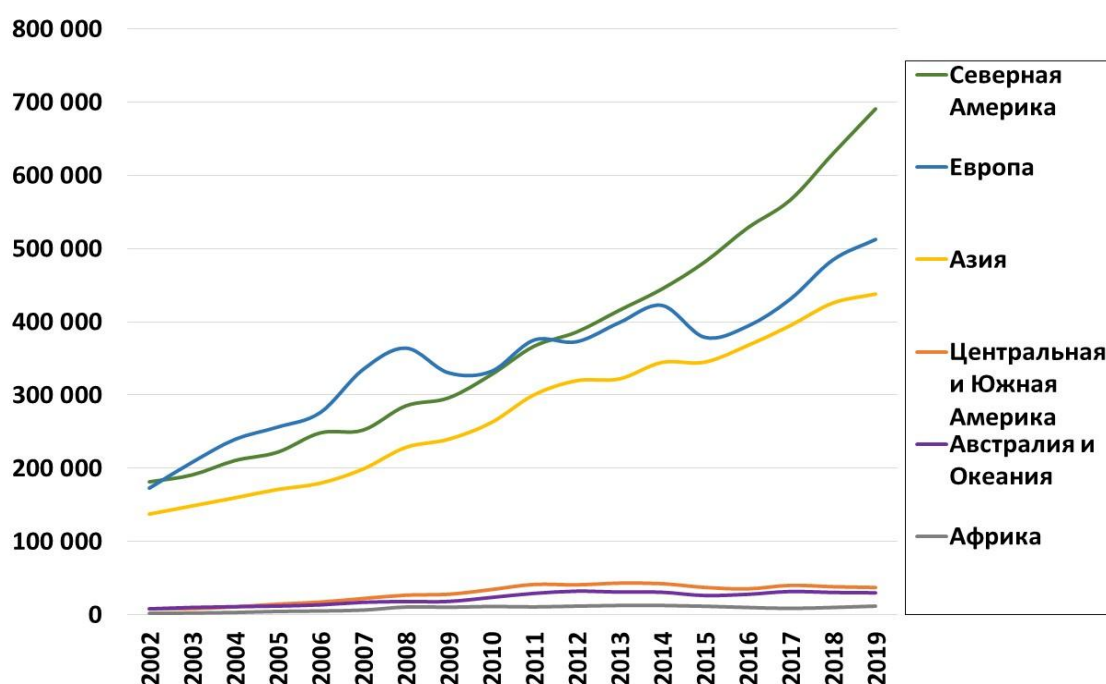

Рис. 7. Динамика производства знаниеёмких услуг производителям в секторе информационных технологий (*IT and other information services industry*) в регионах мира, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

Среди стран первой десятки с огромным отрывом от остальных по-прежнему лидируют США. На 2-ю позицию переместился Китай, на долю которого приходилось в 2019 г. около 9% (для сравнения: в 2003 г. — лишь 1,8%). Доля Японии — 7%, Германии — 7%, Индии — 4% (рис. 8). В секторе услуг НИОКР (*Value added of scientific research and*

development industry) ситуация несколько иная, но лишь на региональном уровне. Объемы выпуска продукции (в текущих ценах) растут во всех регионах. Но лидирует уже Азия (41%) (хотя еще в 2003 г. было лишь 23% и на 1-м месте был Европейский регион — 36% (рис. 8).

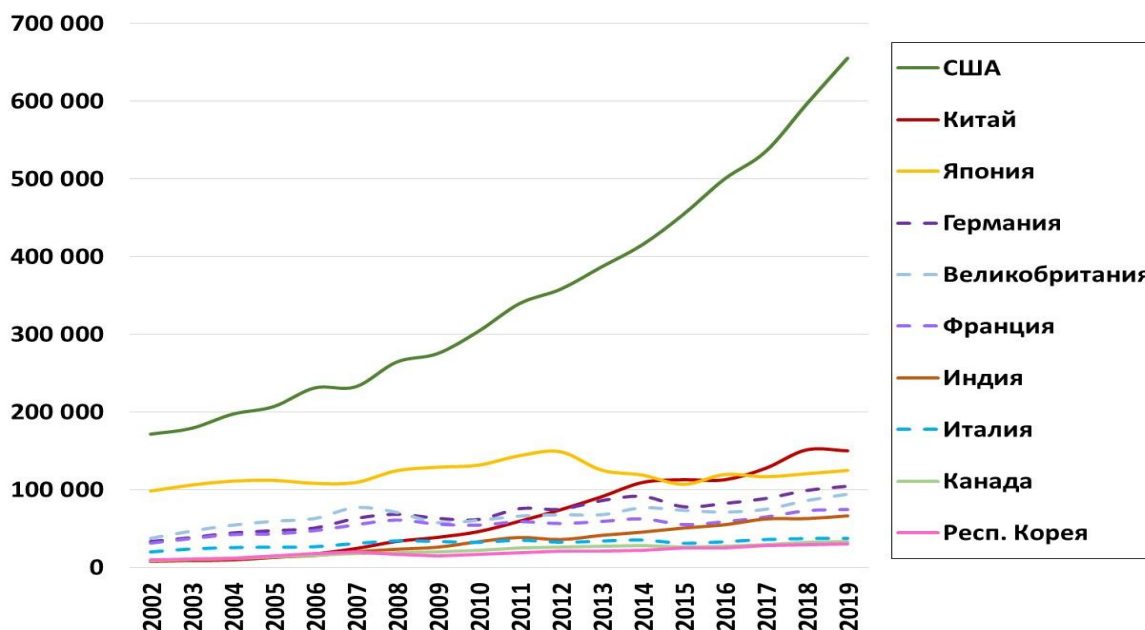

Рис. 8. Динамика производства знаниеёмких услуг производителям в секторе информационных технологий (*IT and other information services industry*) в странах-лидерах, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

Ныне доля Европы снизилась до 29% (2-я позиция), а Северной Америки — до 21% за счет дифференциации темпов роста выпуска продукции в секторе услуг производителям в регионах (рис. 9).

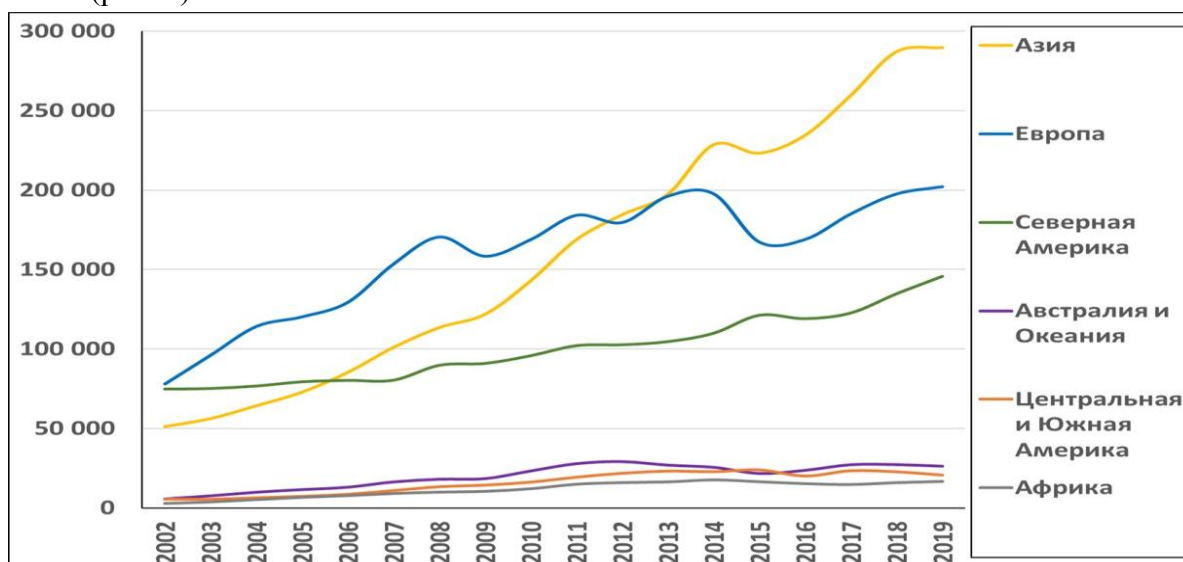

Рис. 9. Динамика производства знаниеёмких услуг производителям в секторе НИОКР (*scientific research and development industry*) в регионах мира, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

Но среди государств, как и прежде, лидируют США (20%). Далее совсем рядом с США на 2-й позиции находится Китай (доля которого увеличилась с 3 до 18% от мирового показателя). Далее со значительным отставанием от лидеров следуют Республика Корея, Франция, Индия, Германия (рис. 10).

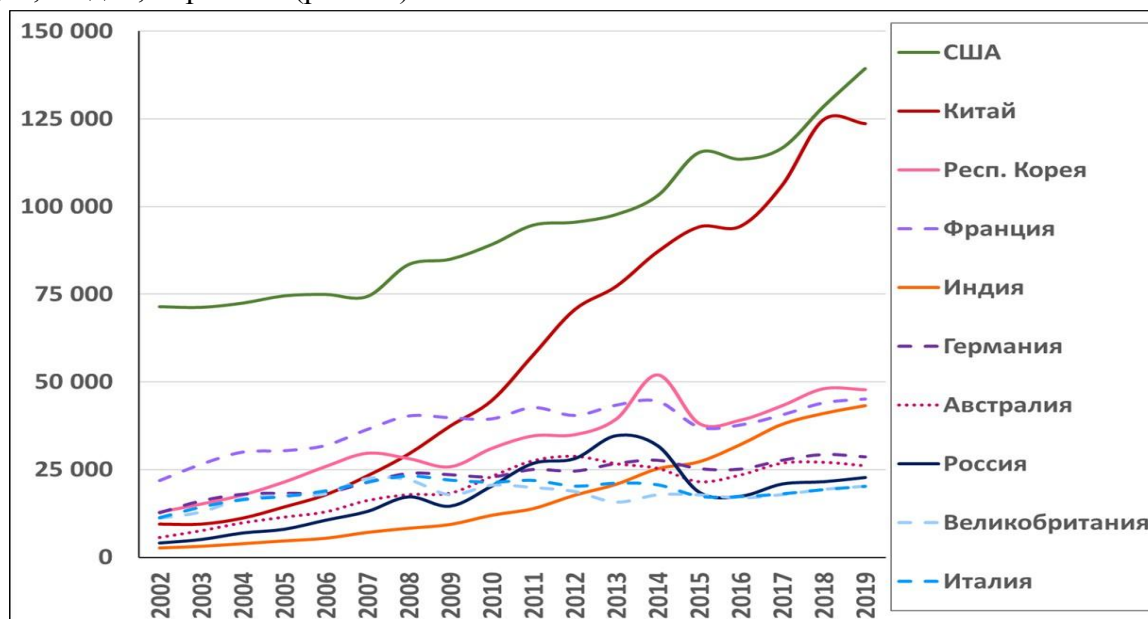

Рис. 10. Динамика производства знаниеёмких услуг производителям в секторе НИОКР (*scientific research and development industry*) в странах-лидерах, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

А вот в секторе услуг издательской деятельности, включая публикацию программного обеспечения (*software publishing industry*), на глобальном уровне по-прежнему лидером является Северная Америка с высокими темпами развития — более 63% (для сравнения: доля Европы — около 25%, доля Азии — 11%) (рис. 11).

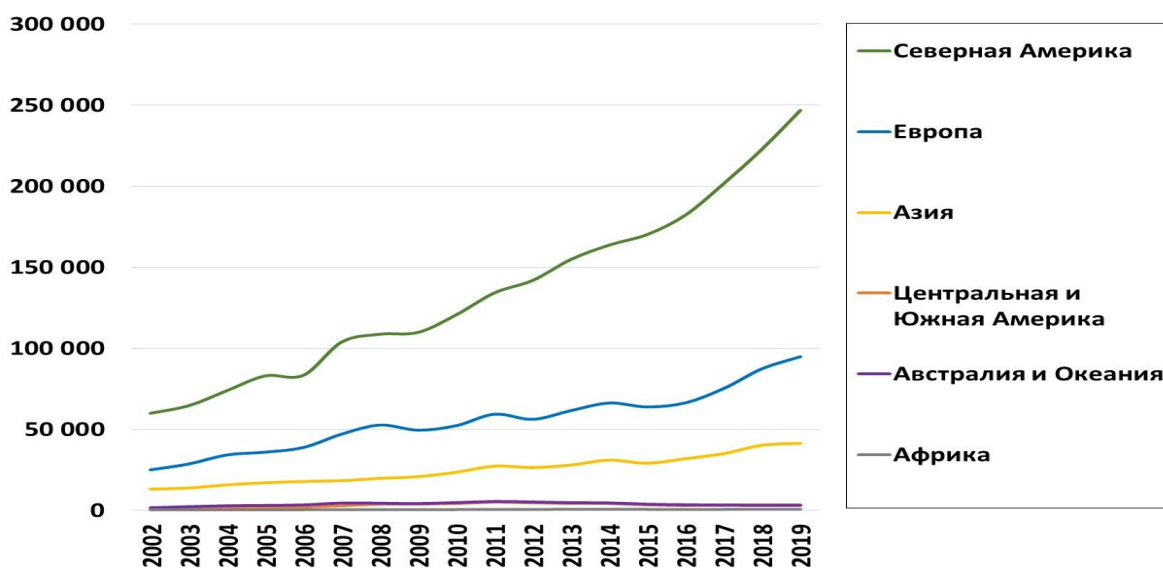

Рис. 11. Динамика производства знаниеёмких услуг производителям в секторе издательской индустрии программного обеспечения (*software publishing industry*) в регионах мира, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

Объемы выпуска продукции растут во всех регионах и странах. Но среди государств-лидеров с огромным отрывом от остальных стран лидируют США (61%). Лишь потом, как бы поодаль, следуют Китай, Германия, Франция (по 3% каждая) и т. д. (рис.12).

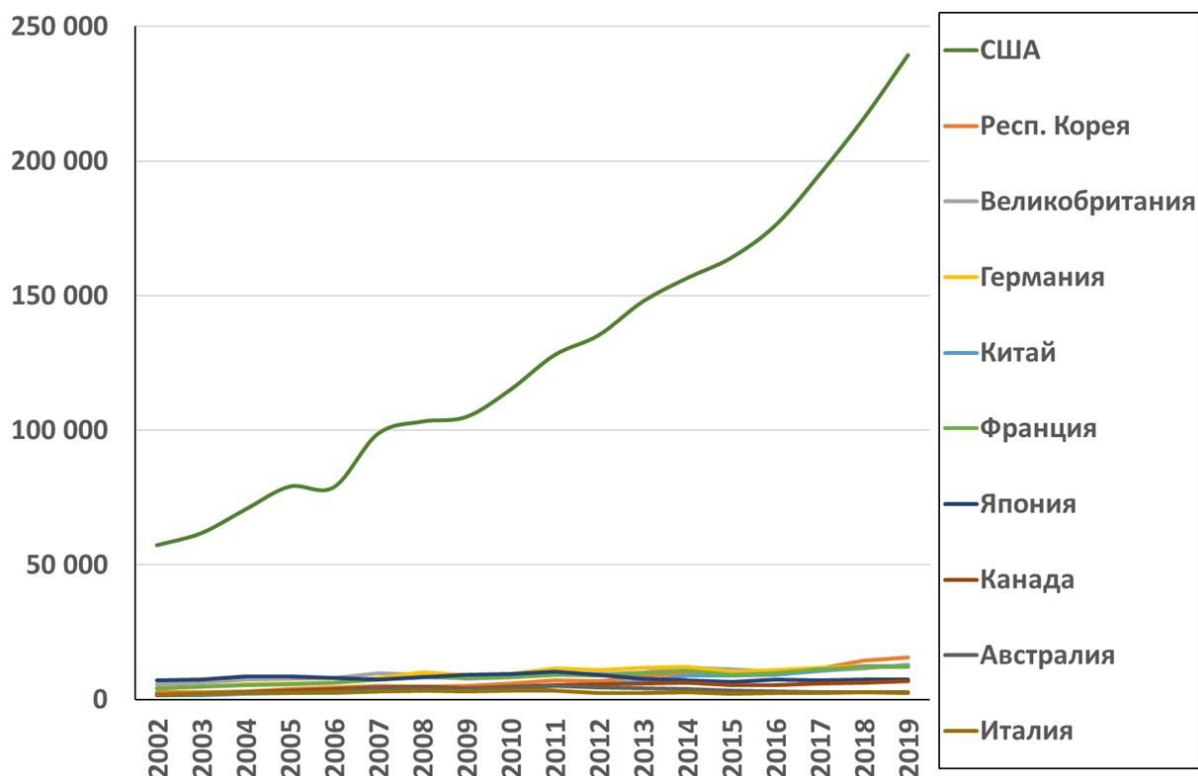

Рис. 12. Динамика производства знаниеёмких услуг производителям в секторе издательской индустрии программного обеспечения (*software publishing industry*) в странах-лидерах, млн долл. в текущих ценах, 2003–2019 гг.

Источник: составлено по: Science and Engineering Indicators — 2022.

Таким образом, в отличие от наукоёмких производственных отраслей, в которых выпускается высокотехнологичная продукция, и где лидирует почти всегда Китай (та самая «мастерская» или «фабрика мира»), в сфере знаниеёмких услуг производителям по-прежнему лидируют высокоразвитые постиндустриальные государства

Тренды развития всей обрабатывающей промышленности мира и рост значения выпуска высокотехнологичной продукции. Согласно статистическим материалам ЮНИДО, фиксируем стремительные темпы индустриального развития Китая, даже несмотря на влияние глобальной пандемии на экономику этой страны и всего мира. Показатели Китая в мировой обрабатывающей промышленности превысили 30% в 2022 г. (для сравнения: 13,7% в 2005 г., при этом доля США, напротив, сократилась с 22,5 до 16%). Китай опередил США и все другие высокоразвитые в промышленном отношении страны мира. Следует заметить, что в группе Топ–10 также находятся Республика Корея (3%) и Индия (3%). Россия в 2022 г. занимала 13-ю позицию среди индустриальных мировых лидеров с долей в 1,3% (UNIDO. Statistics Data Portal, 2022; UNIDO. Industrial Statistics Yearbook, 2022).

Таким образом, фиксируем, что изменение мирового индустриального ландшафта продолжается. Однако концентрация выпуска продукции обрабатывающей промышленности по-прежнему очень высока (доля Топ–10 — свыше 70% мирового производства). Безусловно, высокоразвитые государства удерживают лидирующие позиции в отрасли за

счет развития высокотехнологичного производства. И в мировой обрабатывающей промышленности в целом роль средне-высокотехнологичной продукции (*Medium-high and high-technology*) уже превышает 40%. Охарактеризуем далее роль производства средне-высокотехнологичной продукции в обрабатывающей промышленности стран-лидеров и долю этого вида продукции в экспорте промышленной продукции, которые, как показывают данные представленной таблицы, значительно различаются даже в странах-лидерах (табл. 4).

Таблица 4.

Отдельные показатели выпуска продукции обрабатывающей промышленности в странах-лидерах, 2022 г. (%)

Страна	Доля в мире, %	Доля в ВВП страны, %	Производство продукции обрабатывающей промышл. на душу населения, долл.	Доля средне-высокотехн. продукции в обработ. промышл., % (2020)	Доля средне-высокотехн. продукции в промышл. экспорте, % (2020)
Китай	30,8	28,1	3 228,3	41,5	61,4
США	16,1	12,0	7 112,3	46,1	65,1
Япония	6,0	20,1	7 283,3	56,9	81,5
Германия	4,8	20,0	8 669,1	61,3	73,4
Индия	3,1	15,7	328,6	44,4	40,0
Респ. Корея	3,1	27,0	9 054,3	63,8	77,7
...					
Россия	1,3	13,5	1 361,4	25,8	28,4

Источник: составлено по: International Yearbook, 2022; UNIDO. Statistics Data Portal, 2023. INDSTAT. Industrial Statistics Database.

Доля средне-высокотехнологичной продукции в выпуске продукции обрабатывающей промышленности в Китае составляла, по данным на 2020 г., 41,5%, а в США — 46%. Однако, учитывая общий объем производства продукции обрабатывающей промышленности Китая, получаем очень значительный показатель. И далее напомним, что удельный вес данного вида продукции в промышленном экспорте превышает уже 60%, как и в США (табл. 4), а также то, что в мировой торговле Китай вышел на лидирующую позицию, опередив США, Германию и все другие высокоразвитые страны. В целом же в 2021 г. объем мировой торговли товарами и услугами составил около 27,5 трлн долл. США (в том числе экспорт товаров — 22,3 трлн). Согласно данным ВТО (*World Trade Organization*), в 2021 г. мировая торговля товарами росла более быстрыми темпами, чем торговля услугами. Экспорт продукции обрабатывающей промышленности оценивался в 14,82 трлн долл. (для сравнения: экспорт топлива и минерального сырья — в 2,66 трлн долл.) (*World Trade Organization*, 2022). Следует добавить, что очень важно учитывать значение торговли «промежуточными товарами», на которые приходится примерно 1/2 мирового экспорта. Это — комплектующие, детали и узлы, то есть производственные ресурсы (от металлоконструкций до электронных компонентов). Так, например, экспорт промежуточных товаров из Азии (а это 43% мирового экспорта данного вида продукции) составил в 2021 г. около 2,9 трлн долл. Стоит

подчеркнуть также, что почти 67% азиатского экспорта промежуточных товаров пришлось на высокотехнологичную продукцию (World Trade..., 2022).

В заключение целесообразно отметить факт развернувшегося в последние годы по инициативе США торгового противостояния с Китаем, идеи о «сдерживании» Китая во всевозможных сферах, включая технологическую. США не хотят победы в глобальном технологическом противостоянии. Но это уже предмет отдельной научной дискуссии.

Заключение

Подводя итог, отметим, что в современных условиях изменилась архитектура высокотехнологичной индустрии в мире и сдвиги в производстве продукции высокотехнологичных (знаниеёмких) отраслей обрабатывающей промышленности происходят в сторону роста стран азиатского региона (в первую очередь за счет индустриального развития Китая). Однако высокоразвитые постиндустриальные страны (США, Япония, страны Западной Европы) не сдают своих позиции в мировой наукоемкой и высокотехнологичной индустрии и по-прежнему входят в группу лидеров.

Вне всякого сомнения, события 2019–2021 гг. в связи с глобальной эпидемией *COVID-19*, а также экономические санкции Запада против России, повлияли на расстановку сил в мировой экономике и мировой индустрии. Но благодаря странам, внедряющим новейшие технологии в производство, азиатский регион, по нашему глубокому убеждению, не уступит лидирующей позиции в мировой индустрии, и в будущем, даже несмотря на объявленные экономические санкции со стороны США против высокотехнологичных отраслей Китая.

Список литературы

1. Варнавский В. Г. (2019) Трансформация мирового геоэкономического пространства в условиях реиндустриализации // Вестник Института экономики РАН. № 2. С. 119–133. [Varnavsky V. G. (2019) Transformation of the global geo-economic space in the conditions of reindustrialization // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 2. Pp. 119–133. (In Russian).]
2. Кондратьев В. Б. (2018) Четвертая промышленная революция и глобализация // Перспективы: Электронный журнал. № 2. С. 92–108. [Kondratiev V. B. (2018) The Fourth Industrial Revolution and Globalization // Prospects: Electronic journal. No. 2. Pp. 92–108. (In Russian).]
3. На пути к китайскому миру (2018) / Под ред. Н. А. Слуки. М.: Издательство Московского университета. 352 с. [On the Way to the Chinese World (2018) / Edited by N. A. Sluka. M.: Moscow University Press. 352 p. (In Russian).]
4. Родионова И. А. (2018) Новый расклад мировых промышленных сил и Китай / В кн.: На пути к Китайскому миру / под ред. Н. А. Слуки. М.: Издательство Московского университета. С. 92–98. [Rodionova I. A. (2018) The new alignment of world industrial forces and China / In the book: On the Way to the Chinese World / ed. by N. A. Sluka. M.: Moscow University Press. Pp. 92–98. (In Russian).]
5. Родионова И. А. (2023) Регионы и страны — лидеры современной мировой торговли: что нового? // Международная торговля и торговая политика. Т. 9. № 2. С. 113–

125. [Rodionova I. A. (2023) Regions and countries — leaders of modern world trade: what's new? // International Trade and Trade Policy. Vol. 9. No. 2. Pp. 113–125. (In Russian).]

6. Родионова И. А., Дирин Д. А. (2023) Крупнейшие транснациональные корпорации мира: сдвиги в страновой и секторальной принадлежности // Географический вестник Пермского государственного национального исследовательского университета. № 1(64). С. 52–71. [Rodionova I. A., Dirin D. A. (2023) The largest transnational corporations in the world: shifts in country and sector affiliation // Geographical Bulletin of Perm State National Research University. No. 1(64). Pp. 52–71. (In Russian).]

7. Родионова И. А., Калашников Д. Б. (2023) Китай в рейтингах крупнейших корпораций мира: трансформация модели участия в международном разделении труда // Известия РАН. Серия Географическая. Т. 87. № 5. С. 666–676. [Rodionova I. A., Kalashnikov D. B. (2023) China in the ratings of the world's largest corporations: transformation of the model of participation in the international division of labor // Izvestiya RAS. Geographical Series. Vol. 87. No. 5. Pp. 666–676. (In Russian).]

8. Родионова И. А., Угрюмова А. А. (2021) США и Китай — лидеры мировой наукоемкой высокотехнологичной индустрии: сравнительный анализ позиций // Региональная экономика: теория и практика. Т. 19. № 3(486). С. 400–428. [Rodionova I. A., Ugryumova A. A. (2021) The USA and China are the leaders of the world science-intensive high-tech industry: comparative analysis of positions // Regional Economics: Theory and Practice. Vol. 19. No. 3(486). Pp. 400–428. (In Russian).]

9. Родионова И. А., Шкваря Л. В. (2012) Рост значения стран Азии — главный тренд мирового индустриального развития // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 2–5. [Rodionova I. A., Shkvarya L. V. (2012) The growth of the importance of Asian countries — the main trend of world industrial development // Asia and Africa today. No. 12. Pp. 2–5. (In Russian).]

10. Соловьёва Ю.В. Национальные системы трансферта технологий стран-лидеров технологического развития: региональные особенности стран Азии // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 44–51. [Solovieva Yu.V. (2020) National Technology Transfer Systems of Technology Leaders: Regional Features of Asian Countries // Asia and Africa today. No. 8. Pp. 44–51 (In Russian).]

11. Социально-экономические проблемы регионов в условиях глобальной нестабильности (2021). Монография / Под ред. проф. И. А. Родионовой. М.: РУДН. [Socio-economic problems of regions in conditions of global instability (2021). Monograph / Edited by prof. I. A. Rodionova. M.: RUDN. (In Russian).]

12. Competitive Industrial Performance Index, 2022. UNIDO. URL: <https://stat.unido.org/database/cip>

13. Digital transformation of European industry and enterprises, Strategic Policy Forum on Digital Entrepreneurship, European Commission, 2015.

14. Industrial Development Report (2018) Demand for Manufacturing: Driving Inclusive and Sustainable Industrial Development. Vienna. United Nations Industrial Development Organization.

15. Industrial Development Report (2020) Industrializing in the digital age. Vienna. United Nations Industrial Development Organization.

16. Industry 4.0: The Future of productivity and growth in manufacturing industries, Boston Consulting Group, 2015.

17. Industry 4.0: Digitalisation for productivity and growth. Briefing September 2015. European Parliament. European Union.
18. International Yearbook of Industrial Statistics (2022) Towards inclusive and sustainable development with reliable industrial statistics. UNIDO Statistics. URL: <https://stat.unido.org/content/publications/-international-yearbook-of-industrial-statistics-2022>
19. The New Industrial Policy of the European Union (2017) Editor Adam A. Ambroziak. Series: Contributions to Economics. Springer International Publishing Switzerland. 272 p. DOI: DOI:10.1007/978-3-319-3970-3
20. Towards the re-industrialization of Europe: a concept for manufacturing for 2030, E. Westkämper, Springer, 2014.
21. Science and Engineering Indicators (2022) The State of U.S. Science and Engineering 2020. Production and Trade of Knowledge- and Technology-Intensive Industries. National Science Foundation. National Science Board. National Center for Science and Engineering Statistics (NCSES). Alexandria, VA.
22. UNIDO. Statistics Data Portal, 2023. INDSTAT. Industrial Statistics Database. ISIC Revision4. URL: <https://stat.unido.org/database>
23. World Trade Statistical Review 2022. World Trade Organization. Geneva. Switzerland. 2022. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtsr_2022_e.htm

High-tech industries and high-tech production — the driver of world economic development

Irina A. Rodionova,

Doctor of Geographical Sciences, professor, independent researcher, Moscow, Russia.

The article is devoted to the spatial regrouping of forces in the architecture of the global high-tech industry at the global level. This regrouping continues at the present time and will continue in the future, so it is important to identify and characterize new trends in this industry. The purpose of the article is to identify the changes that have taken place in the global high-tech industry and identify the regions and leading countries since the beginning of the XXI century. Based on the classification of high-tech industries and knowledge-intensive services in terms of the intensity of the use of R&D results. The author conducted a content analysis of available sources, used international statistics data, applied a comparative analysis of production indicators of various high-tech industries and knowledge-intensive services. The growth of China's share in the global production and export of high-tech industries is shown. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that changes can be traced in the production of products of all knowledge-intensive industries. The author substantiates the point of view that the Asian region has come to the forefront in most industries, noticeably pushing North America and Europe in this area. It is shown that in the production and export of most types of industrial, including many high-tech goods, China is already ahead of the former leader — the United States. But the United States and other highly developed countries are still among the leaders in knowledge-intensive industries, primarily in aerospace, and especially in the creation of knowledge-intensive services. The Russian Federation in 2022 It occupied the 13th position among the industrial world leaders, which sets our

country the task of building up domestic high-tech potential and strengthening national technological sovereignty.

Keywords: *global industry, manufacturing industry, knowledge-intensive industries, high-tech production, knowledge-intensive services to manufacturers.*

JEL codes: *O33, F01, F20.*

Участие России в инициативе «Один пояс, один путь»: основные направления, проблемы и перспективы сотрудничества с КНР

Русакович Василий Игоревич¹

В постковидном периоде активизировался интерес Российской Федерации к участию в проектах китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), значение которых несколько сократилось в мире в 2020–2022 гг. Однако участие Российской Федерации в ОПОП, по мнению автора, несет как позитивные последствия для отечественной экономики, которые крайне необходимы для поддержания хозяйственной динамики в условиях продолжающегося давления западных экономических санкций, так и заметные риски. Эти риски касаются экономического, финансового, климатического, технологического и других аспектов и могут быть комплексными. Непрозрачность правил и искажение рыночных принципов, отсутствие четкого и понятного процесса торгов и закупок, практикуемого китайской стороной, требует от Российской Федерации, втягивающейся в реализацию данной инициативы, активно исследовать и создавать механизмы (в том числе — международные, например, в рамках ЕАЭС), которые гарантируют отечественным субъектам хозяйствования выгодные деловые отношения и эффективность для национальной экономики во всех ее аспектах (финансовом, отраслевом, региональном), а также в социальной и в экологической сферах. Некоторые государства уже натолкнулись на рост финансовой зависимости от КНР в связи с увеличением своего внешнего долга перед этой страной. Для Российской Федерации же особенно важно не стать «сырьевым придатком» Китая, стремящегося в значительной степени к импорту российского необработанного сырья. Поэтому автор приходит к выводу о необходимости всестороннего анализа вопросов об участии Российской Федерации в различных проектах ОПОП и необходимости принятия положительного решения только на базе взаимовыгодности и уважения экономических интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: *Один пояс, один путь (ОПОП), Российская Федерация, Китай, международное сотрудничество, инвестиции, международные проекты.*

JEL коды: *F01, F40, F50.*

Введение

Исторически и геополитически сложилось так, что Китай выступает сегодня одним из основных экономических партнеров Российской Федерации. Эта ситуация особенно выпукло определилась в последние 10 лет, когда санкционное давление на Россию со стороны Запада беспрецедентным в мировой практике образом усилилось (Шкваря, 2017), с одной стороны, а с другой — оно также усиливается и на Китай, что в значительной степени проявляется в американо-китайской «торговой войне», а также в противостоянии Запада и Китая в

¹ *Русакович Василий Игоревич* — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО «Антарес», Москва, Россия.

отношении Тайваня. Эта «торговая война», несмотря на правила ВТО, членами которой остаются и США, и КНР, определенно стала серьезной проблемой, особенно в аспекте попыток западного сдерживания китайского высокотехнологичного развития, что, наряду с ростом некоторых внутренних экономических трудностей (Шайхрамов, 2023), актуализирует для КНР задачу укрепления национального хозяйства и экономической безопасности. Эксперты отмечают, что китайская экономика стоит сегодня перед лицом ряда структурных вызовов, включающих демографическое старение, уменьшение роста производительности труда и отдачи от капитала, развития кризиса в сфере недвижимости и некоторых других проблем. В этой связи в ближайшие 3–7 лет темпы роста ВВП КНР, по оценкам экспертов, и с этим можно согласиться, будут испытывать негативное влияние указанных и других факторов (РБК, 2023).

Как в этой связи осуществляется реализация китайской глобальной инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) и каковы ее перспективы с точки зрения российско-китайского сотрудничества сегодня?

Обзор научной литературы

Инициатива ОПОП была провозглашена 10 лет назад, в 2013 г., и уже можно подвести определенные итоги ее существования. Вопросам освещения инициативы ОПОП посвящен огромный массив научной литературы в России, Китае и других странах мира. При этом, как показывает исследование, эта литература, и особенно выводы исследователей, определенным образом дифференцируется.

Так, практически все китайские авторы (Бэ, 2013; Лю, 2020), а также государственные структуры (Прекрасные перспективы..., 2015) последовательно обосновывают и продвигают единственную точку зрения — о важности и исключительно благоприятном значении ОПОП с социально-экономической точки зрения для всего мира, прежде всего для стран, вовлеченных в проекты данной инициативы в различных сферах, отраслях и видах деятельности. Аргументируется необходимость и впредь всемерно расширять и углублять это сотрудничество, прежде всего — между Китаем, с одной стороны, и его партнерами, с другой. В этой связи китайские эксперты анализируют различные направления российско-китайского взаимодействия в рамках ОПОП — в энергетике (Хэ, Тягунов, 2019), российские ресурсы в которой столь востребованы китайской экономикой; в сельском хозяйстве (Хуан, 2019), ведь российская продукция этой отрасли жизненно важна для продовольственной безопасности КНР; в сфере туризма (Цзяньин, 2019), транспорта (Chen, 2020) и т. д., что также имеет большое значение для Китая, перевозящего в Европу огромные объемы своих товаров. Значительное внимание уделяется китайскими авторами направлениям, возможностям, особенностям российско-китайского сотрудничества в рамках ОПОП, которое оценивается исключительно положительно не только для китайской, но и для российской стороны (Су, 2018; Chen, 2020), а также и возможностям реализации трехсторонних проектов с участием РФ и КНР (Ван, 2019).

Российские авторы гораздо более критически и сдержанно относятся к ОПОП и участию нашей страны в проектах данной инициативы, хотя можно признать наличие в значительной степени объективных предпосылок к реализации этих проектов (Шкваря, Юй, 2019). Существует точка зрения, что участие Российской Федерации в инициативе ОПОП представляет собой важный аспект внешней политики и экономических отношений

Российской Федерации и КНР в нынешних реалиях. В то же время, с точки зрения российских экспертов, в этой инициативе имеются как положительные, так и значительные потенциальные негативные последствия в нынешней ситуации, которая включает в себя различные геополитические и экономические факторы и риски.

Обеспокоенность экспертов вызывают, например, вопросы, касающиеся финансовой устойчивости проектов (Кокушкина, 2018), экологии, возможного роста зависимости России от Китая (Бурдастова, Сизых, 2019), системных дисбалансов ОПОП (Степанов, 2019) и другие проблемы (Татарников, 2019). Это двойственное отношение к ОПОП сохраняется у российских авторов и сегодня, хотя количество публикаций, посвященных ОПОП, после 2019 г. заметно сократилось. Мнение исследователей однозначно с той точки зрения, и с этим можно согласиться, что России следует как можно более адекватно и реалистично оценивать как собственные интересы, так и возможные риски в рамках принятия решений об участии нашей страны в инициативах ОПОП.

Наконец, западные деятели науки еще более критично, а зачастую и непримиримо, относятся к инициативе ОПОП. Так, обосновывается позиция об инициативе ОПОП как о попытке Китая сформировать «новый мировой порядок» с центральной ролью этой страны (Ferdinand, 2016), и в любом случае — как об угрозе существующему миропорядку, включая его экономическую сферу (Krukowska, 2016), о цели Китая «переформатировать» мировые стандарты и правила, как технические, так и финансовые и иные, что несет, по мнению авторов, угрозу западному миру (Wolff, 2016).

Обращает на себя внимание точка зрения, что ОПОП базируется не на понятных всем и прозрачных правилах, а на *проектах*, заключаемых Китаем с каждой страной на индивидуальных условиях, что исключает транспарентность и возможность участвовать в них третьим странам (Andrea, 2014). Это, по мнению европейских аналитиков, дискриминирует отдельные государства.

Результаты исследования

Инициатива ОПОП, выдвинутая Председателем КНР Си Цзиньпином в Астане, привлекла интерес практически всего мира, а также и Российской Федерации. Эта инициатива направлена на развитие торгово-экономических связей между странами Азии, Европы и Африки через создание новых инфраструктурных проектов и укрепление сотрудничества. По сути, это идея возвращения к историческому Великому шелковому пути, который был много столетий важнейшим элементом международной торговли между Востоком и Западом, и всеми странами, через которые (или в которые) этот путь проходил. Великий шелковый путь обеспечивал во многом обмен не только товарами, но и знаниями, технологиями, культурами, что, в конечном счете, способствовало и социально-экономическому прогрессу, а также и миру.

Нынешняя инициатива ОПОП нацелена на укрепление экономических и инфраструктурных связей между Китаем и другими странами мира. На данный момент свыше 140 государств с населением, превышающим 4,4 млрд человек, приняли участие в ее проектах. В то же время региональный интерес КНР в рамках ОПОП сосредоточен в Азии — Западной и Восточной, с ростом в 2020-е гг. в направлении последней (рис. 1). Растет интерес Китая к инвестированию в страны Ближнего Востока и Северной Африки, богатые

сырьевыми ресурсами, особенно стратегическими (энергетическими), крайне необходимыми КНР для поддержания экономического роста.

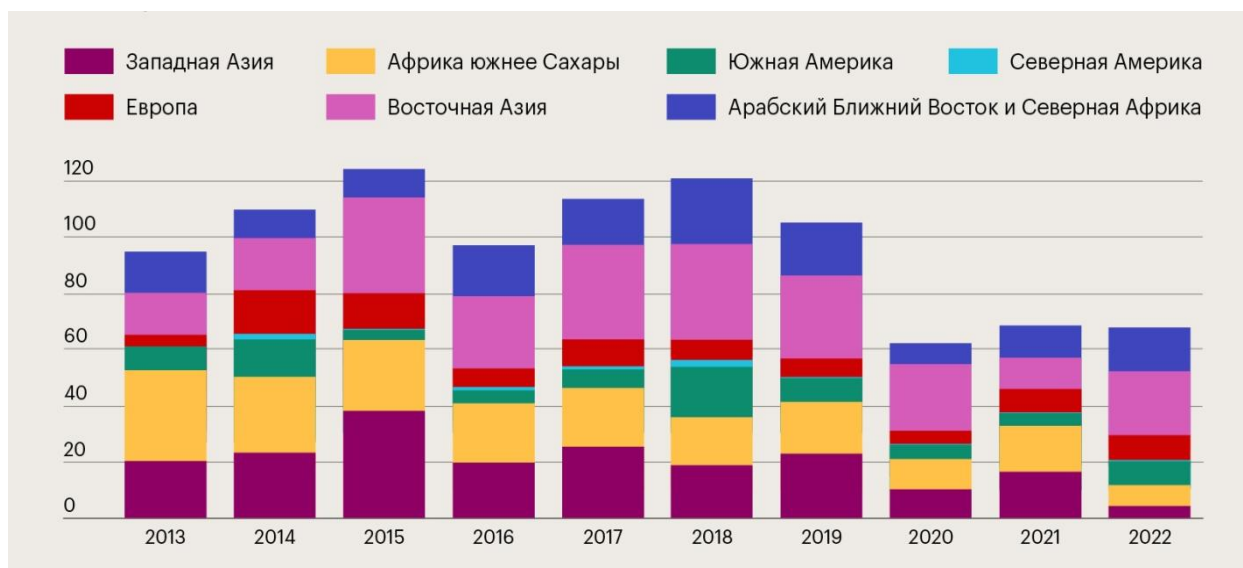

Рис. 1. Участие Китая в проектах ОПОП по регионам мира, 2013–2022 гг., млрд долларов.

Источник: Волкова, 2023.

За последнее десятилетие Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве, связанных с ОПОП, со 152 странами и 32 международными организациями, охватывающими 83% стран, с которыми Китай имеет дипломатические отношения, по данным Национальной комиссии по развитию и реформам, национального экономического планирования Китая (Kazakh and Chinese Experts ..., 2023).

Финансирование проектов ОПОП ведется за счет ресурсов Фонда Шелкового пути, который именно для этого и был учрежден в КНР в 2014 г., а также за счет средств Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ)¹. Основополагающая доля капитала обеих структур принадлежит Китаю (Золотых, Ахметзянова, 2021). Создание АБИИ, который к концу 2022 г. включал в себя 103 государства, представляющих 79% мирового населения и 65% мирового ВВП, эксперты считают глобальным проектом КНР в ОПОП. Банк уже одобрил 218 проектов на общую сумму более 42 млрд долл. (Новый «Шелковый путь»...).

В 1-м полугодии 2022 г. общий объем китайских финансовых вложений в 147 страны достиг 28,4 млрд долларов, что на 29,6 млрд долларов меньше, чем за 6 месяцев 2021 г. С начала реализации проекта совокупный объем китайских инвестиций достигает суммы примерно в 1 млрд долларов, из них больше 1/2 — это контракты в строительной сфере, остальное — нефинансовые инвестиции, неравномерно распределяемые между странами-участницами проекта. Главным «инвестиционным бенефициаром» ОПОП в 2022 г. стала Саудовская Аравия, с которой КНР укрепляет сотрудничество в энергетике и строительстве, а заключенные между странами контракты оцениваются в 5,5 млрд долларов (Инвестиции в Россию..., 2022).

¹ Россия вступила в АБИИ в 2015 г.

Но к июлю 2022 г. предоставленные Китаем более чем 50-ти развивающимся странам инфраструктурные кредиты оценивались ОЭСР как «высокорискованные», а удельный вес ссуд, условия которых требуют пересмотра, растут. По данным МВФ, Пакистан стал крупнейшим должником Китая (23,4 млрд долларов), на 2-м месте Ангола (22,1 млрд), на 3-м — Эфиопия, ставшая новым членом БРИКС в 2023 г. (7,9 млрд долларов) (Bloomberg, 2022).

Предварительные данные о привлечении Китая посредством финансовых инвестиций и контрактного сотрудничества за 1-ю половину 2023 г. в 148 странах инициативы ОПОП информируют о 102 сделках на сумму 43,3 млрд долларов. Это составляет около 60% участия Китая в программе ОПОП за весь 2022 г. (72,6 млрд долларов) (Green Finance & Development Center, 2023).

В рамках «Экономического пояса Шелкового пути» разворачивается межстрановое экономическое взаимодействие по ряду направлений — торговому, финансовому, транспортному, туристическому и другим. Из-за высокой фрагментации ОПОП достигнутые результаты сосредоточены во множестве локальных инфраструктурных проектов, как малых и средних, так и крупных. При этом сотрудничество осуществляется на двусторонней и многосторонней основе, в национальной экономике или в третьих странах, в рамках отдельных проектов или на комплексной основе, в различных отраслях и сферах хозяйственной деятельности (рис. 2), т. е. имеет место комплексный подход и, соответственно, комплексный же результат, прежде всего — для КНР.

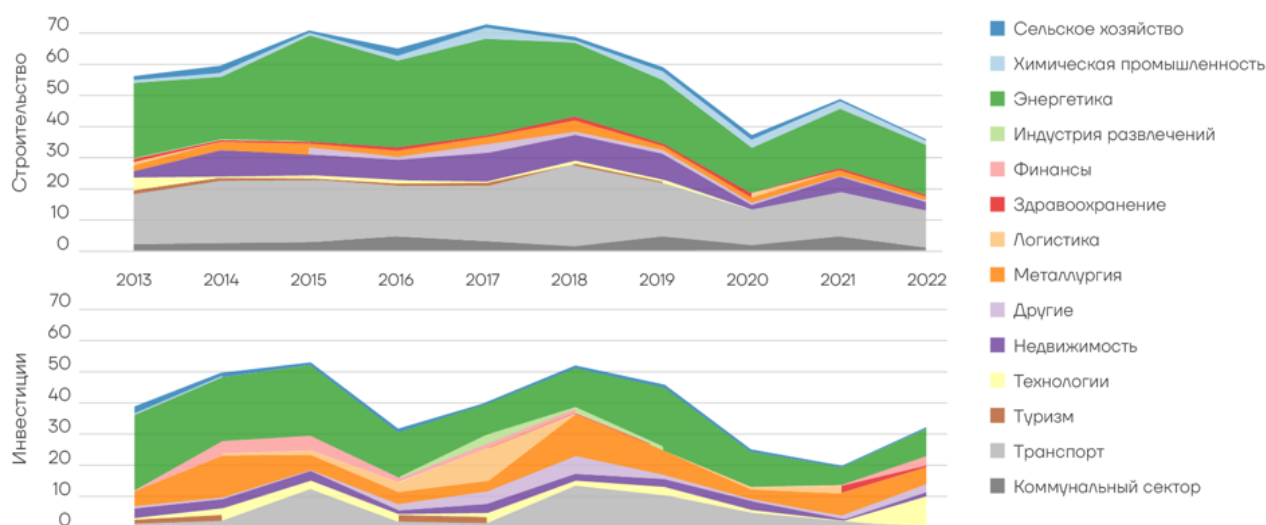

Рис. 2. Вовлечение Китая в различные сектора в рамках ОПОП в 2013–2022 гг., млрд долларов.

Источник: Новый «Шелковый путь» Все ли идет по плану?

Как видно из рис. 2, основной интерес Китая в ОПОП заключается в доступе к энергетическим ресурсам, а в последние годы страна все более инвестирует и в технологии.

Однако результаты (эффекты) от участия в ОПОП для стран-участниц могут различаться по степени эффективности, что вытекает из дифференциации объемов финансирования Китаем проектов в разных странах в различные годы, различиями условий подписания контрактов, а также интересом КНР к различным сферам деятельности. Следовательно, участие отдельных стран в китайских проектах ОПОП может иметь как положительные эффекты для их экономик, так и нести определенные риски.

Участие Российской Федерации в ОПОП может иметь для нашей страны следующие положительные последствия:

1. Рост международного экономического сотрудничества: Россия может использовать ОПОП для укрепления торговых, финансовых и в целом экономических отношений с Китаем и другими участниками ОПОП для роста своей внешней торговли, привлечения инвестиций (ПИИ) и развития совместных инфраструктурных проектов. В 2021 г. между РФ и КНР были заключены соглашения на сумму около 2 млрд долларов. Но в 2022 г. ПИИ в Россию из КНР в рамках ОПОП сократились «до нуля», по данным РБК (Инвестиции в Россию..., 2022). Предполагается, что по итогам намеченного на октябрь 2023 г. саммита ОПОП, возможны новые договоренности в инвестиционной сфере, так как обе страны активно прорабатывают совместные бизнес-проекты на сумму свыше 160 млрд долларов в различных сферах (Россия ожидает..., 2023). Например, КНР может принять участие в проектах по производству СПГ на Ямале, так как энергетика остается одним из основных приоритетов для КНР (а для РФ?) в ОПОП. Стоит отметить, что за январь–июнь 2023 г. экспорт СПГ из России в КНР увеличился более чем на 60% в физическом выражении, и отчасти это достижение стало возможно благодаря арктическим проектам.

Перспективные возможности в рамках ОПОП открываются для сотрудничества Китая и России с третьими странами, включая богатые природными ресурсами государства, как, например, Монголия, чья совместная экономическая деятельность с Россией и Китаем может быть весьма плодотворной (Ван, 2019).

2. Геополитические (внешние) аспекты: ОПОП может содействовать Российской Федерации в процессе укрепления влияния в Евразии и улучшения геополитического положения в целом, благодаря, в том числе, поддержке стабильных и безопасных транспортных маршрутов, а также стабилизировать ситуацию в странах и субрегионах, где реализуются проекты ОПОП.

3. Региональные (внутренние) аспекты: для Российской Федерации важно активизировать развитие дальневосточного региона, и ОПОП может содействовать этому процессу не только в сырьевых отраслях, но и в высокотехнологичных, транспортных и других. Одновременно «продвижение Китая на Запад» посредством ОПОП обеспечит развитие и наиболее депрессивных регионов Китая, например, провинции Синьцзян.

4. Отраслевое сотрудничество. ОПОП распространяется на целый ряд отраслей, развитие которых (и межстрановое взаимодействие в рамках которых) может вызывать интерес как у России, так и у других стран-участниц, в том числе:

- *энергетическое сотрудничество:* Россия — один из крупнейших производителей энергетических ресурсов мира, и может углублять в этой сфере сотрудничество с другими странами (поставки энергоносителей, развитие энергетической инфраструктуры и др.), в том числе с Китаем.

- *туризм:* туризм — еще одна важная сфера интересов Китая и России в рамках ОПОП. В Россию на протяжении длительного периода прибывало достаточно много туристов из Китая, и в нашей стране имеются все необходимые условия для их приема. До начала пандемии именно из Китая приезжало в Россию больше всего туристов из-за рубежа. Так, в 2019 г. из 5 млн иностранных туристов, посетивших Россию, около 1,4 млн прибыли именно из КНР, в том числе в составе безвизовых групп — 1,2 млн человек. Китайские туристы на территории РФ также лидировали среди других туристов по объемам денежных трат. Согласно данным ЦБ, совокупные траты китайских туристов в 2019 г. в России

достигли 1 млрд долларов (для сравнения: находившиеся на 2-м и 3-м месте граждане Казахстана и Украины израсходовали соответственно 978 и 943 млн долларов) (Власти договорились..., 2023). Конечно, пандемия негативно повлияла на туристический поток вообще, и из Китая в Россию — в частности, и он резко сократился (рис. 3), как и национальные доходы от туризма.

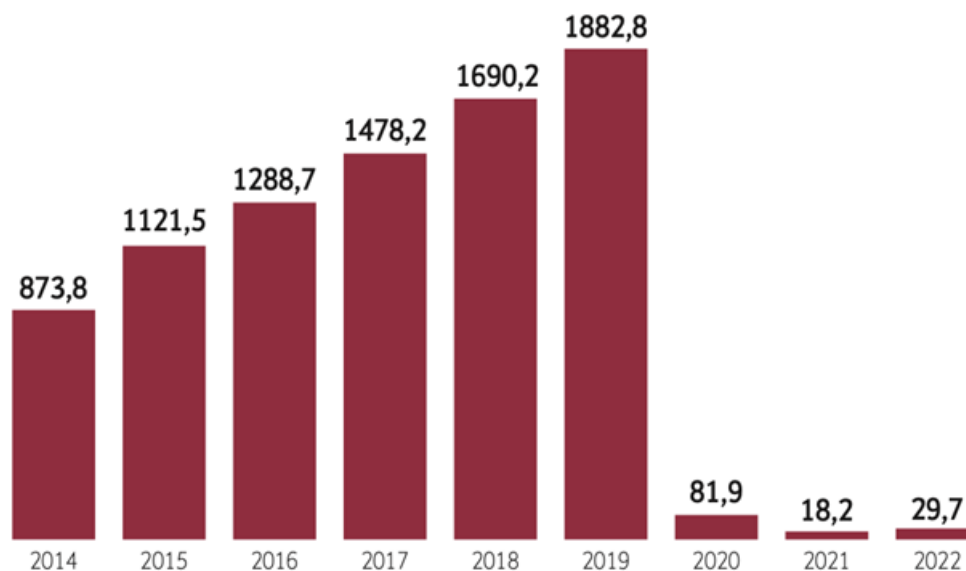

Рис. 3. Число въездных туристических поездок китайских граждан в Россию в 2014–2022 гг., тыс. человек.

Источник: Кулагин В. (2023)

Но этот туристический поток оказывает положительное влияние на рост торговли, экономики и ВВП России, что важно.

Однако у китайского въездного туризма в России сформировалась «серая зона» как результат действий китайских туркомпаний. По данным «Коммерсанта», «...большинство китайцев во время путешествий по России пользовались услугами китайского сервиса — их сопровождали китайские гиды, они селились в китайских гостиницах, покупали сувениры в лавках, принадлежащих китайцам, и т. д. При этом сами гости оказывались по деньгам в проигрыше — в специальных магазинах им зачастую продавали товары существенно дороже реальной стоимости, а иногда и несоответствующего качества (речь прежде всего о ювелирных изделиях). Китайские гиды, в свою очередь, могли рассказывать сюжеты из альтернативной российской истории. При этом и услуги часто предоставлялись некачественные. Например, вместо полноценного гида могли предоставлять обучающихся в России китайских студентов со слабым знанием русского языка и других знаний, прочие услуги также могли не соответствовать заявленному» (Кулагин, 2023). Для решения этой проблемы нужен комплекс мер контроля со стороны надзорных органов РФ и тщательно прописанные прозрачные правила, в том числе направленные на защиту интересов китайских туристов от организаторов подобных туров.

Этот контроль, а также дальнейшее развитие транспорта и инфраструктуры гостеприимства в рамках реализации ОПОП, будет содействовать росту заинтересованности обеих стран в развитии данного направления сотрудничества. Китайские гости могут использовать карту туриста на базе платежной системы «Мир», которую сейчас разрабатывает правительство России для всех зарубежных туристов.

- **транспорт:** в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» предусматривается создание 3-х транспортных коридоров — Северного, Центрального и Южного. Северный коридор пройдет из Китая через Казахстан, Россию и Европу до Балтики. Западная его ветка протянется через Белоруссию в Польшу, Германию, Голландию и Англию. Центральный коридор затронет территории Китая, Узбекистана, Туркмении, Ирана, Турции, Балканского полуострова и будет вести во Францию. Южная магистраль из Китая будет направлена в Бангладеш, Индию и Пакистан. «Морской Шелковый путь» берет начало из портов Китая, следует через Южно-Китайское море в Индийский океан, далее через Красное море до Европы. Россия принимает участие в создании 2-х экономических коридоров, таких как «Новый Евразийский континентальный мост» и «Китай — Монголия — Россия». Среди масштабных российско-китайских проектов в ОПОП можно выделить проект по строительству высокоскоростной железнодорожной магистрали «Евразия», которая будет проходить через территории Китая, Казахстана, России, Белоруссии, Польши и Германии. Строительство подавляющей части магистрали будет отдано китайской стороне. Еще одним совместным проектом станет создание автодорожного коридора «Западная Европа — Западный Китай» и системы транспортных коридоров «Приморье», где планируется развивать сотрудничество по увеличению грузоперевозок и созданию инфраструктуры портов Китая и российского Дальнего Востока. В 2017 г. на международном форуме «Один пояс, один путь» Президент РФ В. В. Путин высказался относительно северных морских транспортных коридоров: «Развитие заявленных в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС инфраструктурных проектов позволит создать совершенно новую транспортную конфигурацию Евразийского континента, что в свою очередь откроет возможности для оживления инвестиционной активности и повышения эффективности освоения территорий Арктики» (Международный форум «Один пояс, один путь», 2017).

- **сельское хозяйство:** взаимодействие с Россией в сельскохозяйственной сфере, как и в торговле сельскохозяйственной продукцией, весьма актуально для Китая (Хуан, 2019) в силу ограниченности китайских сельскохозяйственных земель, с одной стороны, и необходимости решать продовольственную проблему и в целом обеспечивать продовольственную безопасность КНР и ее населения в долгосрочном периоде, с другой. По данным Китайского центра международного экономического обмена, в 2035 г. страна сможет самостоятельно обеспечивать лишь около 65% от своего общего потребления продовольственной продукции. Для сравнения, в настоящее время этот показатель составляет примерно 76%. Согласно прогнозам, в частности, к 2035 г. Китаю придется импортировать около 83% необходимого объема соевых бобов (Asia Times, 2023). Обеспечить реализацию этой задачи поможет реализации проекта «Новый сухопутный зерновой коридор».

Россия входит в тройку мировых лидеров по площади пашен, несмотря на то, что они занимают лишь 7,5% российской территории (Академик Петр Чикмарёв..., 2023). Объемы торговли Китая с Россией сельскохозяйственной продукцией продолжают расти, а также значительно возрос ассортимент этой продукции. При этом «Экспортный потенциал поставок российской продукции АПК в Китай оценивается на уровне 6–10 млрд долларов... В 2022 г. Российская Федерация поставила в Китай продукции АПК на 7 млрд долларов — на 41,4% больше, чем в 2021 г. По итогам 2022 г. КНР является главным импортером российских рапсового масла, мяса птицы, говядины, соевых бобов, овса, семян

льна, а также вышла на 1-е место среди покупателей российского меда и льняного масла» (Карибут, 2023).

«Китай открыт для импорта соевых бобов, кукурузы, ячменя, пшеницы, рыбы и морепродуктов, мясных и молочных продуктов из России, а также масел, в частности рапсового масла. Китай и Россия договорились построить огромный зерновой хаб на границе, чтобы облегчить торговлю и повысить продовольственную безопасность *Китая*. Новые соглашения, подписанные на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в 2023 г.» (Тарасов, 2023).

Однако в структуре экспорта в Китай российской сельскохозяйственной продукции преобладают средне- и низкокачественные первичные сельскохозяйственные продукты с низкой долей переработки. Доля сельскохозяйственной продукции с глубокой переработкой сравнительно невелика, структура торговли продукцией сельского хозяйства однообразна, что не обеспечивает в полной мере интересы Российской Федерации и представляет проблему, требующую своего решения.

Россия также является важным экспортным рынком для китайской сельскохозяйственной продукции, но колебания экспорта китайской сельскохозяйственной продукции в Россию относительно велики (Чэнь Цюцзе, 2023).

5. Инновационная составляющая: в ОПОП существует и многогранная и разветвленная инновационная составляющая — от сотрудничества в сфере образования до создания новых перспективных инновационных проектов в рамках двустороннего взаимодействия. Китаю важно наращивать инновационную и цифровую составляющую своей экономики, увеличивать трансфер соответствующих (стратегических) технологий из России, инвестировать не только в российские энергетические и другие сырьевые компании и нефте- и газопроводы, но и в инновационные структуры, развивать сотрудничество между российскими и китайскими научными организациями, в том числе — в сфере сельского хозяйства, космоса и др. (Solovieva, He, 2022). Поэтому ОПОП включает в себя инициативу «Цифровой Шелковый путь» для подключения стран к цифровым технологиям, *которые контролируются Администрацией киберпространства Китая*.

В целом, участие Российской Федерации в ОПОП представляет собой новую возможность развития экономических и геополитических отношений с партнерами. Однако России важно внимательно и всесторонне оценивать свои интересы и риски.

К последним можно отнести следующее:

1. **Рост конкуренции:** ужесточение конкуренции для российских предприятий на тех рынках, где Китай уже активно инвестирует и осуществляет экономическую деятельность, что связано с высокими рисками и может вызвать разногласия как между КНР и РФ, так и в отношении третьих стран. Рост конкуренции стал одной из причин замедления (наряду с другими) в части новых проектов и объемов инвестиций в них (Новый «Шелковый путь»...), см. рис. 4. В тот же период сократился и стоимостной объем новых проектов. Однако мы полагаем, что это сокращение во многом связано также и с негативной ситуацией, вызванной *COVID-19*, мировой рецессией и другими внешними по отношению к ОПОП факторами, а вовсе не тем, что мир «устал» от этой инициативы.

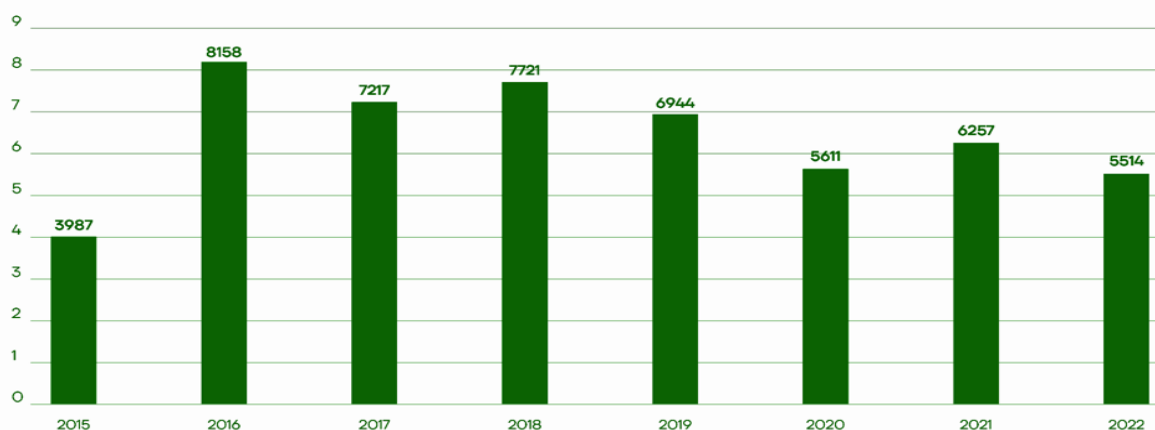

Рис. 4. Новые иностранные проекты, заключенные Китаем в странах «Пояса и пути», в 2015–2022 гг., тыс. шт.

Источник: Новый «Шелковый путь» Все ли идет по плану?

2. **Возможность долговой зависимости:** у РФ может возникнуть напряженность, особенно в финансовой сфере, в отношении с теми странами, например, Центральной Азии, которые получили китайские инвестиции или финансирование для реализации проектов инициативы и уже накопили долг перед КНР.

3. **Геополитические риски:** реализация проектов может вызывать геополитические разногласия с некоторыми странами, регионами или в отраслях, где у РФ есть свои интересы. Например, соперничество может возникнуть в регионе Средней Азии, или в рамках транспортных коридоров ОПОП.

4. **Риски в энергетическом секторе:** ОПОП может изменить баланс мирового энергетического рынка и оказывать влияние на цены этого рынка.

5. **Внешнеторговые риски:** эмпирические данные двусторонней торговли КНР с его партнерами, в том числе в ОПОП, подтверждают, что постепенно структура торговли изменяется в направлении роста экспорта в КНР сырья и энергоресурсов (или монокультуры) и импорта из КНР готовой и, как правило, все более высокотехнологичной продукции, прежде всего машиностроительной, и технологий, т. е., как отмечают эксперты, «...по сути, становясь на позиции неокOLONиальных стран и испытывая все недостатки подобного положения. При этом собственное производство стагнирует и приходит в упадок» (Виноградов, 2023).

Российская Федерация не может быть «сырьевым придатком» других стран, и для нее неприемлемо включаться в проекты ОПОП исключительно в этом качестве. Российской Федерации необходимо всестороннее и сбалансированное экономическое развитие, включающее развитие обрабатывающих производств на своей территории, формирование новых цепочек создания стоимости, самостоятельное управление своими предприятиями, не допускающее внешнего контроля и даже вмешательства, особенно над стратегическими с точки зрения развития экономики объектами.

6. **Балансирование внешнеэкономических интересов:** РФ необходимо балансировать свои экономические и политические интересы с другими внешними партнерами — с США, ЕС и др.

7. **Экологические риски:** реализация инфраструктурных проектов ОПОП, особенно в сфере транспорта и энергетики, может привести к эскалации экологических проблем с их негативным влиянием на здоровье населения Российской Федерации.

Заключение

В результате реализации ОПОП Китай, как инициатор и основной донор проекта, окажется самым большим его бенефициаром, так как условия, правила, стандарты создаются именно этим государством с целью получения китайской экономикой максимальных преимуществ на региональном и даже глобальном уровне.

По сути, в ОПОП Китай консолидирует ряд географических направлений торговли, инвестиций, промышленного и сельскохозяйственного производства, проектного и научно-технического сотрудничества, получает доступ к иностранным природным ресурсам (прежде всего — энергетическим) и научно-техническим разработкам, промышленному потенциалу и банковским кредитам, сельскохозяйственным угодьям и т. д. — «изнутри», а не «извне», посредством действия отдельных небольших шагов, предпринимаемых разрозненными небольшими частными (или большими государственными, в случае необходимости) китайскими компаниями. Это значит, что этот доступ будет осуществляться на основе принципа свободной торговли и инвестиций, ускорения перемещения товаров, капиталов и максимальных преференций, а также и возможности для Китая участвовать в формировании стратегий развития наименее развитых стран.

Реализация ОПОП позволит Китаю укрепить свои лидирующие позиции в мировой, и особенно евразийской (континентальной), экономике, включая и финансовый сегмент. Это очень важно для Китая сегодня, когда в национальной экономике этой страны формируются достаточно серьезные проблемы и угрозы развития кризисных процессов. В этой связи в ОПОП пересекаются экономические и политические интересы России и Китая, которые необходимо учитывать Российской Федерации для адекватной оценки возможностей и последствий участия в тех или иных проектах ОПОП.

Например, помимо прочего, участниками ОПОП стали страны, с которыми у России сохраняется ряд противоречий, и они могут либо успешно разрешиться, либо, напротив того, обостриться. К таким государствам можно отнести, например, Турцию и страны ЕС, Японию и др. В ОПОП принимают участие страны ЕАЭС и СНГ, но независимо от РФ. В результате возможно постепенное снижение экономического и иного влияния России на постсоветском пространстве параллельно с усилением значимости ОПОП и КНР, что, безусловно, негативно отразится на российской экономике и интеграционных процессах в ЕАЭС.

Более того, эксперты отмечают, что «...образование в регионе отдельной структуры по борьбе с терроризмом, включающей Китай, Пакистан, Афганистан и Таджикистан и никак не связанной ни с ШОС, ни с Россией, должно заставить задуматься и достаточно выпукло показывает трудности и пределы ... «сопряжения» проекта «Один пояс, один путь» с российским проектом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Российский проект единого экономического пространства в рамках России, Белоруссии и Казахстана, а также присоединившихся позднее Киргизии и Армении, с самого начала был нацелен на создание тесного экономического объединения стран, входивших ранее в СССР и глубоко завязанных на экономическое (и политическое) сотрудничество с Россией. При этом он включал в себя формирование единой относительно замкнутой таможенной зоны, призванной обеспечить

защиту рынка стран–членов ЕАЭС от беспрепятственного проникновения товаров извне, своего рода региональный протекционизм» (Виноградов, 2023). ОПОП может разрушить эту систему.

Все это подчеркивает важность всестороннего анализа и вдумчивого управления участием РФ в ОПОП на всех уровнях, необходимость продуманных подходов к участию Российской Федерации в реализации проектов данной инициативы, особенно на территории России, с тем чтобы максимизировать выгоды и минимизировать возможные негативные последствия для нашей страны. Нужно, например, вводить строгие процедуры управления рисками и улучшения координации по проектам, особенно с учетом того, что у ОПОП нет формальных принципов управления и единого центра.

Другими словами, Россия не может быть принципиально против инициативы ОПОП, однако она должна стремиться обеспечить свои собственные интересы в ее проектах. Следовательно, Россия нуждается в скоординированном и взвешенном подходе к участию в ОПОП для формирования равноправных и эффективных взаимовыгодных возможностей, в том числе — административным путем. России важно разработать четкую концепцию и стратегию экономического развития и «расставить внешнеполитические приоритеты», руководствуясь исключительно национальными интересами. Дополнительные возможности для этого может обеспечить усиление координации в рамках ОПОП между странами–партнерами по ЕАЭС и ШОС, стремление РФ обеспечить реальную, а не декларируемую, взаимовыгодность, формировать поддерживающее законодательство, соответствующую политику, прозрачные правила и подходы на долгосрочной основе, прозрачную систему закупок, надлежащую реализацию стратегии, тщательный учет политических, экономических, финансовых, экологических, инфраструктурных, транспортных и социальных факторов.

И все же совпадение интересов РФ и КНР в глобальной плоскости, важность союзнических отношений в противостоянии с США и другими негативными тенденциями на глобальном и региональном уровнях, позволяет РФ, на наш взгляд, более жестко настаивать, чтобы дружественный Китай более полно уважал национальные интересы нашей страны, учитывая их в своей политике.

Список литературы

1. Академик Петр Чекмарёв рассказал о сотрудничестве России и Китая в области сельского хозяйства (2023) [Academician Peter Chekmarev spoke about cooperation between Russia and China in the field of agriculture (2023) (In Russian).] URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=17e91691-aa3e-4e2e-bb04-f041fa8ab418>
2. Asia Times (2023): Россия активно наращивает прямые поставки зерновых в Китай [Asia Times (2023): Russia is actively increasing direct grain supplies to China (In Russian).] URL: <https://russian.rt.com/inotv/2023-05-15/Asia-Times-Rossiya-aktivno-narashhivaet>
3. Bloomberg (2022): инвестиции РФ в проект «Один пояс — один путь» сократились до нуля. [Bloomberg (2022): Russian investments in the «One Belt, One Road» project have been reduced to zero. (In Russian).] URL: <https://www.vedomosti.ru/investments/news/2022/07/24/932783-bloomberg-soobschilo-o-sokraschenii-do-nulya-investitsii-rf-v-proekt-odin-poyas-odin-put>

4. Бурдастова А. Д., Сизых Е. Ю. (2019) Участие России в инициативе «Один пояс, один путь»: возможности, угрозы, перспективы // *Global and Regional Research*. Т. 1. № 1. С. 166–170. [Burdastova A. D., Sizykh E. Yu. (2019) Russia's participation in the «One Belt, One Road» initiative: opportunities, threats, prospects // *Global and Regional Research*. Vol. 1. No. 1. Pp. 166–170. (In Russian).]
5. Бэ Ю. (2013) Выступление Си Цзиньпина на заседании по продвижению внешней политики КНР по отношению к соседним странам. [Bae Yu. (2013) Xi Jinping's speech at a meeting on the promotion of China's foreign policy towards neighboring countries. (In Russian).] URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2013-10/25/c_117878897.htm
6. Ван Ф. (2019) Исследование пути сотрудничества Китая, РФ и Республики Монголия в рамках стратегии «Один пояс, один путь» // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. № 3. С. 63–66. [Wang F. (2019) The study of the way of cooperation between China, the Russian Federation and the Republic of Mongolia within the framework of the «One Belt, One Road» strategy // *Modern Science: actual problems of theory and practice*. Series: Economics and Law. No. 3. Pp. 63–66. (In Russian).]
7. Виноградов А. (2023) Что такое проект «Один пояс, один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с Евразийским союзом. [Vinogradov A. (2023) What is the «One Belt, One Road» project and what are the prospects for its «integration» with the Eurasian Union. (In Russian).] URL: <https://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossiyskim-proekt/>
8. Власти договорились о возвращении массового китайского туризма в Россию (2023) [The authorities have agreed on the return of mass Chinese tourism to Russia (2023) (In Russian).] URL: <https://www.rbc.ru/business/20/02/2023/63ec96989a794768763b0f03>
9. Волкова О. (2023) Старый пояс — новый путь. [Volkova O. (2023) The Old Belt is a New Road. (In Russian).] URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/staryy-poyas-novyuy-put/>
10. Золотых В. Р., Ахметзянова Д. И. (2021) Участие России в реализации китайского проекта «Один пояс — один путь»: возможности и риски // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. Т. 5. Вып. 2. С. 205–210. [Zolotych V. R., Akhmetzyanova D. I. (2021) Russia's participation in the implementation of the Chinese project «One Belt, One Road»: opportunities and risks // *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*. Vol. 5. Is. 2. Pp. 205–210. (In Russian).] DOI:10.35634/2587-9030-2021-5-2-205-210.
11. Инвестиции в Россию через глобальный проект Китая сократились до нуля [Investments in Russia through China's global project have been reduced to zero. (In Russian).] URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/07/2022/62ddbdc29a7947a5bbaa421b>
12. Карабут Т. (2023) Экспорт российского продовольствия в Китай может увеличиться до 10 млрд долларов. [Karabut T. (2023) Russian food exports to China may increase to \$ 10 billion. (In Russian).] URL: <https://rg.ru/2023/03/22/eksport-rossijskogo-prodovolstviia-v-kitaj-mozhno-uvelichit-eshche-v-poltora-raza.html>
13. Кокушкина И. В. (2018) Инвестиционное сотрудничество России и Китая в процессе реализации проекта «Один пояс — один путь» // *Евразийский юридический журнал*. № 3 (118). С. 312–318. [Kokushkina I. V. (2018) Investment cooperation between Russia and China in the process of implementing the «One Belt — One Road» project // *Eurasian Legal Journal*. No. 3 (118). Pp. 312–318. (In Russian).]

14. Кулагин В. (2023) Россия и Китай готовят новое соглашение о безвизовых поездках туристических групп. [Kulagin V. (2023) Russia and China are preparing a new agreement on visa-free travel of tourist groups. (In Russian).] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/17/971119-rossiya-i-kitai-gotovyat-novoe-soglashenie-o-bezvizovih-poezdках-turisticheskikh-grupp>
15. Лю И. (2020) «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь» // Инновации и инвестиции. № 12. С. 278–282. [Liu I. (2020) «Digital Silk Road» as an innovative basis of the global project «One belt, one road» // Innovations and investments. No. 12. Pp. 278–282. (In Russian).]
16. Международный форум «Один пояс, один путь», 2017. [International Forum «One Belt, One Road», 2017. (In Russian).] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/54491>
17. Новый «Шелковый путь». Все ли идет по плану? [The new «Silk Road». Is everything going according to plan? (In Russian).] URL: <https://dzen.ru/a/ZLgMO2t0-xtV3uK>
18. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса шелкового пути и морского шелкового пути XXI века (Госкомитет по делам развития и реформ, Министерства иностранных дел и Министерства коммерции (издано с санкции Госсовета КНР) // Россия и АТР. 2015. № 3 (89). С. 255–270. [Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the Silk Road economic Belt and the maritime Silk Road of the XXI century (State Committee for Development and Reform, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce (published with the sanction of the State Council of the People's Republic of China) // Russia and the APR. 2015. No. 3 (89). Pp. 255–270. (In Russian).]
19. РБК (2023): Экономисты предупредили об откате Китая к традиционной модели роста. Как это может повлиять на российскую экономику. [RBC (2023): Economists have warned about China's rollback to the traditional growth model. How can this affect the Russian economy (In Russian).] URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/08/2023/64e8a8fb9a794707558b906e>
20. Россия ожидает новых договоренностей с Китаем об инвестициях. [Russia expects new investment agreements with China (In Russian).] URL: <https://ria.ru/20230909/kitay-1895139602.html>
21. Степанов Н. С. (2019) Структурный дисбаланс китайской инициативы «Один пояс — один путь» // Мир перемен. № 3. С. 63–73. [Stepanov N. S. (2019) Structural imbalance of the Chinese initiative «One Belt, One Road» // The World of Change. No. 3. Pp. 63–73. (In Russian).]
22. Су Ф. (2018) Российско-китайское региональное экономическое сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Научный журнал. № 5 (28). С. 87–88. [Su F. (2018) Russian-Chinese regional economic cooperation within the framework of the «One Belt, One Road» project // Scientific Journal. No. 5 (28). Pp. 87–88. (In Russian).]
23. Тарасов А. (2023) Новая зерновая сделка? Россия будет отправлять продовольствие в Китай через Забайкалье в большегрузных контейнерах. [Tarasov A. (2023) A new grain deal? Russia will send food to China via Transbaikalia in heavy containers. (In Russian).] URL: <https://www.chita.ru/text/world/2023/09/19/72716822/>
24. Татарников А. А. (2019) Китайская инициатива «Один пояс, один путь» как стратегия экономического покорения Евразии // Экономическая среда. № 3 (29). С. 34–38. [Tatarnikov A. A. (2019) The Chinese initiative «One Belt, One Road» as a strategy for the economic conquest of Eurasia // Economic environment. No. 3 (29). Pp. 34–38. (In Russian).]

25. Хуан Х. (2019) Исследование возможностей развития китайско-российского сельскохозяйственного сотрудничества в рамках программы «Один пояс, один путь» // Казанский экономический вестник. № 6 (44). С. 20–25. [Juan H. (2019) A study of the possibilities for the development of Chinese-Russian agricultural cooperation within the framework of the «One Belt, One Road» program // Kazan Economic Bulletin. No. 6 (44). Pp. 20–25. (In Russian).]

26. Хэ Х., Тягунов М. Г. (2019) Инициатива «Один пояс, один путь» и китайско-российское энергетическое сотрудничество / В сборнике: Advances in Science and Technology. Сборник статей XXIV международной научно-практической конференции. С. 157–159. [He H., Tyagunov M. G. (2019) The initiative «One Belt, one Road» and Sino-Russian energy cooperation / In the collection: Advances in Science and Technology. Collection of articles of the XXIV International Scientific and Practical Conference. Pp. 157–159. (In Russian).]

27. Цзяньин Х. (2019) «Один пояс — один путь»: исследование сотрудничества в сфере туризма между Россией и Китаем в условиях трансграничья // Журнал правовых и экономических исследований. № 3. С. 206–209. [Jianyin H. (2019) «One belt — one road»: a study of cooperation in the field of tourism between Russia and China in cross-border conditions // Journal of Legal and Economic Research. No. 3. Pp. 206–209. (In Russian).]

28. Чэнь Цюцзе (2023) Состояние, проблемы и перспективы российско-китайского взаимодействия в области торговли сельскохозяйственной продукцией // Agrarian Bulletin of the Urals. No. 08 (237). С. 113–126. [Chen Junjie (2023) The state, problems and prospects of Russian-Chinese cooperation in the field of agricultural trade // Agrarian Bulletin of the Urals. No. 08 (237). Pp. 113–126. (In Russian).] DOI: 10.32417/1997-4868-2023-237-08-113-126

29. Шайхрамов Б. (2023) В Китае серьезный экономический кризис: что происходит и почему. [Shaikhramov B. (2023) There is a serious economic crisis in China: what is happening and why. (In Russian).] URL: <https://incrussia.ru/understand/china-economy/>

30. Шкваря Л. В., Юй Х. (2019) Исторические аспекты формирования Великого шелкового пути // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 6. С. 124–132. [Shkvarya L. V., Yu H. (2019) Historical aspects of the formation of the Great Silk Road // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 6. Pp. 124–132. (In Russian).]

31. Шкваря Л. В. (2017) Особенности взаимной торговли России и ЕС в условиях санкций // Научное обозрение: теория и практика. № 6. С. 26–34. [Shkvarya L. V. (2017) Features of mutual trade between Russia and the EU under sanctions // Scientific review: theory and practice. No. 6. Pp. 26–34. (In Russian).]

32. Andrea A. J. (2014) The Silk Road in World History: A Review Essay // Asian Review of World Histories. No. 2. Pp. 105–127. DOI:10.12773/arwh.2014.2.1.105

33. Chen Q. (2020) Chinese and Russian transport corridors and the belt and road initiative: prospects of sino-russian cooperation // R-Economy. Т. 6. № 2. С. 100–110.

34. Ferdinand P. (2016) Westward ho — The China Dream and «One Belt, One Road»: Chinese Foreign Policy under Xi Jinping // International Affairs. № 92. P. 941–957.

35. Green Finance & Development Center, 2023. URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2023-h1/>

36. Kazakh and Chinese Experts Reflect on First Decade of Belt and Road Initiative, 2023. URL: <https://astanatimes.com/2023/09/kazakh-and-chinese-experts-reflect-on-first-decade-of-belt-and-road-initiative/>

37. Krukowska M. (2016) China's One Belt, One Road Strategy and Its Implication for the Global World Order // International Business and Global Economy. № 35. P. 157–168.
38. Solovieva Y. V., He M. Features of Technology Transfer Systems of Asian Region's Technology Leaders // Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches: Conference proceedings. Moscow: Springer Nature Switzerland, 2022. Pp. 308-314.
39. Wolff P. (2016) China's «Belt and Road» Initiative — Challenges and Opportunities. German Development Institute, Bonn.

Russia's participation in the «One Belt, One Road» initiative: main directions, problems and prospects of cooperation with China

Vasily I. Rusakovich,

PhD (Economic Sciences), General Director of Antares LLC, Moscow, Russia.

In the post-crisis period, the interest of the Russian Federation in participating in the projects of the Chinese initiative «One Belt, One Road» (OBOR) has intensified, the importance of which has somewhat decreased in 2020–2022. However, participation in the OBOR, according to the author, carries both positive consequences for the national economy, which are extremely necessary to maintain economic dynamics in the face of the ongoing pressure of Western economic sanctions, and noticeable risks. These risks relate to economic, financial, climatic, technological and other aspects and can be complex. The lack of transparency of the rules and distortion of market principles, the lack of a clear and transparent bidding and procurement process practiced by the Chinese side, requires the Russian Federation, which is involved in the implementation of this initiative, to actively explore and create mechanisms (including international ones, for example, within the EAEU) that guarantee normal business relations and efficiency to domestic business entities for the national economy in all its aspects (financial, sectoral, regional), as well as in the social sphere, including ecology. A number of countries have already encountered an increase in financial dependence on the PRC due to an increase in their external debt to this country. For Russia, it is especially important not to become a «raw material appendage» of China, since China is striving to a large extent to export Russian raw materials. Therefore, the author comes to the conclusion about the need for a comprehensive approach to the participation of the Russian Federation in various OBOR projects on the basis of mutual benefit and respect for the economic interests of the Russian Federation.

Keywords: *One Belt, One Road (OBOR), China, Russia, international cooperation, investments, international projects.*

JEL codes: *F01, F40, F50.*

Южная Азия: социально-экономическая динамика и новые точки роста

Савинский Андрей Владимирович¹

В статье представлен глубокий структурированный анализ социально-экономического развития Южной Азии в 2000–2022 гг. Целью данного исследования является изучение влияния глобальных и региональных факторов в Южной Азии на социально-экономическое развитие, обеспечения стабилизации и институционализации в макрорегионе. Эти факторы — политические, экономические, финансовые, научно-технические и эпидемиологические — действительно выступают действенными движущими силами, которые как позитивно, так и негативно влияют на соответствующие сферы жизни в Южной Азии. Однако с целым рядом вызовов в XXI веке региону удалось в целом справиться и добиться роста экономики и уровня жизни населения. С другой стороны показано, что экономические, а также и технические, и цифровые процессы в Южной Азии оказывают все более заметное влияние на глобальное развитие, и не только благодаря усилиям и достижениям Индии, которая во многом выступает сегодня как стабилизатор этих процессов, но и других стран региона. В то же время нельзя упускать из поля зрения проблемы, с которыми сегодня продолжает сталкиваться Южная Азия, возможные риски, стоящие перед странами региона задачи и пути их достижения. Исследование базируется на статистических и аналитических данных ЮНКТАД и других международных организаций, в том числе ежегодных отчетов. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития экономической интеграции в Южной Азии, в том числе в рамках СААРК, что может обеспечить плодотворные возможности для дальнейшего прогресса.

Ключевые слова: Южная Азия, мировая экономика, СААРК, Индия, экономическая интеграция, глобальные вызовы.

JEL коды: F62, O11, O53.

Введение

Социально-экономические процессы в Южной Азии (ЮА), где, согласно классификации ЮНКТАД, располагаются такие страны, как Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Иран, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланка, вызывают пристальный интерес представителей научного мира и политиков, особенно в последние десятилетия. Этот интерес предопределяется очевидным ростом экономики и заметным снижением уровня бедности в регионе (South Asia's path..., 2023), продвижением цифровизации и «зеленой» повесткой (Rehman, Gill, 2023), активизацией участия региона в мирохозяйственных процессах. Все это улучшает как качество жизни населения (при сохраняющемся его росте), так и социально-экономические и технологические процессы, а также обеспечивает

¹ Савинский Андрей Владимирович — доцент кафедры политической экономии, Российский университет дружбы народов им.П. Лумумбы, Москва, Россия.

дальнейшее увеличение экономического потенциала государств Южной Азии, несмотря на жесткие и многолетние санкции западного мира против Исламской Республики Иран (Шкваря и др., 2014).

Определенный вклад в эти и другие позитивные тенденции, происходящие в социально-экономическом и международном экономическом поле стран СААРК, внесены развитием экономической интеграции в рамках СААРК (*South Asian Association for Regional Cooperation*), созданной в 1985 г. семью государствами региона. Так, Ифтихар Али Малик, бывший президент ТПП СААРК, полагает, что у экономической интеграции в Ассоциации существует выдающийся потенциал для стимулирования социально-экономического прогресса и стабилизации национальных экономик стран-членов СААРК (SAARC CCI..., 2023).

В то же время региону и отдельным странам в XXI в. пришлось столкнуться с рядом разноуровневых и разноплановых вызовов (в том числе порожденных колониальным прошлым), которые были вызваны внутрорегиональными и страновыми, а также и глобальными причинами. Автор обосновывает точку зрения о том, что региону удалось достаточно эффективно справиться со многими из них и обеспечить себе задел для устойчивого развития в перспективе и для дальнейшего развития региональной экономической интеграции.

Цель статьи — исследование социально-экономического развития Южной Азии и тех процессов и факторов, которые как стимулировали, так и сдерживали это развитие (его динамику) в последние четверть века. Как представляется, научный вклад данного исследования заключается в возможности адаптации опыта отдельных стран региона, которым удалось зачастую весьма эффективно обеспечивать национальный прогресс, используя возникающие возможности и противодействуя вызовам и рискам. Изучение этого региона, кроме того, помогает предпринимателям, инвесторам и государствам определить возможности и перспективные для развития экономического сотрудничества с регионом.

Результаты исследования

Регион Южной Азии — это один из крупнейших макрорегионов мира по целому ряду показателей, прежде всего по количеству населения и его доле в мировом показателе. Как видно из рис. 1, сохраняется достаточно высокий и устойчивый рост жителей Южной Азии, хотя темп этого роста несколько ниже общемирового, а доля населения ЮА в мировом показателе стабилизировалась на уровне 25% и сохранится на этом уровне, по данным ЮНКТАД, до 2050 г.

Из рис. 1 следует, что каждый 4-й житель планеты — это гражданин какого-либо южно-азиатского государства, и эта ситуация сохранится в ближайшие четверть века. Население и его рост остается важным фактором развития Южной Азии на региональном и глобальном уровнях, так как оно создает базу для формирования обширного и динамичного рынка потребления, и это привлекает инвестиции, а также служит большим плюсом с точки зрения международных, да и отечественных, корпораций. Растущее и, следовательно, молодое, население выступает источником рабочей силы, т. е. фактором производства, и базой экономического роста региона в перспективе. Молодое население также может стать драйвером технологических инноваций и развития новых отраслей (Айдрус, Асмятуллин, 2018). В то же время в ряде стран Южной Азии есть недостаток достойных рабочих мест,

особенно для молодежи. Это может привести к безработице и работе/подработке в неформальном секторе, где условия труда и заработной платы часто неудовлетворительны.

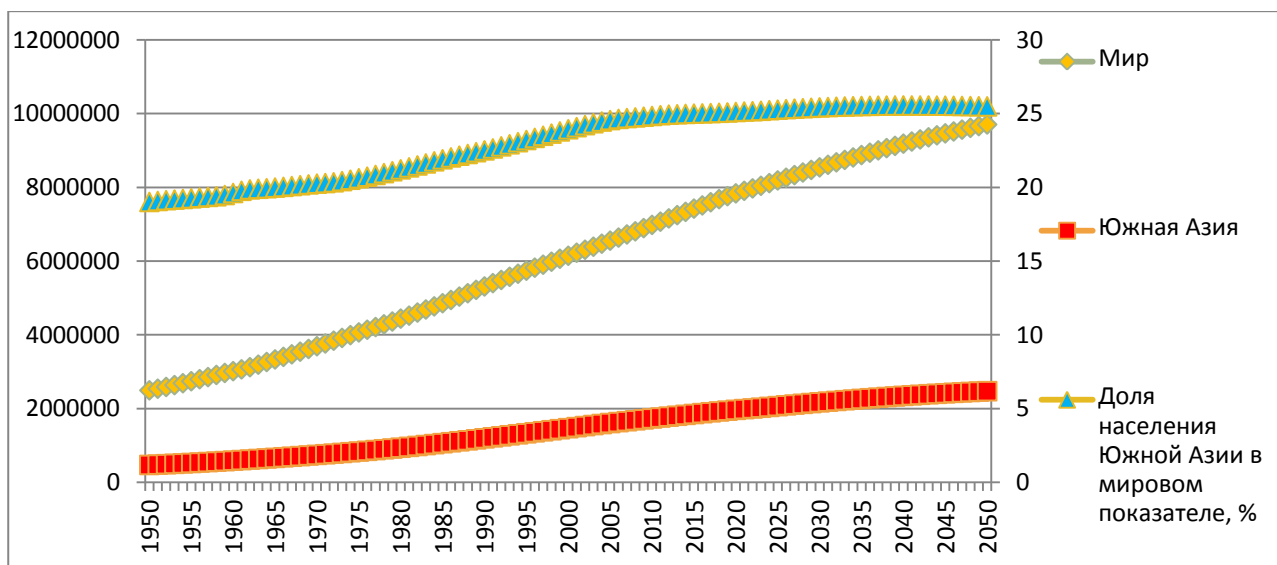

Рис. 1. Население Южной Азии и мира (тыс. человек, левая ось) и доля населения ЮА в мировом показателе, % (правая ось), в 1950–2050 гг.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Южная Азия обладает различными природными ресурсами, и это в целом позитивно влияет на ее экономическую и производственную динамику. Прежде всего, стоит отметить ресурсы для сельскохозяйственного производства — обширные и плодородные сельскохозяйственные угодья и благоприятным климатом для выращивания целого ряда продовольственных культур. Рис, пшеница, сахарный тростник, чай и специи — это лишь некоторые из множества сельскохозяйственных продуктов, производимых в регионе. Кроме того, отрасль остается важным источником не только продовольствия, но и доходов для населения. В определенной степени это обстоятельство дает возможность странам региона сохранять продовольственную безопасность в регионе и экспортировать продовольствие. Так, объем сельскохозяйственного рынка в Индии в 2023 г. оценивается в 355,52 млрд долларов, и, по мнению экспертов, увеличится к 2028 г. до 451,59 млрд долларов, т. е. почти на 5% (Agriculture Industry in India..., 2023). Регион имеет много рек и водоемов, что делает его богатым водными ресурсами, которые используются в сельском хозяйстве, промышленности, водоснабжении населения и производстве электроэнергии. В то же время «Большая часть земель (около 3/5 посевных площадей) в этих странах орошается дождями, что означает, что экономика Южной Азии зависит от ежегодного успеха их муссонов» (Srinivasrao et al., 2017).

Регион богат минеральными природными ресурсами, прежде всего энергетическими, что имеет стратегическое значение для экономической стабильности и индустриального роста. Достаточно сказать, что Иран остается одной из крупнейших стран в мире по запасам и добыче углеводородов. Нефть добывается и в других государствах, например, Индии. И хотя большинство стран региона остаются нетто-импортерами энергоресурсов, добываемый в регионе уголь, имеющаяся гидроэнергия, углеводороды играют важную роль в обеспечении энергетических потребностей стран Южной Азии. Южная Азия также богата

минеральными ресурсами, такими как железная руда, бокситы, медь и драгоценные металлы и камни.

Эти ресурсы могут быть основой для развития горнодобывающей промышленности, производства металлов и минералов и обеспечивать в конечном итоге экономический рост. Однако нерациональное использование природных ресурсов может привести к экологическим проблемам, таким как вырубка лесов, загрязнение водных и воздушных ресурсов, а также конфликтам вокруг контроля над ресурсами. Для обеспечения устойчивого развития региона Южной Азии странам важно эффективно управлять природными ресурсами, балансируя экономические интересы с необходимостью сохранения окружающей среды и обеспечения социальной справедливости.

Таким образом, наличие фундаментальных факторов производства, а также достаточно развитой промышленности, позволяет говорить о том, что Южная Азия обладает действительно значительным экономическим потенциалом, а также и внутренними резервами для развития. Однако доля совокупного ВВП региона остается незначительной в мировом показателе и достигла в 2022 г. лишь 5% при 25% населения региона в мировом показателе (рис. 2). Это говорит о все еще низком уровне производительности труда, несмотря на существующие успехи в Индии.

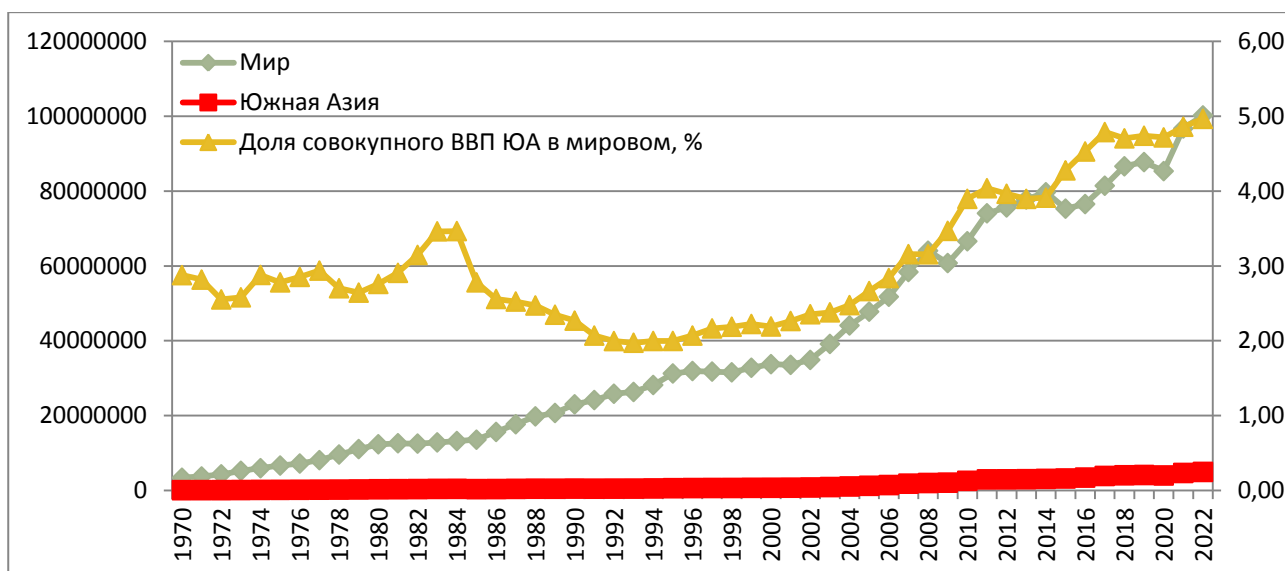

Рис. 2. Динамика производства ВВП в мире и в Южной Азии в 1970–2022 гг., млн долларов (левая ось) и доля в мировом показателе, % (правая ось).

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Как видно из рис. 2, темпы роста регионального ВВП в целом ниже, чем общемирового, и они подвержены колебаниям под влиянием глобальных факторов. Как видно из рис. 3, за исключением «провала» из-за глобальной пандемии в 2019–2020 гг., экономика региона устойчиво росла. Но негативное влияние на регион было меньше, чем в мире в целом (рис. 2).

Наибольший, и даже, можно сказать, основной, вклад в региональный ВВП в Южной Азии традиционно вносит Индия (рис. 3), наименьший — Бутан, и дифференциация национальных экономик по этому показателю остается одной из проблем региона и угроз стабильности его развития. В то же время практически у всех стран сохранялся — в большей

или меньшей степени — экономический рост в последние годы, за исключением «пандемийного» периода.

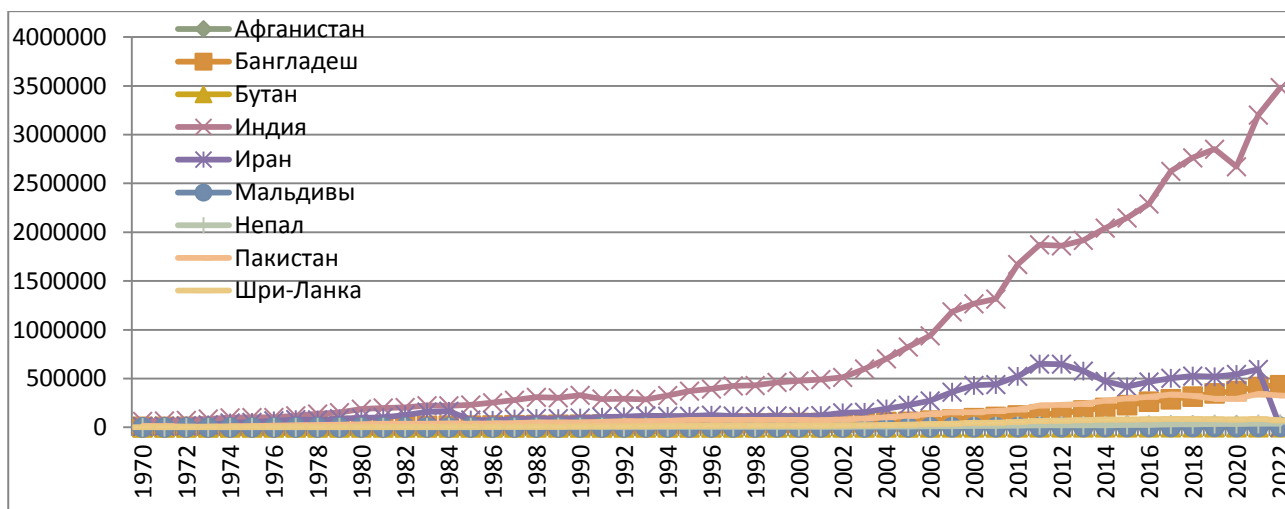

Рис. 3. Динамика производства ВВП в странах Южной Азии в 1970–2022 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Неравномерное экономическое развитие в странах Южной Азии сопровождается рядом серьезных проблем, одной из которых остается значительное неравенство в уровне подушевых доходов (рис. 4), и в целом в уровне бедности.

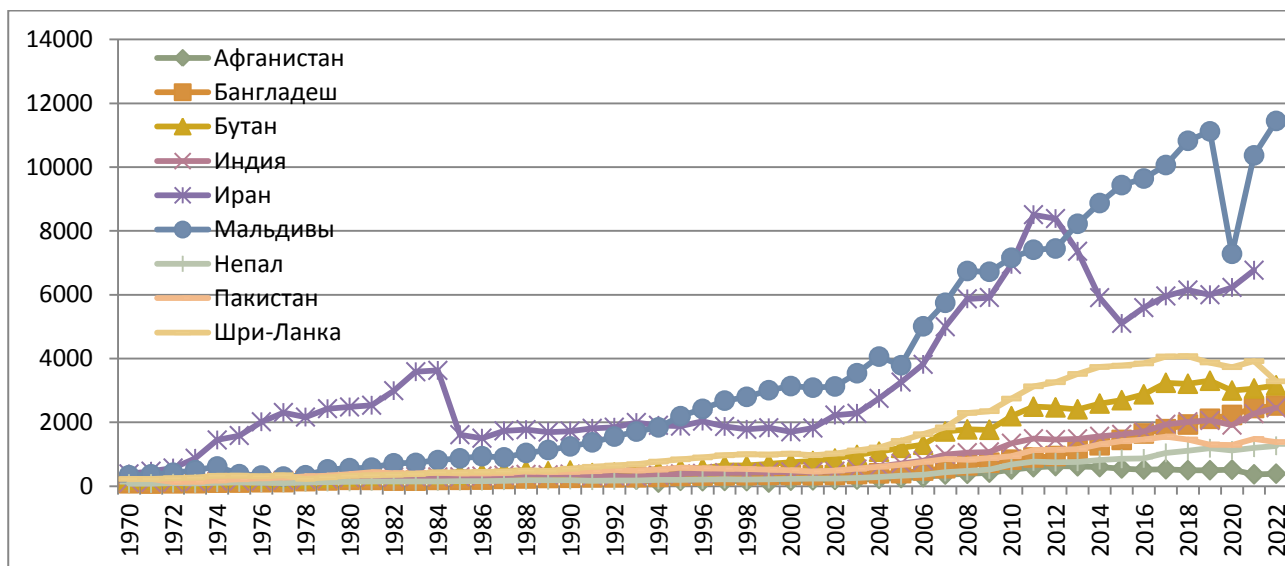

Рис. 4. Динамика подушевых доходов в странах Южной Азии в 1970–2022 гг., долларов.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Как видно из рис. 4, наиболее «богатыми» странами региона являются Мальдивы и Иран (несмотря на санкции), динамика подушевых доходов которого весьма волатильна.

Неравномерное экономическое развитие также сказывается на доступности образования и здравоохранения. Многие бедные регионы и группы населения сталкиваются с ограниченным доступом к качественному образованию и медицинскому обслуживанию, что усиливает социальные неравенства и затрудняет понижение уровня бедности. Дифференциация развитие приводит к неравномерному уровню инфраструктуры. Некоторые регионы имеют лучшие дороги, энергетическую инфраструктуру и доступ к телекоммуникациям, чем другие, что может затруднять экономический рост и инвестиции в менее развитых регионах. Во многих странах Южной Азии большая часть населения проживает в сельских районах, где доступ к услугам и возможностям развития ограничен. Низкий уровень развития сельского хозяйства и низкая его продуктивность могут сокращать продовольственную безопасность и уровень жизни сельского населения. Неравномерное экономическое развитие может способствовать росту экологических проблем, таких как загрязнение воздуха, воды и почвы, вырубка лесов и деградация земель, что ухудшает качество окружающей среды.

Для решения этих проблем страны Южной Азии разрабатывают различные стратегии, такие как инвестиции в человеческий капитал, развитие инфраструктуры в слаборазвитых регионах, содействие развитию сельского хозяйства и улучшение социальных аспектов развития.

Важное значение для ЮА имеет внешняя торговля. Взаимная торговля в Южной Азии олицетворяет собой ряд интересных тенденций и динамик, которые варьируются в зависимости от конкретных стран и региональных факторов. Вот некоторые из основных тенденций в торговле в Южной Азии:

Увеличение объемов торговли: Общие объемы внешней торговли в Южной Азии значительно увеличились в последние десятилетия. Это связано с ростом региональных экономик, а также с увеличением инвестиций и торговых партнерств. В то же время растет волатильность внутрирегиональной торговли (рис. 5), что говорит о необходимости ее стабилизации в стоимостном и натуральном выражении, в том числе и за счет использования национальных валют во взаимной торговле. Также страны региона активизируют свое торговое сотрудничество в рамках региональных торговых соглашений.

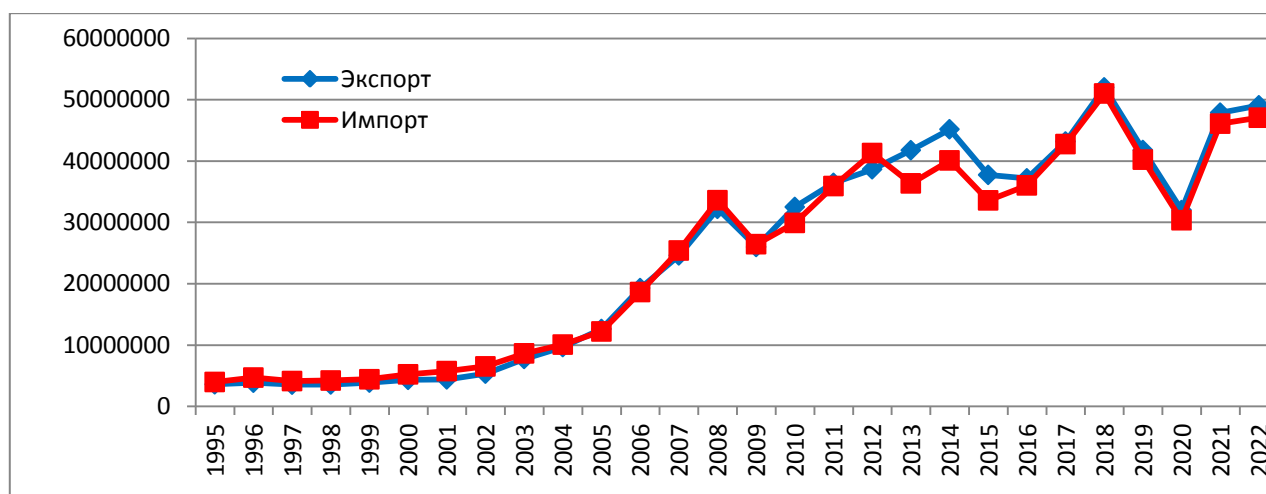

Рис. 5. Матрица торговли товарами в странах Южной Азии в 1995–2022 гг., тыс. долларов.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Региональные торговые соглашения: В Южной Азии активно развиваются региональные торговые соглашения, такие как Южноазиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК), куда входят 8 стран. Между странами СААРК действует соглашение о южноазиатской зоне свободной торговли (*SAFTA*), направленное на снижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле внутри региона. В 1996 г. в Южной Азии начала действовать инициатива по торговле между Бангладеш, Бутаном, Индией и Непалом (ББИН) («четырёхугольник роста в Южной Азии»), а в 2001 г. была разработана Программа Южноазиатского субрегионального экономического сотрудничества (*SASEC*) под эгидой АБР, куда входят все страны Южной Азии, кроме Пакистана, Афганистана и Ирана. Программа нацелена на улучшение торговых и экономических связей между этими странами, в том числе в сфере энергетики и транспорта. Но наличие во многом параллельных структур говорит о недостаточной их эффективности, что подтверждается и все еще низким уровнем внутрирегиональной торговли.

Диверсификация товарной структуры: В последние годы страны Южной Азии стали более активно диверсифицировать ассортимент своих экспортных товаров, прежде всего за счет инновационных и цифровых направлений и попыток развития человеческого капитала, а также МСБ. Развитие цифровых технологий и ИТ-сектора в регионе создает возможности для стартапов и инноваций, и, следовательно, экономического роста (Solovieva, He, 2022). Это позволяет странам региона снижать зависимость от импорта определенных внерегиональных товаров и внешних рынков и расширять свой экспортный потенциал.

Увеличение инвестиций: В регионе Южной Азии наблюдается рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Это способствует развитию производственных отраслей и созданию новых рабочих мест, а также и диверсификации экономики.

Инвестиционный процесс в Южной Азии также сохраняет ряд новых тенденций, в том числе:

1. Увеличение прямых иностранных инвестиций (ПИИ): В последние десятилетия наблюдается рост объемов ПИИ в Южной Азии. Этот рост связан с развитием бизнес-среды, льготами для инвесторов и экономическим ростом в некоторых странах региона в целом, например, в Индии и Бангладеш.

2. Региональные инвестиционные соглашения: Различные страны в Южной Азии активно развивают сотрудничество в рамках региональных инвестиционных соглашений и партнерств, чтобы привлечь больше инвестиций. Примером может служить Коридор Китай-Пакистан (*CPEC*), развитие особой экономической зоны в Гуадаре, Пакистан, и др.

3. Инфраструктурные проекты: Множество инвестиций направлено на развитие инфраструктуры в регионе, например, портов, дорог, энергетических проектов и телекоммуникационной инфраструктуры. Это способствует росту торговли и экономическому развитию стран в целом.

4. Энергетические инвестиции: Энергетический сектор привлекает крупные инвестиции в страны Южной Азии, хотя и дифференцированно по странам. Капиталовложения привлекаются, в том числе, в обновляемые источники энергии, такие как солнечная и ветровая энергия, что позволяет более полно удовлетворить растущий спрос на энергию в регионе.

5. Цифровизация и стартапы: Сектор цифровых технологий и стартапов также привлекает значительные инвестиции. Некоторые города, например, Бангалор в Индии,

стали центрами для технологических инноваций и все активнее привлекают венчурные инвестиции.

6. Политические факторы: Политическая стабильность и отношения между странами позитивно влияют на инвестиционные решения, уменьшая неопределенность для инвесторов.

В целом, инвестиционная среда в Южной Азии находится в стадии активного развития, а регион обладает значительным потенциалом для привлечения инвестиций. Страны активно инвестируют в инфраструктуру, например, транспортные сети, порты и энергетические проекты, что стимулирует развитие бизнеса и торговли. Однако для устойчивого роста инвестиций важно решать сохраняющиеся проблемы, связанные с правовой системой, коррупцией и политической стабильностью.

Вызовы и препятствия: Тем не менее, взаимная торговля в регионе также сталкивается с различными вызовами и рисками, такими как политическая нестабильность, таможенные барьеры и инфраструктурные ограничения. Регион сталкивается с вызовами в сфере образования, здравоохранения и окружающей среды, которые могут влиять на устойчивость и качество жизни. Одной из проблем остается неравномерность социально-экономического развития стран Южной Азии и значительное доминирование Индии в регионе. Сохраняются и даже обостряются внешние вызовы: мировая торговая напряженность, рост волатильности мировых рынков и глобальной нестабильности развития оказывают негативное влияние на экономику региона и могут создавать неравенство и экономические дисбалансы.

Цифровизация и электронная торговля: Развитие цифровых технологий и электронной торговли также оказывает влияние на взаимную торговлю в Южной Азии, содействуя более эффективным и доступным торговым операциям.

В целом, взаимная торговля в Южной Азии находится в состоянии активного развития, но существуют и вызовы, которые требуют решения, чтобы максимально использовать потенциал этой динамичной региональной экономики.

Перспективы развития экономики региона Южной Азии, на наш взгляд, могут быть оценены как многообещающие, но с существующими вызовами и рисками. Этот регион обладает большим потенциалом благодаря своей демографии, ресурсам и растущей экономике. Тем не менее, перспективы развития экономики Южной Азии зависят от способности стран региона эффективно управлять вызовами и использовать возможности, которые предоставляются ее ресурсами и демографией. Эффективное управление политической, экономической и социальной стабильностью, а также инвестиции в человеческий капитал и инфраструктуру, могут способствовать устойчивому и долгосрочному росту в этом регионе.

Заключение

Южная Азия — это один из крупнейших и наиболее населенных регионов мира, включая такие страны, как Индия, Пакистан, Бангладеш и Шри-Ланка. Южная Азия обладает огромным экономическим потенциалом благодаря своей огромной рабочей силе, растущему рынку потребления и ресурсам. Изучение этого региона помогает предпринимателям, инвесторам и правительствам определить возможности для экономического сотрудничества и развития. Южная Азия сталкивается с разнообразными социальными и экологическими

вызовами, такими как бедность, неравенство, климатические изменения и угрозы безопасности. Изучение экономического развития помогает выявить факторы, влияющие на эти проблемы, и разрабатывать политики для их решения.

Южная Азия играет активную роль в геополитических процессах, и его отношения с соседними странами и мировыми игроками могут иметь глобальные последствия. Регион оказывает значительное влияние на мировую экономику, политику и культуру. Изучение его экономического развития позволяет понять, какие изменения и вызовы могут возникнуть в мировой системе. В целом, изучение экономического развития в Южной Азии имеет важное стратегическое значение как для самого региона, так и для мировой экономики и политики, и позволяет разрабатывать более эффективные стратегии сотрудничества и устойчивого развития. Изучение опыта развития в Южной Азии может предоставить уроки для других регионов мира. Многие страны в этом регионе достигли заметных успехов в улучшении экономических показателей и социальных условий, и этот опыт может быть полезен для других развивающихся стран.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. (2018) Кадры как фактор развития цифровой экономики в странах ССАГПЗ // Сегодня и завтра Российской экономики. № 91–92. С. 20–26. [Aidrous I. A. Z., Asmyatullin R. R. (2018) Personnel as a factor in the development of the digital economy in the GCC countries // Today and tomorrow of the Russian Economy. No. 91–92. Pp. 20–26. (In Russian).]
2. Галищева Н. В. (2010) СААРК: станет ли ассоциация двигателем экономик Южной Азии? // Азия и Африка сегодня. № 11 (640). С. 32–40. [Galishcheva N. V. (2010) SAARC: Will the Association become the engine of the economies of South Asia? // Asia and Africa today. No. 11 (640). Pp. 32–40. (In Russian).]
3. Шкваря Л. В., Русакович В. И., Лебедева Д. В. (2014) Россия–Иран: развитие сотрудничества в условиях санкций // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (71). С. 43. [Shkvarya L. V., Rusakovich V. I., Lebedeva D. V. (2014) Russia–Iran: development of cooperation under sanctions // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 11 (71). P. 43. (In Russian).]
4. Agriculture Industry in India Size & Share Analysis — Growth Trends & Forecasts (2023–2028). URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/agriculture-industry-in-india>
5. Rehman S. ur., Gill A. R. (2023) Digital Transformation, Institutional Quality, and Environmental Sustainability: Evidence from SAARC Countries // iRASD Journal of Economics. Vol. 5. No. 2. Pp. 392–407. DOI:10.52131/joe.2023.0502.0135
6. SAARC CCI ex-president highlights potential for growth stability in South-Asian economic integration (2023) URL:<https://www.nation.com.pk/10-Jul-2023/saarc-cci-ex-president-highlights-potential-for-growth-stability-in-south-asian-economic-integration>
7. Solovieva Y. V, He M. Features of Technology Transfer Systems of Asian Region's Technology Leaders // Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches: Conference proceedings. Moscow: Springer Nature Switzerland, 2022. Pp. 308–314.
8. South Asia's path to resilient growth / Ranil Salgado, Rahul Anand (Editors). Description: Washington, DC: International Monetary Fund, 2023. 369 p.

9. Srinivasrao Ch., Gopinath K. A., Ramarao C., Raju B. M. K., Rejani R., Venkatesh G., Visha Kumari V. (2017) Dryland Agriculture in South Asia: Experiences, Challenges and Opportunities / In book: Innovations in Dryland Agriculture Chapter: Dryland Agriculture in South Asia: Experiences, Challenges and Opportunities. Publisher: Springer Publishers. DOI: 10.1007/978-3-319-47928-6_13
10. UNCTAD. URL:<https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

South Asia: socio-economic dynamics and new growth points

Andrey V. Savinsky,

The article presents a deep structured analysis of the socio-economic development of South Asia in 2000–2022. The purpose of this study is to study the impact of global and regional factors in South Asia on socio-economic development, ensuring stabilization and institutionalization in the macroregion. These factors — political, economic, financial, scientific, technical and epidemiological — really act as effective driving forces that both positively and negatively affect the relevant spheres of life in South Asia. However, the region has managed to cope with a number of challenges in the XXI century and achieve economic growth and the standard of living of the population. On the other hand, it is shown that economic, as well as technical, and digital processes in South Asia have an increasingly noticeable impact on global development, and not only thanks to the efforts and achievements of India, which in many ways acts as a stabilizer of these processes today, but also other countries in the region. At the same time, we should not lose sight of the problems that South Asia continues to face today, possible risks, the tasks facing the countries of the region and ways to achieve them. The study is based on statistical and analytical data from UNCTAD and other international organizations, including annual reports. It is concluded that there is a need for further development of economic integration in South Asia, including within the framework of SAARC, which can provide fruitful opportunities for further progress.

Keywords: South Asia, world economy, SAARC, India, economic integration, global challenges.

JEL codes: F62, O11, O53.

Влияние нетарифного регулирования на международную торговлю ЕАЭС в условиях усиления протекционизма

*Ильясов Петр Владимирович¹
Андреева Елена Леонидовна²*

В условиях усиления протекционистских мер и ограничений на мировом рынке товаров понимание и изучение механизмов нетарифного регулирования становится все более актуальным. Данная статья основывается на теоретическом обосновании влияния нетарифного регулирования на международную торговлю и специфике этого влияния в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Особое внимание уделяется анализу глобальных тенденций усиления протекционизма на мировом рынке товаров, в которых нетарифное регулирование импорта становится важным инструментом государств для защиты своих экономических интересов. Анализируются факторы, приводящие к увеличению протекционистских мер, такие как политические изменения, геополитические конфликты, изменения в экономической политике государств и др. Представляются данные и исследования, подтверждающие эти тенденции и их влияние на международную торговлю. Сформулированы основные выводы, которые будут служить основой для совершенствования механизма нетарифного регулирования импорта Евразийского экономического союза.

***Ключевые слова:** международная торговля, нетарифное регулирование, ЕАЭС, импорт, внешняя торговля, протекционизм, механизм.*

***JEL коды:** F13, F15.*

Введение

Протекционизм — это политика, направленная на ограничение импорта товаров с целью защиты отечественных отраслей и создания равных условий для местных производителей. В условиях экономических, политических и социальных изменений наблюдается увеличение протекционистских мер со стороны государств, которые стремятся защитить свои отрасли и национальные экономики.

В последние годы наблюдается усиление протекционистских тенденций в мировой экономике (Андреева, Ильясов, 2021. С. 24). Факторы, способствующие усилению протекционизма, включают рост национального протекционизма, торговые конфликты, изменение политической воли и изменение экономической конъюнктуры и др. Эти факторы оказывают влияние на международную торговлю и вызывают необходимость применения

¹ *Ильясов Петр Владимирович* — ведущий экономист центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.

² *Андреева Елена Леонидовна* — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра региональных компаративных исследований, Институт экономики Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.

нетарифных мер регулирования импорта. Такие последствия, как введение тарифных барьеров, ограничение доступа к рынку и применение нетарифных мер регулирования импорта, стали все более распространенными.

Рассмотрим основные факторы, способствующие усилению протекционистских мер. Во-первых, политические факторы, такие как, изменение во внутренней политике страны, изменение внешнеполитической ориентации и геополитические конфликты, могут оказывать существенное влияние на принятие протекционистских мер.

Во-вторых, экономические факторы, такие как рост дефицита внешней торговли, увеличение безработицы и угроза дестабилизации отечественных отраслей, также могут способствовать усилению протекционистских мер. Государства, сталкивающиеся с такими проблемами, могут прибегать к введению нетарифных мер регулирования импорта, чтобы ограничить импортные товары и защитить свои внутренние отрасли.

Важно отметить, что протекционистские меры могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на международную торговлю. С одной стороны, они могут способствовать развитию отечественных отраслей, укреплению экономики страны, налаживанию импортозамещения (Вуканюова et al., 2020. С. 23), и увеличению экспорта. С другой стороны, они могут вызывать ответные меры со стороны других стран, приводящие к ограничению экспорта и снижению общего объема международной торговли.

Также можно привести примеры, подтверждающие глобальные тенденции усиления протекционизма на мировом рынке товаров:

1. Торговые конфликты между США и Китаем. В 2018 г. наблюдалось значительное усиление торговых напряжений между двумя крупнейшими экономиками мира (Шкваря, Ван, 2019. С. 62). США ввели ряд тарифных и нетарифных мер, таких как повышение таможенных пошлин и ограничения на ввоз определенных товаров из Китая. Это привело к ответным мерам со стороны Китая и эскалации торгового конфликта между двумя странами (Пак, 2020).

2. Возрождение политического национализма в Европе. В некоторых странах Европы наблюдается укрепление политического национализма, что способствует усилению протекционистских мер. Например, Великобритания вышла из Европейского союза в рамках процесса *Brexit*, что привело к введению новых торговых барьеров и ограничений для свободной торговли с ЕС (Burne, Rice, 2018. P. 29).

3. Усиление использования антидемпинговых мер. Многие страны стали активнее применять антидемпинговые меры для защиты своих отраслей от дешевого импорта. Антидемпинговые пошлины и другие ограничительные меры на ввоз товаров, считаемых продаваемыми ниже рыночных цен, стали распространенной практикой (Савельев, Хетагурова, 2016. С. 26).

Эти примеры свидетельствуют о том, что протекционистские тенденции становятся все более заметными на мировом рынке товаров. Они подтверждают необходимость изучения влияния нетарифного регулирования на международную торговлю и поиск механизмов совершенствования в этой области.

Нетарифные меры регулирования международной торговли

Нетарифные меры (НТМ) — это меры государственного регулирования, отличные от таможенных тарифов, которые потенциально могут создавать экономический эффект на

международную торговлю товарами (UNCTAD). Для экспортеров и импортеров НТМ представляют собой серьезную проблему. Хотя многие НТМ нацелены в первую очередь на охрану здоровья населения или окружающей среды, они также существенно влияют на торговлю посредством доступа к информации, соблюдения требований и процедурных затрат. Возможность получения выгоды от доступа на рынок все больше зависит от соблюдения мер регулирования торговли, таких как санитарные требования и стандарты на товары. Оптимизация НТМ может укрепить потенциал торговых переговоров в сфере достижения баланса между снижением торговых издержек и сохранением общественных целей.

С одной стороны, иногда НТМ влияют на объёмы международной торговли лишь незначительно (Аксенова, 2021. С. 127–128). С другой стороны, введение нетарифных мер регулирования импорта может иметь значительное влияние на международную торговлю в условиях усиления протекционизма. Применение нетарифных мер, таких как технические стандарты, лицензирование, санитарные и фитосанитарные требования, может ограничивать доступ иностранных товаров на рынок, вносить дополнительные издержки для экспортеров и создавать преграды для свободного перемещения товаров. Это может приводить к сокращению международной торговли, искажению конкуренции и ограничению выбора потребителей. Нетарифные меры также могут способствовать возникновению торговых конфликтов между государствами, что приводит к дальнейшему усилению протекционистских тенденций. При этом Всемирная торговая организация в 2012 г. отмечала, что в рамках цели применения НТМ трудно разграничить защиту и протекционизм (Дюмулен, 2016. С. 5).

Совершенствование нетарифного регулирования импорта в ЕАЭС

В ходе проведенного исследования, посвященного механизму совершенствования нетарифного регулирования импорта в ЕАЭС, были получены следующие основные выводы, сделанные на основе проведенного анализа. В условиях растущего протекционизма и ограничений на мировом рынке товаров, изучение механизмов нетарифного регулирования становится крайне важным. Проанализированы глобальные тенденции усиления протекционизма, в которых нетарифное регулирование импорта становится ключевым инструментом защиты экономических интересов стран. Благодаря проведенному обзору экономической литературы и исследований автором выявлены преимущества и недостатки нетарифного регулирования. Теоретические аспекты демонстрируют, что нетарифное регулирование может ограничивать доступ к рынкам, повышать издержки и вызывать торговые конфликты.

Представлены обзор и анализ существующих классификаций нетарифных мер регулирования международной торговли, что позволило более глубоко понять и развить теоретические основы нетарифного регулирования. Процесс разработки авторской классификации позволил более точно и детально оценить последствия нетарифного регулирования, включая его воздействие на доступность товаров, качество товаров и экономическую эффективность нетарифных мер. Применение такой классификации в методике оценки предоставило более точные и обоснованные результаты, а также способствовало более эффективной оценке воздействия мер на международную торговлю. В целом, разработка авторской классификации была необходима для более глубокого анализа

нетарифного регулирования, в том числе на товарном уровне, и его воздействия на международную торговлю.

Был проведен анализ специфики нетарифного регулирования импорта в контексте ЕАЭС. Были выявлены характерные особенности применения нетарифных мер в рамках союза, их воздействия на импорт товаров, а также оценка потенциальных последствий для международной торговли и экономики стран-членов. Выяснилось, что нетарифные меры могут потенциально повлиять на стабильность международных экономических отношений и торговых потоков. Анализ специфики нетарифного регулирования импорта в контексте ЕАЭС выявил разнообразие инструментов, применяемых для регулирования торговых потоков. Применение таких мер оказывает влияние на экономику стран-членов, на структуру импорта, а также на международные торговые отношения. Эффективность данных мер зависит от сбалансированности, прозрачности и соответствия международным стандартам.

Среди основных выводов можно подчеркнуть, что анализ теоретических основ влияния нетарифного регулирования на импорт представляет значимый этап для разработки авторской методики оценки. Этот этап позволяет раскрыть механизмы, через которые нетарифные меры воздействуют на объемы и структуру импорта в рамках ЕАЭС. Анализ исследований как российских, так и зарубежных экономистов дает ценные аргументы в пользу использования количественных методик для оценки влияния нетарифного регулирования на международную торговлю.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие ключевые выводы. Анализ различных источников данных, таких как базы данных ВТО, *GTA*, *WITS*, *TRAINS* и статистические отчеты ЕАЭС, предоставил достаточно информации для разработки методики оценки влияния нетарифного регулирования на импорт в ЕАЭС. Комбинирование различных источников данных дает возможность получить более полную картину и обеспечить надежность анализа. Разработанная методика оценки влияния нетарифных мер на импорт в ЕАЭС представляет инновационный подход к анализу. Ее фокус на издержках, использование обновленной базы данных и учет задержки в реакции на меры позволяют более точно оценить эффекты нетарифного регулирования на торговлю. Количественные и качественные методы анализа позволяют оценить связи между переменными и выявить статистическую значимость этих связей. Применение методики на данных показало, что нетарифные меры оказывают разнонаправленное влияние на импорт. Однако в среднем каждая отдельная мера НТМ сокращает торговлю в 2,3–2,5 раза сильнее, чем увеличение ставки ЕТТ на 1%. Таким образом, разработанная методика оценки представляет собой ценный инструмент для анализа и принятия решений в области регулирования торговли в условиях международных соглашений и интеграционных процессов.

Далее проводилась оценка соответствия мер нетарифного регулирования импорта в ЕАЭС их заявленным целям. В рамках нетарифного регулирования ЕАЭС стоит вопрос необходимости более точной и комплексной оценки эффективности мер нетарифного регулирования. Определение подходящих критериев и показателей играет важную роль в оценке соответствия применяемых мер заявленным целям и обеспечивает более эффективное регулирование импорта в рамках ЕАЭС.

Проведен обзор эволюции нетарифного регулирования импорта в ЕАЭС. Определены ключевые проблемы, с которыми сталкивалось нетарифное регулирование импорта на разных этапах развития. На 1-м этапе была присутствующая неоднородность применения правил и процедур, на 2-м — недостаточная координация и отсутствие единого подхода, на

третьем — недостаточная прозрачность и доступность информации. С учетом вышеизложенного, обозначена важность дальнейшего совершенствования нетарифного регулирования импорта в ЕАЭС. Прозрачность, согласованность, снижение бюрократических барьеров и усиление контроля представляются ключевыми направлениями для обеспечения эффективного и сбалансированного регулирования. Оптимизация процессов внедрения современных технологий и цифровых решений также может значительно способствовать более эффективному и гармонизированному нетарифному регулированию импорта.

Рассмотрены основные аспекты нетарифного регулирования импорта в рамках ЕАЭС. Важным выводом исследования является то, что существующий механизм нетарифного регулирования в ЕАЭС имеет определенные достоинства, однако также сопряжен с рядом вызовов и недостатков. Несмотря на усилия по гармонизации правил и процедур между государствами-членами, все еще существует неоднородность в применении и интерпретации нетарифных мер. Это может привести к нежелательным последствиям для внешней торговли и созданию избыточных барьеров. Результаты исследования показывают, что недостатки в механизме нетарифного регулирования импорта могут создавать неравные условия для участников рынка и ограничивать доступ к качественным и инновационным товарам. Это может замедлить развитие импортной торговли ЕАЭС и снизить его конкурентоспособность на мировом рынке.

Заключение

Проанализированы ключевые аспекты, связанные с влиянием улучшенного механизма на объемы, структуру и качество импорта. Основываясь на данных эмпирического анализа, сформулированы следующие выводы. Гипотеза о положительном влиянии механизма совершенствования нетарифного регулирования на импорт в ЕАЭС подтверждается. Усиление механизма приводит к заметному увеличению объемов импорта в рассматриваемых товарных разделах и группах за счет снижения ограничивающего воздействия нетарифных мер, без ущерба для качества импортируемой продукции. Проведенный анализ позволяет выделить узкие сегменты товарного рынка, где существующие нетарифные меры неэффективны. Это подчеркивает необходимость дальнейшей оптимизации и совершенствования данных мер. Анализ изменения объемов импорта до и после внедрения улучшенного механизма подтверждает его положительное воздействие на доступность товаров. Механизм совершенствования способствует переходу к более прозрачным инструментам нетарифного регулирования и упрощению процедур импорта. Повышение объемов и изменение структуры импорта оказывает потенциальное воздействие на цены товаров. Это может быть особенно положительно для импортеров промежуточных продуктов и комплектующих.

Список литературы

1. Аксенова Е. В. (2021) Анализ влияния нетарифных мер регулирования на импорт в странах постсоветского пространства // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 11. № 6А. С. 122–130. [Aksenova E. V. (2021) Analysis of the impact of non-tariff regulatory measures on

imports in the post-Soviet countries // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. Vol. 11. No. 6A. Pp. 122–130. (In Russian.) DOI: 10.34670/AR.2021.13.63.011

2. Андреева Е. Л., Ильясов П. В. (2021) Проблемы совершенствования нетарифного регулирования международной торговли в рамках ЕАЭС // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 2. С. 21–38. [Andreeva E. L., Ilyasov P. V. (2021) EAEU and International Trade: Issues of Non-Tariff Regulation Improvement // *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. No. 2. Pp. 21–38. (In Russian.)] DOI: 10.24411/2072-8042-2021-2-21-38

3. Дюмулен И. И. (2016) Нетарифные меры в современной международной торговле: некоторые вопросы теории, практика и правила ВТО, интересы России // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 2. С. 3–20. [Dyumulen I. I. (2016) Non-tariff measures in modern international trade: some questions of the theory; practice and rules of the WTO; Russia's interests // *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. No. 2. Pp. 3–20. (In Russian.)]

4. Пак С. (2020) Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // *Вестник международных организаций*. 15. № 2. С. 213–235. [Park S. (2020). Trade conflict between the U.S. and China: what are the impacts on the Chinese economy? // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. Vol. 15. No. 2. Pp. 213–235. (In Russian.)] DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-10

5. Савельев О., Хетагурова З. (2016) Антидемпинговые меры против российских экспортеров: возможности устранения // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 11. С. 25–34. [Savel'ev O., Khetagurova Z. (2016) Anti-Dumping Measures against Russian Exporters: Opportunities for Removing // *World Economy and International Relations*. Vol. 60. No. 11. Pp. 25–34. (In Russian.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-11-25-34

6. Шкваря Л. В., Ван С. (2019) СЭЗ Китая как драйвер внешней торговли // *Азия и Африка сегодня*. № 12. С. 57–63. [Shkvarya L., Wang X. (2019) FEZ of China as a driver of foreign trade // *Aziya i Afrika segodnya*. No. 12. Pp. 57–63. (In Russian.)] DOI: 10.31857/S032150750007658-5

7. Bukavnyova N., Sazanets V., Morozova O. (2020) Theoretical and practical approaches to assessing the efficiency of foreign trade non-tariff measures // *Ekonomika. Pravo. Innovacii*. No. 4. Pp. 12–24.

8. Byrne S., Rice J. (2018) Non-Tariff Barriers and Goods Trade: a Brexit Impact Analysis // *Research Technical Paper*. No. 7. P. 29.

9. UNCTAD. Non-tariff measures (NTMs). UNCTAD web site. URL: [https://unctad.org/topic/trade-analysis/non-tariff-measures#:~:text=Non%2Dtari%20ff%20measures%20\(NTMs\)%20are%20policy%20measures%20other%20than,NTMs%20represent%20a%20major%20challenge](https://unctad.org/topic/trade-analysis/non-tariff-measures#:~:text=Non%2Dtari%20ff%20measures%20(NTMs)%20are%20policy%20measures%20other%20than,NTMs%20represent%20a%20major%20challenge)

Influence of non-tariff regulation on international trade of the Eurasian economic union in terms of strengthening the protectionism

Elena L. Andreeva,

Head of the Centre of Regional Comparative Studies at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

Petr V. Il'yasov,

Leading economist of the Centre of Regional Comparative Studies at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

In terms of strengthening the protectionism measures and restrictions in the global market of goods, the understanding and studying the mechanisms of non-tariff regulation become more and more relevant. This article is based on theoretical substantiating the influence of non-tariff regulation on international trade, and on specifics of this influence within the Eurasian economic union. Especial attention is paid to the analysis of global trends of strengthening the protectionism in global commodities' market, in which the non-tariff regulation of import becomes an important instrument for states to protect own economic interests. The factors are analyzed leading to increasing the protectionism measures, such as political changes, geo-political conflicts, changes in economic policy of states etc. The data and the studies are introduced confirming these trends and their influence on international trade. Basic conclusions are formulated, which will serve as a basis for improving the mechanism of non-tariff regulation for import of the Eurasian economic union.

Keywords: *international trade, non-tariff regulation, Eurasian economic union, import, foreign trade, protectionism, mechanism.*

JEL codes: *F13, F15.*

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES
AND TERRITORIES**

**Региональные и структурные диспропорции экономического развития
Российской Федерации****Черников Алексей Владимирович¹**

В статье дан анализ региональных и структурных диспропорций в экономике Российской Федерации на современном этапе. Актуальность статьи предопределяется необходимостью укрепления национальной экономики в условиях роста антироссийских санкций, которые вводятся западными «партнерами» для углубления имеющихся и формирования новых диспропорций в отечественной экономике и ее последовательного разрушения. Цель статьи — проанализировать региональные и структурные виды диспропорции в экономике современной Российской Федерации и сформулировать направления преодоления этих диспропорций. Исследование базируется на диалектическом подходе. При проведении исследования были использованы системный, институциональный подходы и методы статистического анализа и сравнения и метод визуализации. Использована международная и отечественная статистические базы. Период исследования — 2016–2021 гг. В статье проанализированы основные виды диспропорций в региональном и отраслевом аспектах. Автор приходит к выводу о том, что проблема сохранения региональных и структурных диспропорций в национальной экономике Российской Федерации остается причиной сохраняющейся нестабильности социально-экономического развития страны, может стать фактором нарушения ее устойчивого развития и социально-экономической безопасности в перспективе.

Ключевые слова: *Российская Федерация, региональные диспропорции, структурные диспропорции, санкции, отрасли, регионы.*

JEL коды: *F62, F63, L52.*

Введение

Экономика Российской Федерации в 2021 г., оставаясь одной из достаточно крупных в мире, занимала 11-е место в мире по стоимостному показателю производства ВВП (UNCTAD) и входит в группу стран «Большой двадцатки» (G–20). В 2022 г. страна заняла 5-е место в мире по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (ППС), несмотря на ряд неблагоприятных геоэкономических и геополитических факторов.

Российская Федерация играет важную роль на целом ряде глобальных стратегических рынков, например, углеводородном, продовольственном и некоторых других. Ее роль в мировой экономике сохраняет тенденцию к росту.

¹ Черников Алексей Владимирович — кандидат экономических наук, ФГБУ «Дирекция по эксплуатации зданий Федерального собрания», член Совета директоров Мосэнерго, Москва, Россия.

В то же время в национальном хозяйстве России сохраняется достаточно много проблем и диспропорций отраслевого, регионального, инфраструктурного характера, а также технологического, инновационного и цифрового, сформировавшихся как в 1990-е гг., так и в XXI в., вплоть до 2022 г., под влиянием внутренних и внешних факторов.

Эти диспропорции затрудняют социально-экономический прогресс и устойчивое развитие нашей страны, ограничивают возможности решения задач ее экономической, продовольственной, технологической безопасности, а также способность предприятий и регионов к поддержанию эффективного материального производства. В результате, как отмечают исследователи, «Ушли в небытие многие из достижений советского периода, выведшие СССР на второе место в мире и на первое место в Европе по общему объему промышленного производства и производства важнейших видов продукции» (Чичерова и др., 2013. С. 187).

Поэтому важно изучать виды, причины, последствия сложившихся в российской экономике, в том числе в реальном секторе, диспропорций для и определения возможностей выхода из сложившейся ситуации, формирования предпосылок для их смягчения (устранения) и повышения эффективности как самой экономики, так и управления хозяйственными процессами на региональном и общегосударственном уровнях.

Изучение экономических диспропорций актуализируется в условиях роста внешнего экономического давления на Россию посредством введения западными странами антироссийских санкций, которые призваны усугубить проблемы и диспропорции в российской хозяйственной системе. Особенно чувствительными для России оказались секторальные санкции, призванные ограничить экспортно-импортные и валютно-финансовые возможности Российской Федерации (Смородинская, Катуков, 2022. С. 55).

Исследование проблем, связанных с сохранением и/или появлением диспропорций в российской экономике, привлекает внимание как российских исследователей, так и зарубежных. При этом, в то время, как отечественные авторы, видя глубинную сущность проблемы, отмечают, однако, потенциал внутреннего преодоления проблемы, как минимум, частичного (Lisichkina et al., 2019; Sabitova et al., 2016), зарубежные эксперты в основном обосновывают точку зрения о невозможности решения проблем дисбалансов, особенно без снятия западных санкций (Aalto, Forsberg, 2016).

В то же время следует принимать во внимание то обстоятельство, что диспропорции и неравномерность социально-экономического развития в региональном и отраслевом, а также страновом аспектах, остаются сегодня одной из особенностей глобальной системы и сохраняют тенденцию к углублению (Boschma, 2015). Периодические кризисы — кратко-, средне- и долгосрочные нарушают равномерное и устойчивое развитие стран и мировой экономики. И хотя система государственного регулирования экономики, предложенная Д. М. Кейнсом в первой половине XX в., имела положительные результаты для стабилизации национального хозяйства, до настоящего времени не найдена возможность их полного прекращения, так как, наряду с «провалами рынка» ученые говорят и о «провалах государства». Тем не менее, адекватная государственная стабилизационная политика имеет большую важность в устранении диспропорций, как показал мировой опыт.

Цель статьи — проанализировать основные виды диспропорции в современной России и сформулировать возможные направления их преодоления.

Базой проведенного исследования послужили статистические данные о макроэкономических показателях в России и других ведущих мировых государств. В статье

применялись методы статистического анализа и сравнения и метод визуализации. Использована международная и отечественная статистика, а также аналитические исследования, преимущественно российских авторов.

Региональные диспропорции

Региональные диспропорции в российской экономике традиционно весьма существенны, что подтверждает динамика производства регионального ВВП. В табл. 1 представлена динамика валового регионального продукта по субъектам Российской Федерации.

Таблица 1.

ВРП по субъектам Российской Федерации в 2016–2021 гг., в текущих ценах; млрд рублей

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2021
ВВП РФ (валовая добавленная стоимость в основных ценах)	74,1	79,7	90,2	95,1	93,810
Центральный ФО	25,996	27,9	31,2	33,14	33,637
Северо-Западный ФО	8,4	8,8	9,9	10,6	10,644
Южный ФО	5,45	5,83	6,32	6,6	6,71
Северо-Кавказский ФО	1,97	2,04	2,2	2,3	2,404
Приволжский ФО	11,1	11,8	13,3	14,1	13,669
Уральский ФО	9,8	10,98	13,04	13,3	11,675
Сибирский ФО	6,98	7,7	8,7	9,1	9,027
Дальневосточный ФО	4,5	4,7	5,6	5,98	6,044

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

Как видно из анализа представленных в табл. 1 данных, на долю Центрального федерального округа в 2021 г. приходилось свыше 35,9% от национального ВВП, и это наиболее «развитый» регион страны. При этом, несмотря на сокращение национального ВВП в 2021 г. более чем на 1%, как видно из табл. 1, ВРП ЦФО увеличился за год более, чем на 1,5%.

В то же время, в Северо-Кавказском ФО было создано лишь 2,7%. Однако в 2016 г. доли этих федеральных округов в национальном ВВП составляли соответственно 35,1 и 2,6%. Это говорит о том, что региональная диспропорция по этому показателю постепенно углубляется, и это негативное обстоятельство уже привлекло внимание российских ученых, которые отмечают, что такой разрыв в производстве ВРП представляет собой общенациональную проблему экономическую и даже политическую проблему (Красикова, 2020) и с этим можно согласиться.

Среди причин такого положения исследователи выделяют различия между регионами страны по:

- природно-климатическим условиям жизни и хозяйственной деятельности;
- использованию природных ресурсов (продуктивности региона);
- географическому положению территории региона, и, следовательно, уровню транспортных расходов, издержек производства и емкости регионального рынка;
- структуре производства, уровню технологического и инновационного развития;

- наличию/отсутствию агломерационных преимуществ, включая и развитие инфраструктуры;
- структуре населения и динамике его воспроизводства;
- различиям предпринимательского климата;
- политическим и институциональным факторам (включая, степень региональной автономии);
- социально-культурной сфере (урбанизация, уровень образования населения, развития научных и культурных центров).

В свою очередь, эти различия формируют и региональные диспропорции по уровню подушевого дохода (табл. 2).

Таблица 2.

Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения по субъектам РФ в 2016–2021 гг., тыс. руб.

	2016	2017	2018	2019	2021
ВВП на душу населения — средний по РФ уровень	505,3	543,1	614,3	647,7	640,6
Центральный ФО	663,9	711,03	792,8	840,99	854,98
Северо-Западный ФО	605,3	633,0	706,6	756,8	762,4
Южный ФО	332,3	354,9	384,3	401,7	407,3
Северо-Кавказский ФО	202,1	208,4	219,2	231,8	241,7
Приволжский ФО	373,6	399,6	452,4	480,7	468,5
Уральский ФО	792,6	889,3	1 055,2	1 074,2	945,7
Сибирский ФО	404,1	443,8	505,9	530,2	529,1
Дальневосточный ФО	543,02	568,3	682,1	730,00	741,9

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации

Из табл. 2 можно видеть, что самым «богатым» регионом России по уровню подушевого дохода традиционно остается Уральский федеральный округ, чей ВВП на душу населения практически на 1/3 выше среднего по России уровня. Самый бедный — Северо-Кавказский ФО, у которого подушевой доход составляет лишь 1/3 среднего по России уровня. В то же время в УрФО подушевой доход в 2020 г. сократился относительно предыдущего года, как и в Приволжском ФО, в то время как в остальных федеральных округах сохраняется тенденция к его росту, особенно в Дальневосточном Федеральном округе. Представленные статистические данные свидетельствуют о том, что в Российской Федерации 4 федеральных округа имеют уровень подушевых доходов выше среднего по стране, а 4 — ниже. Следовательно, в стране сохраняется значительная диспропорциональность в распределении подушевых доходов. Это непосредственно влияет на социальные процессы и стабильность в стране, в том числе — в долгосрочном периоде. Поэтому важной задачей государства остается выравнивание региональных диспропорций для стабилизации ситуации в стране в долгосрочной перспективе.

Структурные диспропорции

Структура российской экономики в целом соответствует мировым трендам, в смысле роста доли сферы услуг. Действительно, в мире на долю промышленности в среднем приходилось в 2021 г. 27,3% валовой добавленной стоимости, на сельское хозяйство — 4,49%, а на сферу услуг — свыше 68,21% (UNCTAD).

Что касается структуры экономики Российской Федерации, то она представлена нами в табл. 3.

Таблица 3.

ВВП Российской Федерации по видам расходов и по видам экономической деятельности в 2000–2021 гг., %

	2000	2010	2015	2018	2019	2021
ВВП	100	100	100	100	100	100
Расходы на конечное потребление	60,58	68,90	70,45	68,08	69,54	70,17
Потребительские расходы домашних хозяйств	45,85	50,95	52,17	50,41	51,49	51,97
Общие государственные расходы на конечное потребление	14,73	17,95	18,27	17,66	18,04	18,21
Валовое накопление капитала	19,85	23,95	22,15	21,92	22,76	23,99
Валовое накопление основного капитала	18,35	23,25	20,61	20,65	21,13	21,76
Изменение в товарно-материальных запасах	1,50	0,70	1,54	1,26	1,63	2,23
Экспорт товаров и услуг	43,75	28,93	28,70	30,79	28,54	25,52
Импорт товаров и услуг	23,86	20,94	20,66	20,79	20,91	20,56
Общая добавленная стоимость	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, рыбное, лесное хозяйство и охота	6,30	3,83	4,30	3,79	3,89	4,10
Промышленность	39,82	34,78	33,30	36,52	36,06	33,44
Добыча полезных ископаемых, производство, коммунальное хозяйство	33,27	28,35	26,12	28,38	28,15	26,59
Обработывающая промышленность	22,73	14,99	13,94	14,51	14,65	14,90
Строительство	6,55	6,43	7,19	8,14	7,91	6,86
Услуги	53,88	61,40	62,40	59,69	60,06	62,45
Оптовая и розничная торговля, ресторанное и гостиничное хозяйство	23,72	20,82	17,21	16,45	16,55	17,24
Транспорт, логистика и связь	8,85	8,88	7,67	7,36	7,41	7,70
Прочие виды деятельности	21,31	31,69	37,51	35,88	36,10	37,52

Источник: составлено автором по: UNCTAD.

Услуги в ней сохраняет несколько большую долю (при сохраняющейся тенденции к росту этой доли), а промышленность — чуть меньшую (при ее сокращении). При этом заметно сокращается доля в ВВП добычи полезных ископаемых и коммунального хозяйства. В этой связи некоторые исследователи высказывают точку зрения, и с этим можно

согласиться, что «Экономика и промышленное производство современной России по-прежнему находится в сложном трансформационном состоянии, преодолевая целый ряд проблем... Некоторые из этих проблем сохраняются с 1990-х гг., когда процесс воспроизводства в стране протекал в деформированно-ограниченном виде, т.е. без полного возмещения затрат основного капитала» (Чичерова и др., 2013).

Действительно, из табл. 3 видно, что в Российской Федерации уже восстановилось валовое накопление капитала, достигшее в 2021 г. максимального уровня за исследуемый период, по данным международной статистики. Однако по ряду показателей, в том числе валовому накоплению основного капитала, этот уровень еще не достигнут, что мы рассматриваем как фактор, способствующий консервации имеющихся отраслевых диспропорций.

В 2022 г. в структуре ВВП в РФ произошли изменения, отраженные пока только в российской статистике. Согласно данным Росстата, произошло дальнейшее, хотя и незначительное (примерно на 3%) снижение расходов на конечное потребление (главным образом, за счет уменьшения доли в ВВП расходов на госуправление) относительно 2021 г.; за 2020 г. уменьшилась доля в ВВП валового накопления, что означает снижение инвестиций в основной капитал, и, соответственно, уменьшает возможности получения прибыли в будущем. Доля экспорта увеличилась в 2022 г. относительно 2021 г. в ВВП Российской Федерации вследствие роста цен на мировом энергетическом рынке, с одной стороны, и высокой доли энергетической продукции в совокупном экспорте России, с другой (Итоги 2022). Другими словами, структурные диспропорции возросли, что можно рассматривать как негативную тенденцию. Однако рост этот менее значимый, чем прогнозировалось ранее.

Из табл. 4 виден опережающий рост валовой добавленной стоимости в сфере услуг, и особенно в финансовой деятельности, величина которой в стоимостном выражении удвоилась за исследуемый период, в то время, как в реальном секторе (сельском хозяйстве, промышленности, включая добычу полезных ископаемых), этот показатель сокращается, приводя к утрате производств. Некоторые исследователи в этой связи отмечают гипертрофированное развитие отечественной финансовой сферы относительно отраслей материального производства и продолжающемся усилении структурных диспропорций, сформировавшихся еще в годы реформ 1990-х гг. после развала советской экономической системы.

Такая же ситуация складывается и в структуре занятости в отраслях российской экономики, и эту тенденцию, на наш взгляд, также следует рассматривать как неблагоприятную.

Как видно из табл. 4, при снижении доли занятых в сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах, в финансовой сфере их доля значительно выросла. Также среди структурных диспропорций российской экономики можно выделить низкую (и сокращающуюся) долю инвестиций в основной капитал реального сектора (табл. 4). Т. е. по сути, продолжается перераспределение трудовых и инвестиционных ресурсов из реального сектора экономики страны в ее финансовый сектор.

Таблица 4.

Структурные соотношения в российской экономике в 2005, 2015 и 2021 гг., %

Виды экономической деятельности	Структура валовой добавленной стоимости, в % к итогу			Структура занятости, в % к итогу			Инвестиции в основной капитал, в % к итогу		
	2005	2015	2020	2005	2015	2020	2005	2015	2021
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	4,93	4,21	3,91	10,10	6,70	5,41	4,03	3,78	3,15
Добыча полезных ископаемых	11,99	9,47	8,8	1,80	2,10	2,56	13,90	18,51	19,44
Обрабатывающие производства	19,24	13,62	12,66	18,20	14,30	13,59	16,45	15,70	14,80
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,56	3,20	2,90	2,90	3,20	3,40	6,76	6,80	7,40
Строительство	5,50	7,92	8,8	6,70	7,60	8,30	3,58	3,00	2,68
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны	18,77	17,21	15,44	17,10	18,40	18,55	3,93	4,99	6,00
Транспорт и связь	9,42	7,93	7,26	9,20	9,50	9,84	24,50	21,44	19,23
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	12,34	22,57	25,14	7,40	9,40	10,53	18,19	19,20	22,11
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	6,02	6,42	6,98	7,20	7,40	7,50	1,58	1,65	1,91
Образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,40	5,17	5,88	16,10	17,10	16,82	4,53	2,94	1,88
Другие виды экономической деятельности	1,83	2,28	2,23	3,30	4,30	3,50	2,55	1,99	1,40

Источник: Смородинская, Катуков, 2022. Дополнено автором.

В этой связи Р. А. Топольский обосновывает точку зрения, что нарастание структурных диспропорций в России уже представляет собой угрозу национальной безопасности страны. Ученый отмечает, что «Имеющиеся в экономике структурные диспропорции не только сдерживают реализацию экономического потенциала, но и повышают уязвимость экономики к внешним воздействиям, а также снижают уровень экономической безопасности страны. В ходе структурных сдвигов конкретные виды производств утрачивают свое былое значение и попросту прекращают существовать. Происходит трансформация общественного потребления, емкости рынка и состава конечного продукта. В конечном счете, разрываются сложившиеся воспроизводственные связи (и появляются новые) и изменяется социально-классовый состав населения, обостряются социальные проблемы» (Топольский, 2015).

Дороговизна банковского кредита, который является одним из источников формирования оборотных средств предприятий, имела следствием демонетизацию оборота, то есть сокращение его обеспеченности денежными средствами. В результате банковский кредит замещается коммерческим, и даже микрофинансовым, что негативно сказывается на экономической динамике как страны в целом, так и отдельных производств и видов деятельности, а также регионов.

Таким образом, в национальном хозяйстве РФ сохраняется достаточно много проблем и диспропорций отраслевого, регионального, инфраструктурного характера.

Вместо заключения

В Российской Федерации отраслевые диспропорции, как и региональные, во-первых, отчасти «унаследованы» от СССР, а во-вторых, стали результатом проводимых в 1990-е гг. реформ, в результате которых многие, в том числе передовые и стратегические отрасли национальной экономики, включая и производственные, оказались разрушенными и прекратили свою деятельность. «Иностранные капиталы активно проводили хищническую политику, направленную на разрушение и разграбление достижений советской экономики. Результатом их планомерной деятельности стал подрыв производственных мощностей нашей страны, закрытие заводов, разорение учреждений сельского хозяйства, рост безработицы и падение доходов населения» (Колчин, 2022). Также были потеряны некоторые важнейшие ныне компетенции в производственной деятельности страны.

С начала XXI в. российская экономика стихийно, т.е. неорганизованным «сверху» образом, стала возрождать некоторые производства обрабатывающей промышленности. В результате наметился рост промышленного производства в стране. Так, по прогнозу Минэкономразвития, к 2036 г. промышленное производство в стране увеличится на 67,5% по сравнению с 2018 г. (42,2% к 2030 г.), опережающими темпами будут расти обрабатывающие производства — прирост за период 2019–2036 гг. составит 81,5% (51,3% к 2030 г.). Рост инвестиционного спроса определит высокие темпы роста отраслей машиностроения (производство компьютеров, электронных и оптических изделий возрастет на 72,5% (41,1% к 2030 г.) производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов — на 163,7% (101,9% к 2030 г.) (Прогноз, 2018).

Таким образом, основным направлением сокращения отраслевых диспропорций в российской экономике является восстановление обрабатывающей промышленности, а также

сельского хозяйства, строительство новых предприятий, включая транспортно-логистические.

Этот процесс фактически уже запущен (см. Список возрожденных заводов, с. 20). В 2021 г. в России открыто 348 новых производств — это на 30 объектов больше чем в 2020 г. и на 22 больше, чем в 2019 г. Т.е., в течение последних лет в стране открывается более чем по 300 новых объектов ежегодно. В частности, в 2021 г. в г. Елабуге была запущена 1-я роботизированная линия серийного выпуска автомобилей *Aurus*, в Московской области запущено новое производство компьютеров на базе российских процессоров «Эльбрус», в Курганской области открыто новое приборостроительное производство.

Стоит отметить, что и промышленное производство также неравномерно располагается по территории страны, что также представляет собой национальную проблему.

Для решения существующих проблем и диспропорций в российской экономике на современном этапе нами предлагается разработка специальной государственной комплексной программы развития регионов в социально-экономическом и отраслевом аспектах, так как они взаимосвязаны между собой. Она может быть разработана на средне- или долгосрочный период. Такой шаг, на наш взгляд, мог бы содействовать сбалансированию и смягчению важнейших диспропорций в Российской Федерации. При этом, по нашему мнению, такая программа могла бы содействовать смягчению и целого ряда факторов, негативно влияющих на национальную экономику, прежде всего санкции, а также новые угрозы, в том числе — в сфере здравоохранения, космоса и др.

Список литературы

1. Колчин П. (2022) Возрождение производства — новая реальность России? // Общественная служба новостей. 26 декабря 2022 г. [Kolchin P. (2022) Revival of production — the new reality of Russia? // Public News Service. December 26, 2022. (In Russian).] URL: <https://www.osnmedia.ru/opinions/vozrozhdenie-proizvodstva-novaya-realnost-rossii/>
2. Красикова В. В. (2020) Влияние региональной диспропорции на социально-экономическое развитие России. Пути преодоления // Молодой ученый. № 19 (309). С. 205–207. [Krasikova V. V. (2020) The influence of regional disproportion on the socio-economic development of Russia. Ways of overcoming // Young scientist. No. 19 (309). Pp. 205–207. (In Russian).]
3. Итоги 2022. Росстат дал первую оценку ВВП за прошлый год. [Results of 2022. Rosstat gave the first estimate of GDP for last year. (In Russian).] URL: <https://journal.openbroker.ru/research/rosstat-dal-pervuyu-ocenku-vvp/>
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года (2018). [Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2036. (In Russian).] URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2036_goda.html
5. Смородинская Н. В., Катукоев Д. Д. (2022) Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 6. С. 52–67. [Smorodinskaya N. V., Katukov D. D. (2022) Russia under sanctions: limits of adaptation //

Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6. Pp. 52–67. (In Russian.)] DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67

6. Список возрожденных заводов. 2020. [List of revived factories. 2020. (In Russian).] URL: <https://dzen.ru/a/Xhth-nTхvАСх7МЕр>

7. Топольский Р. А. (2015) Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности государства // Социально-экономические явления и процессы. Т. 10. № 6. С. 106–113. [Topolsky R. A. (2015) Structural imbalances as a threat to the economic security of the state // Socio-economic phenomena and processes. Vol. 10. No. 6. Pp. 106–113. (In Russian).]

8. Чичерова Е. Ю., Епифанов В. А., Масютин С. А. (2013) Совершенствование воспроизводственных процессов на промышленных предприятиях Российской Федерации // Транспортное дело России. № 6–2. С. 186–187. [Chicherova E. Yu., Epifanov V. A., Masyutin S. A. (2013) Improvement of reproduction processes at industrial enterprises of the Russian Federation // Transport business of Russia. 2013. No. 6–2. Pp. 186–187. (In Russian).]

9. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. [Federal State Statistics Service of the Russian Federation. (In Russian).] URL: www.gks.ru/

10. Aalto P., Forsberg T. (2016) The structuration of Russia's geo-economy under economic sanctions // Asia Europe Journal. Vol. 14. No. 2. Pp. 221–237. DOI: 10.1007/s10308-015-0446-6

11. Lisichkina N. V., Goloktionova Yu. G., Armanshina G. R. (2019) Imbalances in the socio-economic development of the regions of Russia in the context of new industrialization // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 240. Pp. 511–514. DOI: 10.2991/sicni-18.2019.103

12. Sabitova N. M., Shagiahmetov M. R., Ivanova N. G. (2016) Imbalances of the Russian budget system and the economic inequality of regions // International Journal of Economics and Financial Issues. Vol. 6. Is. S8. Pp. 288–292. DOI: 10.3923/ibm.2016.5243.5247

13. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>.

Regional and structural imbalances in the economic development of the Russian Federation

Alexey V. Chernikov,

PhD (Economic Sciences), Federal State Budgetary Institution «Directorate for the Operation of Buildings of the Federal Assembly», member of the Board of Directors of Mosenergo, Moscow, Russia.

The article analyzes regional and structural imbalances in the economy of the Russian Federation at the present stage. The relevance of the article is determined by the need to strengthen the national economy in the face of growing anti-Russian sanctions imposed by Western «partners» to deepen existing and form new imbalances in the domestic economy and its consistent destruction. The purpose of the article is to analyze regional and structural types of disproportions in the economy of the modern Russian Federation and formulate ways to overcome these imbalances. The research is based on a dialectical approach. The study used systemic, institutional approaches and methods of statistical analysis and comparison, as well as the visualization method. International and domestic statistical databases were used. The research period is 2016–2021. The article analyzes the main types of imbalances in regional and sectoral aspects. The author comes to the

conclusion that the problem of maintaining regional and structural imbalances in the national economy of the Russian Federation remains the cause of the continuing instability of the socio-economic development of the country, may become a factor in the violation of its sustainable development and socio-economic security in the future.

Keywords: *Russian Federation, regional imbalances, structural imbalances, sanctions, industries, regions.*

JEL codes: *F62, F63, L52.*

Формирование цифровой экономики в Республике Корея

Ким Ючжон¹

Цифровизация экономики сегодня представляет собой мейнстримный тренд глобального экономического развития и охватывает практически все страны и регионы мира. Актуальность представленного в статье исследования обусловлена активным внедрением цифровых технологий в различные (практически во все) экономические и социальные процессы в Республике Корея и диджитализация ее хозяйственной системы и всех сфер жизни на протяжении нескольких этапов (автором выделяется три таких этапа в XXI в. Однако остаются еще проблемы в этой сфере, над преодолением которых необходимо усиленно работать. В статье показано, что Республика Корея выступает сегодня одним из крупнейших центров цифрового развития, активно наращивает свою конкурентоспособность благодаря цифровизации. Научный и практический интерес вызывает подход Республики Корея к этому процессу, его охват, особенности и возможности адаптации опыта РК для других стран, в том числе — через усиление цифрового сотрудничества в различных сферах взаимодействия, особенно стратегических. Цель исследования, представленного в данной статье — определить уровень развития цифровизации в Республике Корея, охарактеризовать ее особенности, сформулировать проблемы и перспективы сотрудничества с Российской Федерацией. Исследование подтверждает, что цифровизация как в мире, так и в Республике Корея существенно ускорилась. Автор приходит к выводу о том, что в Республике Корея достигнуты значительные успехи в развитии цифровизации, прошедшей ряд этапов. Эта работа, по мнению автора, может стать более эффективной в рамках международного сотрудничества в цифровой сфере с партнерами, в том числе с Российской Федерацией. Предпосылки такого сотрудничества, базирующегося на взаимовыгодном подходе, по мнению автора, уже сформировались.

Ключевые слова: Республика Корея, цифровизация, цифровая инфраструктура, международная конкурентоспособность, международное цифровое развитие.

JEL коды: O33, O53, F01, F20.

Введение

Цифровизация как глобально распространяющийся процесс привлекает пристальное внимание современных научных изыскателей в силу важности этого процесса для современного и будущего развития мира, регионов, стран, отраслей и производств, а также всех форм международных экономических отношений и межстрановых отношений (Международная торговая политика, 2017). В частности, имеет место рост цифровой

¹ Ким Ючжон — аспирант, экономический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

торговли на национальных и мировых рынках, цифровизация международных валютных и финансовых отношений, логистики, деятельности ТНК и др. в различных географических регионах. Все более активно диджитализируются различные сегменты мирового рынка, в том числе, например, углеводородного (Бяшарова, 2023).

Одним из значимых центров цифровизации выступает сегодня Северо-Восточная Азия, в том числе Китай, Япония, Республика Корея (Белова и др., 2023). При этом ведущие эксперты полагают, что именно данный регион можно рассматривать как центр глобальных перемен, в том числе и в цифровой сфере (Глобальная экономика..., 2022). В частности, деятели науки отмечают, что внешняя торговля Республики Корея испытывает значительное влияние цифровизации, под влиянием которой в последние десятилетия активно происходят структурные изменения импорта и экспорта страны в товарном и географическом планах (Латышов, 2018).

Однако пока не осуществляется комплексное исследование цифровизации в Республике Корея, ее эффектов и особенностей. Данная статья посвящена именно этим аспектам цифровизации Республики Корея.

Результаты исследования

В XXI в. важное значение уделяется изучению цифровизации, так как этот процесс, во-первых, обеспечивает рост конкурентоспособности национальной экономики и ее отраслей, что крайне важно в условиях роста конкуренции из-за выхода на мировые рынки новых стран и продуктов. Во-вторых, цифровизация в значительной мере способствует стабилизации динамики национальной экономики, а это в условиях роста глобальной неустойчивости и все большей разбалансированности мировой экономической системы остается первоочередной задачей любой страны, особенно во внешнеэкономической сфере. И хотя сегодня нет единого концептуального базиса трактовки цифровизации, автор склоняется к точке зрения о том, что важнейшим ее элементом можно считать именно интернет-технологии, внедряемые во все сферы экономической и иной жизни общества, которые могут активизировать использование знаний и технологий. Это, по мнению автора, представляет собой основные отличительные характеристики, отличающие цифровую экономику от традиционной (табл. 1).

Из табл. 1 мы видим, в частности, изменение природы товара в традиционной и цифровой экономике (реальный и цифровой товар соответственно), природы рынка (традиционный и он-лайн рынок), и даже уменьшение роли (или полное исчезновение) в цифровой экономике такого субъекта рыночных отношений, как посредник, традиционно столетиями присутствовавшего в традиционной экономической системе. Также цифровая экономика предлагает неограниченный доступ на рынок субъектов, как производителей/продавцов, так и потребителей, который становится доступным в любое время и в любой точке мира. При этом фокус в цифровой экономике делается именно на потребителя, его удобства, его желание ставятся во главу угла.

Как видно из табл. 1, именно знания и информация остаются важнейшими факторами производства в условиях цифровизации и обеспечивают развитие цифровой экономики постепенно. Это особенно важно для Республики Корея, экономические (традиционные) ресурсы которой остаются ограниченными.

Таблица 1.

Характерные черты традиционной и цифровой экономики

		Традиционная экономика	Цифровая экономика
Факторы производства		Земля, труд, капитал	Знания, информация
Рыночные факторы	Товар	Реальный товар	Цифровой товар
	Рынок	Традиционный рынок	Онлайн-рынок
	Участники рынка	Производитель, потребитель, посредник	Производитель, потребитель
	Доступность	Ограничения доступа на рынок	Никаких ограничений во времени и пространстве
Спрос и предложение		Экономия на масштабе со стороны предложения (фокус на производителя)	Сетевой эффект со стороны спроса (фокус на потребителя)
Принцип производства		Снижающаяся отдача от масштаба	Возрастающая отдача от масштаба
Промышленная структура		Фокус на обрабатывающую промышленность	Фокус на сферу услуг
Сфера		Четкое разграничение по отраслям промышленности	Неоднозначная граница по отраслям промышленности

Источник: составлено автором.

В Южной Корее процесс цифровизации прошел 3 этапа, начавшись в 1981 г. и продолжаясь до настоящего времени (табл. 2).

Таблица 2.

Процесс развития цифровой экономики в Республике Корея в 1981–2022 гг.

Этап		Особенности
Первый этап: ЦЭ 1.0	Временные рамки	1981–2022 гг.
	Исходная точка	Разработка программного обеспечения К (1981 г.)
	Характеристики	<ul style="list-style-type: none"> • Коммерциализация Интернета (1994 г.) • Запуск первого сайта электронной коммерции (1996 г.)
Второй этап: ЦЭ 2.0	Временные рамки	2007–2022 гг.
	Исходная точка	Разработка смартфона (2007 г.)
	Характеристики	<ul style="list-style-type: none"> • Внедрение Айфона (2009 г.) • Один из мировых лидеров в производстве смартфонов
Третий этап: ЦЭ 3.0	Временные рамки	2013–2022 гг.
	Характеристики	<ul style="list-style-type: none"> • Запуск производства «умных часов» (2013 г.) • 2-е место в мире по Индексу возможностей развития Интернета вещей (2016 г.) • 2-е место в мире по числу ИИ-стартапов (2018 г.) • 1-е место в мире по коммерциализации 5G (2019 г.)

Источник: составлено автором.

По нашему мнению, перспективы развития цифровизации неограниченны, несмотря на ряд проблем в этой сфере в Республике Корея, среди которых важнейшее место

принадлежит необходимости уделять больше внимания проблемам цифровой безопасности. На наш взгляд, роль государственного регулирования и регламентирования цифровой экономики должна возрасти, как и внимание государственных органов к предотвращению цифровых разрывов в отраслевом и региональном аспектах. Хотя Республика Корея является одной из самых развитых цифровых экономик в мире, у нее все еще есть некоторые проблемы в процессе экономической цифровизации.

1. Неравенство доступа к использованию цифровой инфраструктуры. Несмотря на широкое распространение высокоскоростных интернет-соединений в городах Республики Корея, сельские районы и более отдаленные регионы страны сталкиваются с относительно меньшим доступом к широкополосному интернету. Это создает цифровое неравенство и ограничивает возможности населения соответствующих регионов и населенных пунктов в области доступа к информации, образования, телемедицине и социально-экономического развития в целом.

2. Кибербезопасность: наряду со все большей активизацией использования цифровых технологий, в Республике Корея пропорционально растут и риски кибератак (как изнутри, так и извне) и недостаток безопасности данных. Республика Корея уже неоднократно столкнулась с серьезными кибератаками, включая и случай взлома одной из крупнейших криптовалютных бирж.

3. Обеспечение защиты персональных данных: Рост использования технологий в цифровой сфере также вызывает вопросы по обеспечению защиты частной информации и персональных данных граждан. В Республике Корея имели место ситуации, связанные с попытками нарушения неприкосновенности частной жизни, нелегитимное использование личной информации, а также и утечки персональных данных.

4. «Человеческий фактор»: Переход к цифровой экономике — это достаточно сложный и даже зачастую неоднозначный с точки зрения отдельных людей и бизнеса, процесс, и может вызывать сопротивление и даже отторжение у некоторых работников и даже отраслей и видов деятельности. Некоторые люди могут «не успевать» за цифровым прогрессом, или ощущать угрозу потери своей работы из-за структурной безработицы в результате роста автоматизации и цифровизации тех или иных процессов и видов деятельности.

5. Обучение и подготовка кадров: Цифровая экономика требует более высокой квалификации и навыков персонала в области ИКТ. Республика Корея уже столкнулась с недостатком в подготовке высококвалифицированных специалистов, как деловых, так и технических, которые могут более эффективно функционировать в цифровой среде и обеспечивать ее дальнейший рост.

Республика Корея на протяжении почти двух десятилетий активно работает над решением указанных, а также и других проблем в сфере цифровизации путем инвестиций в расширение цифровой инфраструктуры, усиления кибербезопасности и обучения населения навыкам цифровой сферы.

На наш взгляд, перспективы развития цифровизации экономики Республики Корея могут быть более многообещающими, а сама цифровая экономика более эффективной в условиях развития международного цифрового сотрудничества страны.

Одним из партнеров Республики Корея в процессе развития международного цифрового сотрудничества остается Российская Федерация.

Основные направления цифрового сотрудничества между Республикой Корея и Российской Федерацией, на наш взгляд, включают следующие сферы.

- Информационная безопасность: По мнению автора, Российская Федерация и Республика Корея могут наращивать двустороннее и эффективное сотрудничество в области кибербезопасности и информационной безопасности в целом, в обмене опытом в данной сфере, технологическом сотрудничестве для защиты национальных информационных систем и взаимодействия в борьбе с киберугрозами.

- Информационные и коммуникационные технологии: взаимодействие Российской Федерации и Республика Корея в сфере может активизироваться в направлении развития и внедрения новых ИКТ, например, больших данных, искусственного интеллекта, интернета вещей и др. Актуализируется обмен опытом, знаниями, проведение совместных НИОКР и разработка и реализация новых технологических проектов.

- Электронная коммерция: сотрудничество Российской Федерации и Республика Корея по развитию электронной коммерции в двустороннем и многостороннем форматах, включая разработка правовой базы и новых стандартов, обмен опытом и современными передовыми практиками, а также поддержка малого и среднего бизнеса в направлении развития электронной коммерции.

- Умные города: представляются актуальными и перспективными совместные проекты в сфере развития «умных городов» как в России, так и в Республике Корея, а также по использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для улучшения инфраструктуры, общественного транспорта, энергоэффективности и управления городскими ресурсами.

- Образование и наука: сотрудничество Российской Федерации и Республика Корея в области дальнейшего развития цифровых технологий (возможно, прорывного) в сфере образовании и науки, в том числе дистанционное обучение, разработку и внедрение новых и современных электронных образовательных платформ, обменом знаниями (включая студенческую и академическую мобильность) между университетами, учебными и научными институтами.

- Киберспорт: Россия и Корея уже активно развивают сотрудничество, направленное на развитие киберспорта, в том числе по обмену опытом, знаниями и технологиями, по организации совместных турниров, а также в сфере развития инфраструктуры, предназначенной для подготовки и проведения киберспортивных мероприятий.

Список литературы

1. Белова Л. Г., Ким Ю., Чжуняо Лю. (2023) // Международная торговля и торговая политика. Т. 9. № 2 (34). С. 5–21. [Belova L. G., Kim Yu., Zhongyao Liu. (2023) // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 2 (34). Pp. 5–21. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-2-5-21

2. Бяшарова А. Р. (2023) Цифровизация как фактор развития мирового рынка углеводородов / В сборнике: Информационные технологии и математические методы в экономике и управлении. Сборник статей. С. 78–82. [Byasharova A. R. (2023) Digitalization as a factor in the development of the global hydrocarbon market / In the collection: Information technologies and mathematical methods in economics and management. Collection of articles. Pp. 78–82. (In Russian).]

3. Глобальная экономика: Северо-Восточная Азия как центр перемен / Гусарова С. А., Захарова Н. В., Иванова С. В., Кузьмина Т. И., Лисовская Е. Г., Разумнова Л. Л., Филькевич И. А., Хасбулатов Р. И., Бяшарова А. Р., Герман Е. И., Захарова Е. В., Мигалева Т. Е., Подбиралина Г. В., Ромашкина В. А., Савина Н. П., Латышов А. В., Мелконян В. А., Очирмаа О., Кузнецова Г. В. Москва, 2022. [Global extraveconomics: North-East Asia as center of changes / Gusarova S. A., Zakharova N. V., Ivanova S. V. Kuzmina T. I., Lisovskaya E. G., Razumnova L. L. Filkevich I. A., Khasbulatov R. I., Byasharova A. R. German E. I., Zakharova E. V., Migaleva T. E. Podbiralina G. V., Romashkina V. A., Savina N. P., Latyshov A. V., Melkonian V. A. Ochirmaa O., Kuznetsova G. V. Moscow, 2022. (In Russian).]

4. Латышов А. В. (2018) Тенденции внешней торговли Республики Кореи // Международная торговля и торговая политика. № 2 (14). С. 104–112. [Latyshov A.V. (2018) Trends in foreign trade of the Republic of Korea // International trade and trade policy. No. 2 (14). Pp. 104–112. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2018-2-104-112

5. Латышов А. В. (2019) Республика Корея и развития электронной торговли / В книге: Афро-азиатские страны и новые технологии. Цветкова Н. Н., Белова Л. Г., Акимов А. В., Дерюгина И. В., Борисов М. Г., Тимонина И. Л., Мосолова О. В., Иванова С. В., Латышов А. В., Мельянцева В. А., Елисеева А. А., Ващенко Е. С., Растяникова Е. В., Муранова А. П., Обухова А. Н., Костюнина Г. М. Институт востоковедения РАН. Москва. С. 117–124. [Latyshov A. V. (2019) Republic of Korea and developments of electronic trade / In book: Afro-Asiatic countries and new technologies. Tsvetkova N. N., Belova L. G., Akimov A. V., Deryugina I. V., Borisov M. G. Timonina I. L. Mosolova O. V., Ivanova S. V., Latyshov A. V., Melyantsev V. A., Eliseeva A. A., Vashenkova E. S., Rastyanikova E. V., Muranova A. P., Obukhova A. N., Costiunina G. M. Institute of Oriental Research. Moscow. Pp. 117–124. (In Russian).]

6. Международная торговая политика / Ландабасо А. И., Захарова Е. В., Сабельников Л. В., Трохова Е. В., Воронова Т. А., Мигалева Т. Е., Бяшарова А. Р., Иванова С. В., Ачалова Л. В., Лебедева Л. Ф., Герман Е. И., Большов И. Г., Фитуни Л. Л., Клочковский Л. Л., Спартак А. Н., Зульфугарзаде Т. Э., Абрамова И. О., Гладков И. С., Захарова Н. В., Кузнецова Г. В. и др. Учебник / Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс. Москва, 2017. [International trade policy / Landabaso A. I., Zakharova E. V., Sabelnikov L. V., Trokhova E. V., Voronova T. A., Migaleva T. E., Byasharova A. R., Ivanova S. V., Achalova L. V., Lebedeva L. F., German E. I., Bolshov I. G., Fituni L. L., Klochkovsky L. L., Spartak A. N., Zulfugarzade T. E., Abramova I. O., Gladkov I. S., Zakharova N. V., Kuznetsova G. V., etc. Textbook / Ser. 61 Bachelor and Master. Academic course. Moscow, 2017. (In Russian).]

Formation of the digital economy in the Republic of Korea

Kim Yujong,

*PhD student Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(origin Republic of Korea).*

The digitalization of the economy today is a mainstream trend of global economic development and covers almost all countries and regions of the world. The relevance of the research presented in the article is due to the active introduction of digital technologies into various (almost all) economic and social processes in the Republic of Korea and the digitalization of its economic system and all spheres of life over several stages (the author identifies three such stages in the XXI century. However, there are still problems in this area that need to be worked hard to overcome. The article shows that the Republic of Korea is today one of the largest centers of digital development, actively increasing its competitiveness due to digitalization. Scientific and practical interest is aroused by the approach of the Republic of Korea to this process, its scope, features and possibilities of adapting the experience of the Republic of Korea for other countries, including through strengthening digital cooperation in various areas of interaction, especially strategic ones. The purpose of the research presented in this article is to determine the level of digitalization development in the Republic of Korea, to characterize its features, to formulate problems and prospects for cooperation with the Russian Federation. The study confirms that digitalization has significantly accelerated both in the world and in the Republic of Korea. The author comes to the conclusion that significant progress has been made in the development of digitalization in the Republic of Korea, which has passed a number of stages. This work, according to the author, can become more effective within the framework of international cooperation in the digital sphere with partners, including the Russian Federation. The prerequisites for such cooperation based on a mutually beneficial approach, according to the author, have already been formed.

Keywords: *Republic of Korea, digitalization, digital infrastructure, international competitiveness, international digital development.*

JEL codes: *O33, O53, F01, F20.*

Москва — регионам 2023: направления и особенности межрегионального взаимодействия

Яндиев Магомет Исаевич¹

В статье представлен анализ межрегионального сотрудничества города Москвы с различными регионами Российской Федерации в 2022 г. Показано содержание этого сотрудничества, его формы и направления, методы поддержки Москвой регионов с целью консолидации межрегионального и межмуниципального взаимодействия на современном этапе и в новых условиях. Вся информация, представленная в данной статье, основана на данных официальных (перечень представлен в заключении текста), а также неофициальных источников. В статье показано, что Москва предоставила регионам значительную техническую, экономическую, социальную поддержку, помощь в инновационной и других сферах жизнедеятельности. В 2022 г. этой помощью на базе вновь подписанных соглашений были охвачены и новые регионы России — Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика — наряду с другими регионами Российской Федерации. Автор акцентирует внимание на том, что это межрегиональное сотрудничество способствовало улучшению ситуации в ряде регионов и в наиболее чувствительных и перспективных сферах.

Ключевые слова: *Российская Федерация, Москва, межрегиональное сотрудничество, межмуниципальное взаимодействие,*

JEL коды: *H7, H75, I38, O18.*

Введение

Москва на протяжении всей истории играет исключительно важную роль в социально-экономическом развитии различных регионов Российской Федерации (Ростанец, Ковалев, 2009), однако его направления и наполнение, а также методы, изменяются с течением времени (Бурак, Топилин, 2021), и эти изменения носят объективный характер. Поэтому в каждый исторический период времени важно анализировать те конкретные процессы и направления межрегионального экономического и социального сотрудничества Москвы с регионами России. Это тем более важно, что в Российской Федерации, по мнению ряда авторов (Ростанец, Топилин, Бурак, 2015), сохраняется проблема консолидации процессов межрегионального и межмуниципального сотрудничества, которая, на наш взгляд, значительно актуализировалась в связи с присоединением новых территорий.

Однако, по мнению автора, научные исследования этой сферы пока остаются неполными, почему возникает необходимость вновь обратиться к ее исследованию.

Данное исследование проводится автором во второй раз (см. Яндиев) и преследует цель продемонстрировать те усилия, которые Москва, как столица России и как носитель

¹ *Яндиев Магомет Исаевич* — кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; депутат Московской городской Думы, Москва, Россия.

самых передовых технологий, прикладывала в 2022 г., чтобы содействовать развитию субъектов Российской Федерации, в том числе — новых территорий и необходимостью обеспечения межрегионального взаимодействия как приоритетного направления государственной политики развития территорий (Буров, 2017).

Правительство Москвы осуществляет взаимодействие с регионами РФ на основе двусторонних соглашений о развитии сотрудничества в различных сферах, которые заключены с 86-ю российскими регионами и которые. Так, в 2022 г. с 6-ю регионами РФ договорные документы о сотрудничестве в экономической, научно-технической, социальной и других сферах были обновлены или вновь подписаны, в частности, с Донецкой и Луганской Народными Республиками, Алтайским, Хабаровским краем, Республикой Тыва и Ленинградской областью.

Направления межрегионального сотрудничества города Москвы в 2022 г.

Правительство Москвы интенсивно и динамично развивает межрегиональное сотрудничество на протяжении ряда лет. Оно осуществлялось также в 2022 г. по ряду направлений.

Так, *в сфере городского имущества* в 2022 г. в собственность 28-ти регионам России Правительство Москвы предоставило более 1080 единиц транспортных средств для общественного и личного потребления (в том числе автобусы, троллейбусы, трамваи, легковые автомобили, прицепы и др.), спецтехники, 459 единиц различного движимого имущества. В том числе, в ДНР поступило 168 единиц коммунальной техники для дальнейшего распределения по районам (грузовые автомобили, машины для вывоза мусора, снегоуборочная техника и др.) (Администрация города Донецка). Кроме того, «мы прокладываем новые сети, бурим новые скважины, прокладываем водоводы и так далее... Вообще за лето проведена большая работа по восстановлению объектов соцкультбыта, школ, детских садов, больниц, поликлиник... Ну и главные работы связаны с дорожной инфраструктурой, дорогами, коммуникациями» (Власти Москвы выделили...). Также он сообщил о помощи профессиональных московских строителей в части строительства оборонительных сооружений («Ребята достойно несут службу»..., 2022).

Важным направлением межрегионального взаимодействия в 2022 г. оставалась *сфера чрезвычайных ситуаций и пожарной безопасности*:

- «Пожарно-спасательный центр» города Москвы осуществил за год 524 выезда для тушения пожаров в Московской области и проведения там аварийно-спасательных работ;
- МЧС Москвы оказывала помощь в тушении как лесных, так и торфяных пожаров в Московской (в том числе на складском комплексе «OZON»), Ивановской, Рязанской и Владимирской областях.

Однако крайняя сложность рязанских пожаров вынудила столичные власти увеличить группировку спасателей на 8,5 тыс. человек (Сергей Собянин..., 2022) и отправить в регион дополнительно 2340 единиц спецтехники, в том числе примерно 600 единиц поливомоечной техники, оборудованной заборными рукавами, подающими системами для тушения пожара, 30 бульдозеров и экскаваторов (Фролов, 2022).

Сфера общественных и гуманитарных связей также стала одним из направлений сотрудничества Правительства Москвы с региональными партнерами в 2022 г. В этой сфере важнейшее внимание уделялось сбору гуманитарной помощи в рамках проводимой в

столице акции «Москва Помогает», и в целом развитию здесь волонтерского движения, нацеленного, прежде всего, на оказание поддержки новым регионам Российской Федерации. В результате осуществления этой деятельности, более 44 900 жителей города Москвы и 333 организации столицы за 2022 г. собрали более 3 млн единиц гуманитарных товаров в качестве помощи новым российским регионам (Свыше 3 млн единиц..., 2023), а также новогодних подарков. Эта работа проводилась на базе Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы, который, в частности, открыл штабы «Москва Помогает» во всех округах города (Комитет..., 2023).

Социальная и трудовая защита населения — это традиционное направление поддержки как жителей столицы, так и других регионов посредством реализации отдельных мероприятий. В сферу *труда и социальной защиты населения* включаются все обращающиеся в соответствующие службы граждане любого пола и возраста, которые хотят найти работу. Лицам без определенного места жительства предоставляется в Москве большой ассортимент помощи, в том числе восстанавливаются документы, оформляется в случае необходимости пенсия по возрасту или инвалидности, а также предоставляются срочные услуги (ночлег, обогрев, питание, доврачебная, гуманитарная помощь и др.). Также бездомным оказываются социально-педагогические, социально-правовые, социально-психологические и другие виды услуг на базе Центра социальной адаптации имени Е. П. Глинки (ГКУ ЦСА имени Е.П.Глинки). Опыт данного центра весьма успешный, как показывает его многолетняя практика, и может, на наш взгляд, быть адаптирован для других регионов страны.

В сфере здравоохранения город Москва предоставляет различные виды услуг населению, в том числе и скорую медицинскую помощь, в медицинских учреждениях, оснащенных современным оборудованием и ресурсами. Осуществляется обмен опытом с регионами.

В 2022 г. врачи лечебных учреждений Москвы (56 специалистов различных профилей: инфекционисты, анестезиологи-реаниматологи, медицинские сестры, эпидемиологи) в составе 9 мультидисциплинарных бригад выезжали на 2 недели в регионы, которым требовалась помощь в борьбе с коронавирусной инфекцией (Республика Крым, Республика Северная Осетия-Алания, Курская, Саратовская и Амурская области, Чувашская Республика, Забайкальский и Алтайский края, Нижний Новгород), а также Узбекистан и Казахстан (Московские врачи..., 2022).

Москва запустила на базе Единой цифровой платформы здравоохранения специальный сервис автоматического анализа исследований: hub.tele-med.ai/. Благодаря уникальной технологии врачи из любого региона России могут обработать лучевые исследования и провести оценку результатов маммографии с помощью технологий искусственного интеллекта, которые уже успешно применяются в столичных медучреждениях, а при необходимости получить комментарии московских экспертов по результатам анализа (Яндиев, 2023).

Еще одной важной социальной сферой, в которой осуществляется межрегиональное взаимодействие города Москвы с другими республиками и областями России, а также новыми регионами, является *образование*. Взаимодействие в этой сфере реализуется на основе целого ряда направлений и конкретных проектов.

1. Образовательная деятельность в стационарах медицинских организаций, в том числе для детей, проживающих в различных регионах РФ.

2. Обмен передовым опытом со специалистами в регионах России, в том числе посредством проведения вебинаров, а также для работников региональных образовательных учреждений организовываются стажировки на безвозмездной основе. Ведется работа в публичном пространстве по продвижению проекта «Взаимообучение городов»: материалы размещаются на сайте ГАОУ ДПО «Корпоративный университет» <https://corp-univer.ru/vzaimoobucheniye-gorodov/> и в медиа Москвы и городов России (Яндиев, 2023).

3. Оказывается психологическая помощь детям вне зависимости от места жительства. В Москве функционирует детский телефон доверия с единым общероссийским телефонным номером 8-800-2000-122, по которому субъекты образовательного процесса, в том числе несовершеннолетние, могут получить экстренную психологическую помощь посредством телефонного консультирования на основе анонимности (Детский телефон доверия). С этой же целью действует чат для подростков на виртуальной площадке «Мы рядом» (myрядом.онлайн/ или <https://xn--d1apbhi9d3a.xn--80asehdb/>).

4. Предоставляется помощь в деле организации ГИА (Государственной итоговой аттестации) российским регионам.

5. Существуют проекты, нацеленные на поддержку новых регионов Российской Федерации, прежде всего, в рамках сервисов «Московской электронной школы» (МЭШ). Это электронный сервис, сочетающий традиционное образование и новые технологии. «МЭШ» включает в себя библиотеку со сценариями уроков, онлайн-лабораториями, электронными пособиями и учебниками, электронный журнал и дневник школьника, а также сервис «Москвенок». Проект «Московская электронная школа» совместно разработали и развивают Департамент образования и науки и Департамент информационных технологий Москвы (Для школьников..., 2022). Проект МЭШ активно используют региональные образовательные организации и педагоги. За 2022 г. «Библиотеку МЭШ» посетили почти 30 млн раз более 6,6 млн человек из всех уголков России, а число просмотров и запусков составило порядка 72,5 млн (Яндиев, 2023).

В рамках современного глобального мейнстрима активизируется развитие межрегионального сотрудничества города Москвы с региональными партнерами **в сфере информационных технологий.**

В 2022 г. Департаментом информационных технологий Москвы велась активная работа с регионами Российской Федерации по одному из актуальных направлений межрегионального сотрудничества — автоматизации деятельности поставщиков и заказчиков для осуществления закупок в соответствии с пунктами 4 и 5 ст. 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также закупок, предусмотренных Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», с использованием автоматизированной информационной системы «Портал поставщиков» (АИС «Портал поставщиков»), разработанной по инициативе Правительства Москвы. Сервис содержит сервис развития бизнеса, логистики, прямой аренды, информационного обеспечения и др. «Биржа контрактного производства», На i.moscow зарегистрировано более 34 тыс. участников кластера, из них более 9 500 — это компании из субъектов РФ.

Также партнеры кластера могут принять участие в технологических конкурсах, позволяющих предпринимателям реализовать инновационные проекты совместно с крупными бизнес-заказчиками. Всего в 2022 г. было проведено 8 технологических

конкурсов, в которых приняли участие 192 человека, из них 69 зарегистрированы за пределами Москвы. Информационные ресурсы города Москвы активно используются при оказании профессиональной помощи городу Севастополю в составлении генплана города, чем в 2022 г. занималось ГАУ «Институт Генплана Москвы» (Клименок, 2023).

В *сфере предпринимательства и инновационного развития* в рамках межрегионального взаимодействия в 2022 г. Департаментом города Москвы реализованы следующие мероприятия.

– В период с 13 по 20 декабря 2022 г. совместно с Инновационно-образовательным комплексом «Техноград» (ИОК «Техноград») организованы интеграционные смены «Послезавтра» для детей из новых регионов Российской Федерации. В рамках Проекта на ВДНХ и в детском лагере «Литвиново» в Московской области дети в возрасте от 13 до 17 лет прошли профориентационное тестирование, посетили практико-ориентированные мастер-классы, дающие базовое представление о разных отраслях экономики, в том числе технологиях в строительстве, цифровом дизайне, мехатронике, производстве видеоконтента и других. Программа Проекта также включала тренинги по бизнес-навыкам и soft skills, экскурсии по ВДНХ и производственным площадкам, а также выезды на значимые культурные или спортивные мероприятия. Всего в рамках Проекта состоялось 15 курсов на 270 часов занятий, которые посетили более 200 детей.

– Проведен ежегодный конкурс на соискание премий «Лидеры цифровой трансформации». Премии были учреждены в целях поддержки талантливых разработчиков цифровых продуктов и сервисов для развития городской цифровой среды, а также стимулирования и внедрения новых цифровых продуктов и сервисов. В 2022 г. на участие в конкурсе было зарегистрировано 4408 участников из 70 регионов России и 30 стран мира. В финальный этап конкурса было отобрано 100 команд, 30 лучших решений которых были отмечены премиями в размере 1 млн рублей за первое место, 600 тыс. рублей за второе место и 400 тыс. рублей за третье место. Из 129 лауреатов премии 2022 года 55 человек — жители регионов России.

– С 2019 г. в целях стимулирования внедрения инновационных продуктов и технологий в Москве проводятся пилотные тестирования инновационных решений. Программа позволяет провести апробацию инновационных решений в реальных условиях на городских и коммерческих площадках, а также получить экспертную оценку эффективности инноваций и помощь в продвижении продукции на рынок. К настоящему моменту к программе присоединились более 210 площадок. В их числе: банки, строительные компании, ритейлеры, операторы связи, производственные предприятия, медицинские учреждения, вузы, IT-корпорации и другие организации. В 2022 г. из 83 компаний, которые протестировали свои разработки в рамках программы, 17 компаний зарегистрированы в регионах России.

– Обеспечивается реализация проекта «Карта инновационных решений» — онлайн-платформа для размещения информации об инновационных продуктах, работах и услугах российских технологических компаний. По итогам 2022 г. на платформе проекта размещены 5025 инновационных решений от 3272 российских компаний, в том числе 808 решений от 479 компаний, которые зарегистрированы в других регионах России. Кроме того, на платформе Карты размещаются актуальные городские запросы органов исполнительной власти города Москвы по поиску технологических решений. Размещенные запросы позволяют любой технологической компании узнать об актуальных потребностях города в

инновациях и предложить свои разработки для их решения. По итогам 2022 г. на платформе проекта были опубликованы 142 городских запроса от 23 органов исполнительной власти города Москвы, к которым подобраны 930 инновационных решений, в том числе 518 решений от 357 региональных компаний.

– Обеспечивается реализация проекта «Перечень инновационной, высокотехнологичной продукции и технологий» (Перечень ИВП), который содержит информацию о наименовании и уникальных технических характеристиках продукции и технологий без указания на торговые марки и производителей. Основной целью формирования Перечня ИВП является обеспечение закупок инновационных и высокотехнологичных продуктов заказчиками города Москвы за счет информирования производителей и заказчиков о предложении и спросе на инновационные продукты. Включение продукта в Перечень ИВП дает возможность производителю заявить о новом решении, имеющем потенциал применения в городской среде и являющемся более эффективным по сравнению с текущими аналогами,купаемыми городскими заказчиками. В 2022 г. в Перечень включены 27 продуктов от 23 региональных компаний.

ГБУ «Агентство инноваций Москвы» в 2022 г. реализованы 2 программы по развитию бизнеса «Московский акселератор», направленные на содействие технологическим компаниям в привлечении инвестиций, организации пилотирования и выводе продукции на новые рынки. Из 151 участника программы 54 компании и 2 индивидуальных предпринимателя зарегистрированы в регионах.

Также в 2022 г. проведено несколько следующих ключевых мероприятий в сфере креативных индустрий.

Фестиваль «Московская неделя моды. Модная столица» объединил российских дизайнеров, а также экспертов индустрии и предоставил отечественным профессионалам возможность заявить о себе. Свои коллекции показали около 500 российских дизайнеров из 40 городов страны. Мероприятие посетили более 1,6 млн человек, а общая сумма 230 заключенных во время мероприятия контрактов превысила 60 млн рублей.

Московская неделя интерьера и дизайна — мероприятие, которое объединило представителей компаний таких сфер: производителей мебели, строительных и отделочных материалов, домашнего декора, отраслевых ассоциаций и бизнес-клубов, инновационных предприятий и институтов, организаторов конгрессно-выставочных мероприятий. Свою продукцию на мероприятии представили больше 350 отечественных и зарубежных компаний, в том числе из 11 регионов России.

Конкурс решений в области промышленного дизайна «Фабрика дизайна», создающий новые продукты, обеспечивающие технологическую независимость, и отвечающий на запросы населения страны. В нем приняли участие более 350 команд из 68 регионов страны.

В сфере торговли

Департаментом торговли и услуг города Москвы проводится планомерная работа по поддержке российских сельскохозяйственных товаропроизводителей и созданию условий для их беспрепятственного участия в московских ярмарочных мероприятиях различных форматов.

В городе успешно действуют и развиваются межрегиональные круглогодичные ярмарки, а также ярмарки выходного дня, которые расположены во всех административных

округах города Москвы. В 2022 г. для проведения ярмарок в городе были определены 133 площадки с 3107 полностью оборудованными торговыми местами, которые бесплатно предоставлялись товаропроизводителям по их заявкам.

Учитывая популярность и востребованность ярмарок, город продолжал развивать ярмарочную торговлю. В 2022 г. было открыто 7 новых межрегиональных круглогодичных ярмарок. С открытием новых площадок у региональных товаропроизводителей появилась дополнительная возможность реализации своей продукции в комфортных условиях круглый год.

Кроме того, в Москве на ежегодной основе проводятся городские торговые фестивали цикла «Московские Сезоны». В 2022 г. было проведено 14 мероприятий указанного цикла, многие из которых проведены впервые. В рамках фестиваля «Подорожник» все желающие могли узнать о возможностях путешествий по России, а именно: основных направлениях, особенностях и лучших туристических маршрутах. На Фестивале российского виноделия горожане познакомились с современными российскими производителями и винодельческими традициями регионов России. Гастрономический фестиваль «Вкусы России» продемонстрировал разнообразие и богатство гастрономической культуры России и стал площадкой для региональных брендов продуктов питания.

В сфере туризма

Комитетом по туризму города Москвы (Мостуризм) особое внимание уделяется реализации мероприятий по расширению внутреннего туристического потока Российской Федерации, что в условиях закрытых границ в 2021–2022 гг. являлось важным фактором для роста экономического потенциала регионов Российской Федерации.

По данным мониторинга Мостуризма, за 9 месяцев 2022 г. москвичи совершили 20,4 млн поездок в регионы России. Во внутреннем туристическом потоке Российской Федерации порядка 20% приходится на туристов из Москвы, что является наибольшим показателем среди всех регионов.

Показатели туристического потока отражают уровень туристической активности москвичей благодаря туристическим тратам, оказывающим положительное влияние на экономику субъектов Российской Федерации. Суммарные траты москвичей в рамках поездок в регионы за 9 месяцев 2022 г. составили более 180 млрд руб. (учитываются только безналичные траты на территории субъектов в период пребывания, то есть без учета оплаты гостиниц, билетов, экскурсий и прочих услуг, совершенной в домашнем регионе).

ТОП-10 регионов, посещенных москвичами с целью туризма: Краснодарский край, Санкт-Петербург, Московская, Калужская, Владимирская, Тверская, Тульская, Рязанская, Ярославская, Нижегородская, Смоленская области.

Также одним из важных направлений деятельности Мостуризма является работа по продвижению цифровых проектов в туристической отрасли, среди которых ведущим проектом является RUSSPASS — цифровой туристический сервис для организации путешествий по России как для жителей страны, так и для иностранных граждан. Проект был запущен в июле 2020 г. и разработан по инициативе Правительства Москвы.

Портал позволяет туристическим агентствам и туроператорам со всей России размещать предложения о туристических продуктах, находить целевую аудиторию как среди москвичей, так и россиян. С RUSSPASS сотрудничают все регионы России. Благодаря этому

удалось собрать на одной площадке свыше 5,5 тыс. предложений для путешествий, а благодаря широкому функционалу туристы могут организовать поездку с помощью 27 услуг и сервисов. Это более 1,2 тыс. туров, более 900 маршрутов и экскурсий по России, включающих в себя достопримечательности, музеи, театры, памятники архитектуры, парки, заповедники, рестораны и кафе.

Также в рамках межрегионального сотрудничества в 2022 г. Мостуризмом реализован ряд мероприятий, направленных на создание комфортных условий для развития межрегионального туристического бизнеса:

- офлайн мероприятия — презентации 9-ти регионов РФ из туристического потенциала регионов Российской Федерации для представителей московской туристической отрасли: Краснодарский край, Архангельская, Астраханская и Ярославская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республики Чувашская, Башкортостан, Саха (Якутия), Бурятия;

- офлайн бизнес-миссии в 5 регионов РФ: Республика Татарстан, Красноярский край, Саратовская, Тюменская, Новосибирская области;

- цифровые бизнес-миссии 16-ти регионов Российской Федерации: Приморский край, Республики Саха (Якутия) и Башкортостан, Липецкая, Ивановская, Оренбургская, Воронежская, Ярославская, Костромская, Волгоградская, Орловская, Курская, Омская, Тамбовская, Смоленская, Рязанская области;

- оказано содействие в реализации специальных проектов: выставка «Сердце Югры» в Москве, мероприятие «Дни Тюмени в Москве» в парке Зарядье.

Мостуризмом совместно с Комитетом общественных связей и молодежной политики города Москвы в период с 16 по 29 декабря 2022 г. была подготовлена и реализована новогодняя программа «Зимняя сказка» для семей из города Москвы и субъектов РФ. Программа предусматривала автобусные и пешеходные экскурсии по Москве, посещение музеев, Выставки достижений народного хозяйства и ежегодной елки Мэра. Всего участие в Программе приняли более 2 600 человек.

В области культурного наследия

Департаментом культурного наследия города Москвы на постоянной основе обеспечивается обмен информацией и опытом по вопросам сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия с отраслевыми органами исполнительной власти регионов Российской Федерации. Представители Департамента принимают участие в профильных региональных мероприятиях (конференциях, семинарах, круглых столах).

В региональном треке студенческого конкурса, проведенного в рамках молодежного форума «Наследие» в 2022 г., приняли участие 13 команд из таких городов России, как Екатеринбург, Самара, Владимир, Воронеж, Казань, Красноярск, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Челябинск. Представители команд из Красноярска, Екатеринбурга, Саратова, Челябинска, Воронежа, Владимира и Самары были приглашены в Москву и приняли участие в деловой и фестивальной программах форума. Первое место занял проект студентов, предложивших план реставрации усадьбы «Красная горка» во Владимире. Второе место — концепция реставрации объекта «Дом Тулинова-Болдырева» в Воронеже, а 3-е место члены жюри присудили идее восстановления гостиницы «Центральная» в Самаре.

Кроме того, в 2022 г. из бюджета города Москвы бюджету Московской области был предоставлен межбюджетный трансферт в размере 41,9 млн рублей в целях выполнения работ по разработке проектной документации на проведение работ по реставрации и приспособлению для современного использования в качестве музея объекта культурного наследия регионального значения «Конный двор бывшей усадьбы Дрожжино — тюрьма», расположенного на территории объекта культурного наследия «Бутовский полигон».

В области медиа и рекламы

В 2022 г. Департаментом средств массовой информации и рекламы города Москвы в регионы были направлены книги, выпущенные в рамках Издательской программы Правительства Москвы:

– для вручения членам делегаций из регионов Российской Федерации в рамках проведения отраслевых мероприятий, направленных на продвижение туристического потенциала города Москвы — 2 640 экз.;

– для жителей города Мариуполя Донецкой Народной Республики в качестве гуманитарной помощи — 1 200 экз.;

– в целях организации досуга военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящих лечение и реабилитацию после ранений в ходе проведения специальной военной операции — 5 013 экз.;

– для передачи в дар библиотекам для проведения социально значимых мероприятий, организации книжных экспозиций и пополнения фондов библиотек многих регионов Российской Федерации (в том числе для библиотек Тулы, Твери, Рязани, Екатеринбурга, Тюмени, Саратова, Иркутска, Чебоксар) — 4 157 экз.;

— для вручения участникам детских конкурсов в рамках Международной книжной ярмарки-фестиваля «Волжская волна — 2022» — 30 экз.

В 2020–2022 гг. в соответствии с обращениями субъектов Федерации была одобрена безвозмездная передача в 10 регионов 436 свободных нестационарных торговых объектов со специализацией «Печать» (НТО «Печать»), площадью 6–12 кв. м., в том числе в 2022 г. — 230 НТО «Печать».

Кроме того, Департаментом на постоянной основе оказывается содействие в размещении рекламных материалов с информацией о туристическом потенциале различных регионов Российской Федерации на основании соответствующих заявок Комитета по туризму города Москвы.

В финансово-экономической и бюджетной сферах

Несмотря на то, что основная часть финансовых ресурсов России: порядка 90 % — сосредоточена в банках московского региона (Денежные средства..., 2023), бюджет города Москвы формируется в основном за счет небанковского и несырьевого секторов, в первую очередь — малого бизнеса и промышленности города (Доля малого и среднего бизнеса..., 2022).

Москва как деловой и финансовый центр страны является регионом-донором для федерального бюджета. В целом поступления с территории Москвы в федеральный бюджет и государственные внебюджетные фонды РФ по итогам 10 месяцев 2022 г. составили 3,4

трлн рублей или 15,2% от общего объема поступлений в федеральный бюджет за указанный период.

В то же время в 2022 г. из федерального бюджета бюджетам субъектов Федерации предоставлены межбюджетные трансферты в общем объеме 3,95 трлн рублей, из которых бюджет города Москвы получил 57,5 млрд рублей, или 1,5% от суммы трансфертов.

При этом существенная часть расходов бюджета города Москвы размещается на предприятиях из регионов (ТАСС, 2021), что обеспечивает региональных налогоплательщиков устойчивыми заказами, региональные бюджеты — доходами, а региональные экономики — существованием дополнительных тысяч рабочих мест. Так, например, предприниматели одной только Астраханской области заключили в 2022 г. с московскими властями 273 госконтракта на общую сумму 220 млн рублей, что почти в два раза больше, чем в 2021 г.

Таким образом, Москва наряду с другими регионами-донорами вносит существенный вклад в формирование доходной базы федеральной казны, используемой, в том числе, для финансовой поддержки субъектов Федерации.

Вместо заключения

Обобщая все вышесказанное, можно прийти к такому выводу: «Москва кормит регионы». Конечно, московские власти вполне могли бы абстрагироваться от нужд и текущих проблем других субъектов Федерации, игнорировать их обращения, и никто бы их не осудил. Однако, будучи не просто столичным городом, а городом с огромным научным и хозяйственным потенциалом, городом, полностью выполняющим свои обязательства перед москвичами, Москва охотно делится своими достижениями и возможностями с другими, способствуя этим повышению качества жизни в стране.

Источники официальной информации

Письмо Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы от 03.02.2023 № 08-14-160/23

Письмо Департамента информационных технологий города Москвы от 31.01.2023 № 64-01-535/23

Письмо Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы от 07.02.2023 № 17-42-7/23

Письмо Департамента образования и науки города Москвы от 27.01.2023 № 01-49/02-557/23

Письмо Департамента здравоохранения от 02.02.2023 № 62-15-9170/23

Письмо Департамента торговли и услуг города Москвы от 26.01.2023 № 01-185/23

Письмо Департамента инвестиционной и промышленной политики города Москвы от 27.01.2023 № ДИПП-Э-213/23-3

Письмо Департамента городского имущества города Москвы от 02.02.2023 № ДГИ-1-1082/23-1

Письмо Департамента культурного наследия города Москвы от 25.01.2023 № ДКН 16-04-11/23-1

Письмо Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы от 25.01.2023 № 02-12-27/23

Письмо Департамента по делам ГО, ЧС и пожарной безопасности города Москвы от 24.01.2023 № 27-18-196/23

Список литературы

1. Администрация города Донецка. Официальный сайт. [Donetsk city Administration. Official website. (In Russian).] URL:<https://gorod-donetsk.com/novosti/21747-v-donetsk-pribyla-kommunalnaya-tehnika-iz-moskvu>

2. Бурак П. И., Топилин А. В. (2021) Трансформация системы стратегического планирования социально-экономического развития страны и регионов: поиск новых методов и организационных решений // Вестник РАН. Т. 21. № 2. С. 4–10. [Burak P. I., Topilin A. V. (2021) Transformation of the system of strategic planning of socio-economic development of the country and regions: search for new methods and organizational solutions // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Vol. 21. No. 2. Pp. 4–10. (In Russian).]

3. Буров М. П. (2017) Межрегиональное экономическое взаимодействие — приоритетное направление государственной политики развития регионов // Экономика и предпринимательство. № 4–1 (81). С. 335–339. [Burov M. P. (2017) Interregional economic cooperation is a priority direction of the state policy of regional development // Economics and entrepreneurship. No. 4–1 (81). Pp. 335–339. (In Russian).]

4. Власти Москвы выделили дополнительные аварийные бригады Донецку. [Moscow authorities have allocated additional emergency teams to Donetsk. (In Russian).] URL:https://news.rambler.ru/moscow_city/50151749-vlasti-moskvy-vydেলিli-dopolnitelnye-avariynye-brigady-donetsku/

5. ГКУ ЦСА имени Е. П. Глинки. [GKU TSSA named after E. P. Glinka. (In Russian).] URL: <https://csa-glinki.ru/index.php>

6. Денежные средства кредитных организаций на корреспондентских счетах в Банке России (2023). [Funds of credit institutions on correspondent accounts with the Bank of Russia (2023). (In Russian).] URL: https://cbr.ru/hd_base/ostat_base/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=10.01.2022&UniDbQuery.To=10.01.2023

7. Детский телефон доверия. [Children's helpline. (In Russian).] URL: <https://ombudsman.mos.ru/Upolnomochenny/Upolnomochennyu-popravam-rebenka/Detskiy-telefon-doveriya>

8. Для школьников и их родителей: какие электронные сервисы полезны в учебе (2022). [For schoolchildren and their parents: which electronic services are useful in studying (2022). (In Russian).] URL: <https://www.mos.ru/news/item/114445073/>

9. Доля малого и среднего бизнеса в налоговых и неналоговых доходах бюджета Москвы составила 24,8 процента (2022). [The share of small and medium-sized businesses in the tax and non-tax revenues of the Moscow budget amounted to 24.8 percent (2022). (In Russian).] URL: <https://www.mos.ru/news/item/107418073/>

10. Клименок А. (2023) В Институте генплана Москвы обсудили генплан Севастополя. [Klimenok A. (2023) At the Institute of the General Plan of Moscow discussed the general plan of Sevastopol. (In Russian).] URL:

<https://www.sevastopol.kp.ru/online/news/5113136/><https://www.sevastopol.kp.ru/online/news/5113136/>

11. Комитет общественных связей и молодежной политики города Москвы (2023). [Committee of Public Relations and Youth Policy of the City of Moscow (2023). (In Russian).] URL:<https://www.mos.ru/kos/>

12. Московские врачи выехали в девять регионов для помощи в борьбе с COVID-19 (2022). [Moscow doctors went to nine regions to help in the fight against COVID-19 (2022). (In Russian).] URL: <https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/news/default/card/6359.html>

13. «Ребята достойно несут службу»: Собянин о поездке в Донбасс (2022). ["The guys are worthily serving": Sobyenin on a trip to Donbass (2022). (In Russian).] URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/255793>

14. Ростанец В., Ковалев А. (2009) Стратегические направления межрегионального экономического сотрудничества города Москвы и методы их реализации // Вестник Института экономики Российской Академии наук. № 4. С. 298–304. [Rostanets V., Kovalev A. (2009) Strategic directions of interregional economic cooperation of the city of Moscow and methods of their implementation // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 4. Pp. 298–304. (In Russian).]

15. Ростанец В., Топилин А., Бурак П. (2015) Проблема консолидации процессов межрегионального и межмуниципального экономического сотрудничества: возможные подходы к исследованию // Проблемы теории и практики управления. № 7. С. 22–27. [Rostanets V., Topilin A., Burak P. (2015) The problem of consolidation of processes of interregional and intermunicipal economic cooperation: possible approaches to research // Problems of theory and practice of management. No. 7. Pp. 22–27. (In Russian).]

16. Свыше 3 млн единиц гуманитарных товаров собрали в рамках акции «Москва помогает» (2023). [Over 3 million units of humanitarian goods were collected as part of the Moscow Helps campaign (2023). (In Russian).] URL: <https://tass.ru/moskva/18047711>

17. Сергей Собянин: Москва увеличила группировку сил и средств для тушения пожаров в Рязанской области (2022). [Sergei Sobyenin: Moscow has increased the grouping of forces and means to extinguish fires in the Ryazan region (2022). (In Russian).] URL:<https://www.mos.ru/mayor/themes/10299/8562050/>

18. ТАСС, 2021: Около 35% закупок московских заказчиков приходится на региональных поставщиков. [TASS, 2021: About 35% of Moscow customers' purchases are made by regional suppliers. (In Russian).] URL: <https://tass.ru/ekonomika/12859043>

19. Фролов М. (2022) Около 2,3 тыс. единиц техники направила Москва на тушение пожаров в Рязанской области. [Frolov M. (2022) Moscow sent about 2.3 thousand units of equipment to extinguish fires in the Ryazan region. (In Russian).] URL: <https://riamo.ru/article/578643/okolo-2-3-tys-edinits-tehniki-napravila-moskva-na-tushenie-pozharov-v-ryazanskoj-oblasti-xl>

20. Яндиев М. И. Мифы о Москве [Yandiev M. I. Myths about Moscow. (In Russian).] URL:http://yandiev-m.ru/?page_id=603/

21. Яндиев М. И. (2023) Москва регионам 2023. [Yandiev M. I. (2023) Moscow to regions 2023. (In Russian).] URL: https://yandiev-m.ru/?page_id=2430

Moscow to regions 2023: directions and features of interregional cooperation

Magomet I. Yandiev,

*PhD of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of Economics of Lomonosov
Moscow State University; Deputy of the Moscow City Duma,
Moscow, Russia.*

The article presents an analysis of interregional cooperation of the city of Moscow with various regions of the Russian Federation in 2022. It shows the content of this cooperation, its forms and directions, methods of Moscow's support for regions in order to consolidate interregional and inter-municipal cooperation at the present stage and in new conditions. All information presented in this article is based on official data (the list is presented in the conclusion of the text), as well as unofficial sources. The article shows that Moscow has provided the regions with significant technical, economic, social support, assistance in innovation and other spheres of life. In 2022, new regions of Russia — the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic — along with other regions of the Russian Federation were covered by this assistance on the basis of newly signed agreements. The author emphasizes that this interregional cooperation has contributed to improving the situation in a number of regions and in the most sensitive and promising areas.

Keywords: *Russian Federation, Moscow, interregional cooperation, inter-municipal interaction,*

JEL codes: *H7, H75, I38, O18.*

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ / ECONOMIC THEORY
AND HISTORY**

**Теория международной экономической интеграции и современная
практика стран с развивающимися рынками**

Шкваря Людмила Васильевна¹

В статье обосновывается необходимость дальнейшего теоретического развития концепций международной (региональной) экономической интеграции (МЭИ) в современных условиях. Актуальность темы обусловлена развитием — количественным и качественным — и/или возрождением международных (региональных) интеграционных процессов в мире, в том числе в ЕАЭС и в регионах «Глобального Юга». Региональные интеграционные группировки (РИГ) и объединения стран с развивающимися рынками ищут новые подходы к формированию интеграционного процесса, стремятся к выработке современных и более адекватных нынешнему этапу мирового развития механизмов региональной экономической интеграции, создают новые интеграционные форматы с учетом конкретных особенностей, задач, целей международной (региональной) экономической интеграции в тех или иных регионах, с участием тех или иных государств. В этих условиях, по мнению автора, имеющиеся западные теории международной (региональной) экономической интеграции не соответствуют ни современной практике и ее новым условиям и возможностям, ни экономическим интересам стран с развивающимися рынками и не обеспечивают возможности повышения эффективности международного регионального интеграционного сотрудничества в экономической сфере. Кроме того, мировая практика подтверждает наличие противоречий между странами в рамках интеграционного процесса, формирующихся как на страновом или региональном, так и на глобальном уровнях, пути выхода из которых зачастую теоретически не определены, а практически наносят этому процессу серьезный ущерб. Автор приходит к выводу о том, что необходимо исследовать и классифицировать уже существующие новые интеграционные форматы с учетом социально-экономических, географических, цифровых, экологических и других задач экономической интеграции в рамках региональных интеграционных объединений.

Ключевые слова: *международная экономическая интеграция (МЭИ), региональная интеграционная группировка (РИГ), концепции международной экономической интеграции, практика международной экономической интеграции, «Глобальный Юг», страны с развивающимися рынками, противоречия интеграции.*

JEL коды: A11, B22, F02, F15.

¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая лабораторией Международных экономических отношений им. Р. И. Хасбулатова, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Начавшись в середине XX в., региональная (международная) экономическая интеграция (МЭИ) прошла большой путь развития, но остается глобальным трендом, получившим распространение на всех континентах и активизировавшийся в последние десятилетия. Этот процесс (а большинство исследований традиционно трактуют МЭИ одновременно и как процесс, и как результат) получил широкое распространение в мире после Второй мировой войны и особенно после распада мировой колониальной системы, когда государства Африки, Азии и латинской Америки видели в региональной интеграции один из механизмов социально-экономического роста на основе взаимной торговли стран-участниц интеграционного процесса. Примером такого роста стала западноевропейская интеграция. Этот результат казался тем более достижимым, что он был концептуально обоснован известными западными учеными-экономистами. Например, Б. Баласса (Balassa, 1962), Дж. Вайнер (Viner, 1950), Я. Тинберген (Tinbergen, 1965), в том числе нобелевские лауреаты, такие как Моррис Аллэ (Аллэ, 1995; Аллэ, 1998), Роберт Манделл (Mundell, 1961; Mundell, 1962) и др. раскрывали преимущества и эффекты интеграции, акцентируя внимание преимущественно на положительных эффектах и узком круге аспектов. «Подчеркивая особенности концептуальной эволюции теории международной экономической интеграции, отметим, что бурное развитие интеграции в Западной Европе в 1980-х гг. и других регионах мира (главным образом, развивающихся странах) в 1990-е гг. формирует магистральный вектор прикладного развития теории международной экономической интеграции» (Арутюнян, 2011).

Применяя в той или иной форме и интерпретации западные теории международной экономической интеграции, на практике интеграционные блоки развивающихся стран в **целом не достигли выдающихся результатов** к концу XX в. с точки зрения тех показателей, которые предлагает западная научная мысль. Таким важнейшим показателем выступает доля внутрирегиональной торговли в общем товарообороте стран объединения. Однако это «несоответствие» теоретическим подходам, на наш взгляд, только лишний раз подчеркивает, что западные теории «не работают» в незападном мире: может ли идти речь о доле внутрирегиональной торговли в интеграционном объединении стран с развивающимися рынками, если на протяжении веков метрополии формировали структуру их экономики в определенном направлении, ориентированном на торговлю с метрополией? При этом трансформировались национальные экономики, создавались транспортные коридоры в направлении метрополии, устанавливались формы и механизмы внешнеторговых расчетов. Ученые отмечают, например, что «Невысокий объем внутреннего товарооборота является следствием большей ориентированности экономик ЕАЭС, в частности России и Казахстана, на экспорт природных ресурсов, основные покупатели которых находятся за пределами союза» (Гурский, 2020). Эта проблема присуща большинству интеграционных объединений стран с развивающимися рынками.

Формируются новые особенности сотрудничества с учетом современных и перспективных задач стран с развивающимися рынками: технико-технологического развития, повышения социального уровня обеспечения, инновационной составляющей национальных экономик, цифровизации, экологизации и др. так, «...интеграционное взаимодействие позволяет его участникам совместно решать наиболее острые социальные проблемы, такие как выравнивание условий развития отсталых районов, смягчение положения на рынке труда, предоставление социальных гарантий малообеспеченным слоям

населения, дальнейшее развитие системы здравоохранения, охраны труда и социального обеспечения» (Шаповалова, Харченко, 2016).

В этой связи все чаще на первый план выходит не столько торговая интеграция, сколько проектное сотрудничество, задачи развития производственной кооперации, решение совместных задач в различных (особенно стратегических) общих направлениях развития сотрудничающих стран.

Возникают новые форматы взаимодействия в рамках РИГ, не нашедшие отражения в классических теоретических подходах. Например, ученые отмечают, что «Концептуально новым феноменом межгосударственного интеграционного процесса является Евразийский экономический союз, охватывающий широкое географическое положение и обладающий значительной природно-сырьевой базой» (Михайлов, Галимова, 2022).

Трансформируется понимание необходимых предпосылок интеграции в части географии, уровня социально-экономического развития, исторических и других факторов. Так, сегодня речь уже не идет о необходимости наличия общей границы у интегрирующихся стран — более важным становится наличие транспортной составляющей, как и о близости уровней социально-экономического развития. Например, зона свободной торговли между США и Бахрейном функционирует достаточно эффективно, хотя последние международные организации и эксперты не относят к странам с развитой рыночной экономикой, как США.

Происходит **усиление роли глобального (внешнего) фактора как катализатора интеграционных процессов в регионе**. Исследователи отмечают: «...по мере усиления глобализации и, соответственно, ужесточения конкурентной борьбы на мировых рынках товаров и услуг роль экономической интеграции возрастает» (Солодовников, Мелешко, 2016. С. 125). С другой стороны, усиливается критика западных подходов, в том числе и в части региональной экономической интеграции и глобализации, со стороны представителей «Глобального Юга», одним из примеров которой выступает книга Э. В. Саида «Ориентализм», в которой автор резко критикует западные (англосаксонские) экономические и политические концепции развития стран исламского Востока (Саид, 2006). Превалирование интересов «Глобального Севера» имеет место и в других регионах мира, в том числе на Американском континенте. Это обстоятельство также усиливает интеграционные тенденции в регионах мира (Комкова, 2019).

Помимо несоответствия и ограниченности западных теорий интеграции условиям стран с развивающимися рынками, можно говорить, на наш взгляд, о непроработанности целого ряда вопросов теории международной экономической интеграции «отстающих» именно от современной практики, генерирующей новые условия и возможности для интегрирующихся стран, а также и формирующей новые риски в интеграционном процессе, которые традиционно достаточно слабо выражены в концептуальных проработках западных исследователей.

В этой связи исследователи отмечают, и с этим можно безоговорочно согласиться, что сегодня ни одна из имеющихся западных «школ» международной экономической интеграции не соответствует нынешним потребностям данного процесса в рамках, например, ЕАЭС: «...современные западные концепции и школы не отражают в достаточной степени интересов развивающихся государств и их потребностей (целей, задач) в интеграционных процессах» (Арутюнян, 2011).

Таким образом, для развития интеграционной практики, повышения ее результативности, важно прорабатывать и разрабатывать современные комплексные теории международной региональной интеграции на новой эмпирической основе с формированием и обоснованием показателей ее эффективности. Эта работа необходима, так как теории международной экономической интеграции не являются и не могут быть статичными, но должны развиваться под влиянием эволюции и трансформации, существующей в разных регионах мира практики. В свою очередь, обогащение теории дает возможность прогнозировать перспективы развития интеграции в средне- и долгосрочной перспективе, определять направления и возможности этого развития, а также эффекты на субрегиональном и страновом уровнях. Такая возможность имеет важное значение в условиях роста глобальной нестабильности и по мере усложнения стоящих перед странами задач.

Список литературы

1. Алле М. (1995) Экономика как наука. М.: Наука для общества. 165 с. [Alle M. (1995) Economics as a science. Moscow: Science for Society. 165 p. (In Russian).]
2. Алле М. (1998) Условия эффективности в экономике / Пер. с фр. Л. Б. Азимова и др. М.: Наука для общества. 299 с. [Alle M. (1998) Conditions of efficiency in economics / Translated from French by L. B. Asimova et al. Moscow: Science for Society. 299 p. (In Russian).]
3. Арутюнян Г. Р. (2011) Проблематика современной региональной интеграции в оптике теории международной экономической интеграции: СНГ, Россия, Армения // Научный потенциал. № 3 (4). С. 5–10. [Arutyunyan G. R. (2011) Problems of modern regional integration in the optics of the theory of international economic integration: CIS, Russia, Armenia // Scientific potential. No. 3 (4). Pp. 5–10. (In Russian).]
4. Гурский В. Л. (2020) Перспективы развития международной экономической интеграции государств-членов ЕАЭС в условиях глобальных изменений в мировой экономике // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. Минск. Вып. 12. С. 91–99. [Gursky V. L. (2020) Prospects for the development of international economic integration of the EAEU member states in the context of global changes in the world economy // Economic science today: collection of scientific articles / BNTU. Minsk. Vol. 12. Pp. 91–99. (In Russian).]
5. Комкова Е. Г. (2019) ЮСМКА вместо НАФТА // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 50–58. [Komkova E. G. (2019) YSMKA instead of NAFTA // World economy and international relations. No. 4. Pp. 50–58. (In Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-50-58
6. Михайлова Н. А., Галимова А. А. (2022) Международная экономическая интеграция в новых геополитических условиях // Вестник Национального Института Бизнеса. № 4 (48). С. 98–104. [Mikhailova N. A., Galimova A. A. (2022) International economic integration in new geopolitical conditions // Bulletin of the National Institute of Business. No. 4 (48). Pp. 98–104. (In Russian).]
7. Саид Э. В. (2006) Ориентализм. Западные концепции Востока / послесл. К. А. Крылова, пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. 639 с. [Said E. V. (2006) Orientalism. Western concepts of the East / afterword by K. A. Krylov, translated from the English by A. V. Govorunov. Saint-Petersburg. 639 p. (In Russian).] ISBN 5-9900557-1-4

8. Солодовников С. Ю., Мелешко Ю. В. (2016) Евразийская экономическая интеграция // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. № 3. С. 121–125. [Solodovnikov S. Yu., Meleshko Yu. V. (2016) Eurasian economic integration // News of the National Academy of Sciences. Humanities Series. No. 3. Pp. 121–125. (In Russian).]
9. Шаповалова А. М., Харченко М. О. (2016) Международная экономическая интеграция // Новая наука: Современное состояние и пути развития. № 3–1. С. 212–214. [Sharovalova A. M., Kharchenko M. O. (2016) International economic integration // New science: Current state and ways of development. No. 3–1. Pp. 212–214. (In Russian).]
10. Balassa B. (1962) *The Theory of Economic Integration*. L.: Allen and Unwin. 1962.
11. Mundell R. F. (1961) A Theory of Optimal Currency Areas // *The American Economic Review* Vol. LI Sept. № 4. P. 657–659.
12. Mundell R. (1962) The Appropriate Use of Monetary and Fiscal Policy for Internal and External Stability // *IMF Staff Papers*. 9 March. P. 72–74.
13. Tinbergen J. (1965) *International Economic Integration*. Amsterdam; Brussels: Elsevier.
14. Viner J. (1950) *The Custom Union Issue*. Carnegie Endowment for International Peace. N. Y.

Theory of international economic integration and modern practice of countries with emerging markets

Lyudmila V. Shkvarya,

Doctor of Economics, Professor, Head of the R. I. Khasbulatov Laboratory of International Economic Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

The article substantiates the need for further theoretical development of the concepts of international (regional) economic integration (MEI) in modern conditions. The relevance of the topic is due to the development — quantitative and qualitative — and/or the revival of international (regional) integration processes in the world, including in the EAEU and in the regions of the "Global South". Regional integration groupings (RIGS) and associations of countries with emerging markets are looking for new approaches to the formation of the integration process, strive to develop modern and more adequate mechanisms of regional economic integration to the current stage of world development, create new integration formats taking into account specific features, tasks, goals of international (regional) economic integration in certain regions, with the participation of certain states. In these conditions, according to the author, the existing Western theories of international (regional) economic integration do not correspond to modern practice and its new conditions and opportunities, nor to the economic interests of countries with emerging markets and do not provide opportunities to increase the effectiveness of international regional integration cooperation in the economic sphere. In addition, world practice confirms the existence of contradictions between countries within the framework of the integration process, emerging both at the country or regional and global levels, the ways out of which are often not theoretically defined, but practically cause serious damage to this process. The author comes to the conclusion that it is necessary to investigate and classify existing new integration formats taking into account socio-economic, geographical, digital, environmental and other tasks of economic integration within the framework of regional integration associations.

Keywords: *international economic integration (IEI), regional integration grouping (RIG), concepts of international economic integration, practice of international economic integration, «Global South», countries with emerging markets, contradictions of integration.*

JEL codes: *A11, B22, F02, F15.*